

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

Сазончик Елизавета Сергеевна

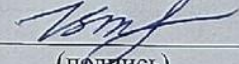
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА КРИМИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ НА МАТЕРИАЛЕ
СОБСТВЕННОГО И ОПУБЛИКОВАННОГО ПЕРЕВОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
РОМАНА-ДЕТЕКТИВА КАНАЭ МИНАТО «ПРИЗНАНИЯ»

Направление подготовки 45.03.02 - Лингвистика

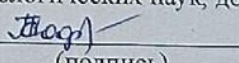
Направленность (профиль) образовательной программы – Перевод и
переводоведение (английский и испанский языки)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. зав.кафедрой: Битнер И.А.
кандидат филологических наук, доцент

« 15 » мая 2024 г.
(подпись)

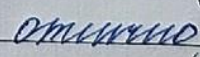
Руководитель: Софронова Т.М.
канд. филологических наук, доцент

« 14 » мая 2024 г.
(подпись)

Дата защиты « 25 » июня 2024 г.

Обучающийся: Сазончик Е.С.
(фамилия, инициалы)

« 14 » мая 2024 г.
(подпись)

Оценка
(прописью)

Красноярск, 2024

Содержание

Введение	3
Глава 1. Криминальная проза как жанр художественного перевода.....	7
1.1 Особенности перевода художественной литературы	7
1.2 Криминальная литература в аспекте перевода.....	12
1.2.1 Стилистическая проблематика криминальной литературы.....	17
Выводы по первой главе	22
Глава 2. Анализ и переводческий комментарий к собственному и опубликованному переводу романа Канаэ Минато «Признания»	23
2.1 Предпереводческий анализ	23
2.2 Переводческий комментарий к собственному и опубликованному переводу произведения Канаэ Минато «Признания».....	26
Выводы по второй главе	45
Заключение	46
Список использованной литературы	48
Приложение А	51

Введение

Литература – это искусство слова, с помощью которого создаётся подвижная и динамичная картина жизни. Рост духовной культуры выражается в изменениях языков и порождает интерес к слову, а тем самым интерес к словесно-художественному творчеству. Читая произведение, мы можем с помощью фантазии создать свой образ героя. К сожалению, это было бы невозможно без переводчиков художественной литературы. Список доступных нам произведений на нашем родном языке ограничивает наш кругозор существующей здесь и сейчас картиной мира. Однако, благодаря профессиональным переводчикам люди по всему миру могут читать зарубежные книги и понимать заложенные в них образы, метафоры и смысл [Виноградов, 2014].

Полноценный и максимально эквивалентный перевод требует определённых знаний, которыми обладает не каждый изучающий язык человек, включая понимание семантики текста, устройства быта страны оригинала и страны языка перевода, а также владение переводческими трансформациями. К сожалению, многие проверенные временем переводчики художественной литературы уходят от нас, поэтому на их место должно прийти более молодое поколение, чтобы большой объём не только российской, но и зарубежной литературы переводился и распространялся по всему миру.

Кроме того, одним из самых популярных жанров художественной литературы является криминальная проза, которая, согласно анализу рынка потребителей, занимает второе место по популярности, что повышает спрос на переводчиков данного жанра.

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной освещённости и изученности проблематики перевода криминальной литературы. Появляется всё больше вопросов, связанных с проблемами перевода, и многие из них до сих пор остаются открытыми.

Новизна представленного исследования заключается в том, что впервые был представлен своеобразный лингвистический эксперимент по

сравнительно-сопоставительному анализу переводов, выполненных с оригинала и ступенчато с другого перевода, отмеченного всевозможными литературными премиями.

Объект исследования – произведение детективного жанра «Признания» японского автора Канаэ Минато [2008] в англоязычном переводе Стивена Снайдера [2014], собственный перевод данного произведения с англоязычной версии романа на русский [2024, в рукописи] и опубликованный перевод оригинала книги с японского языка на русский Шерегедой Татьяной Сергеевной [2023].

Предмет исследования – контекстуальные несоответствия, выявленные в ходе собственного независимого перевода с английского языка на русский, и требующие применения различных переводческих трансформаций, а также сопоставление их при межъязыковой передаче в опубликованном переводе с японского языка на русский Шерегедой Т.С.

Цель исследования – вскрыть проблематику перевода криминальной прозы на примере собственного перевода психологического романа-детektива Канаэ Минато «Признания» с английского языка на русский и при его сопоставлении с опубликованным переводом данного произведения с японского языка на русский.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать особенности перевода художественной литературы;
- 2) изучить особенности перевода криминальной прозы;
- 3) исследовать используемые в криминальной прозе стилистические приёмы, которые важно учитывать при переводе произведений данного жанра на другие языки;
- 4) выполнить предпереводческий анализ романа Канаэ Минато «Признания»: представить информацию об авторе оригинала, его произведении и о двух опубликованных переводах романа на английский

язык Стивенем Снайдером [2014] и на русский язык Шерегедой Татьяной Сергеевной [2023];

- 5) представить переводческий комментарий о ходе собственного независимого перевода романа с английского языка на русский и провести сравнительно-сопоставительный анализ межъязыковой передачи выявленных контекстуальных несоответствий в собственном переводе и в опубликованном переводе с японского языка на русский Шерегедой Т.С. [2023].

Методологической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных учёных, таких как: Арнольд И.В. [2021], Бейкер М. [Baker, 2000], Виноградов В.С. [2014], Гальперин И.Р. [2014], Кириленко Н.Н. [2009], Комиссаров В.Н. [1988, 2007, 2013], Швейцер А.Д. [2012] и Федунина О.В. [2014, 2018].

Материалом исследования послужил английский перевод произведения Канаэ Минато «Признания», написанный американским переводчиком Стивенем Снайдером, а также опубликованный перевод с японского оригинала на русский язык переводчицей Шерегедой Татьяной Сергеевной.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования материала на занятиях по теории и практике перевода, поскольку представленные в исследовании результаты представляют объемный иллюстративный материал по сравнительно-сопоставительному анализу переводов, выполненных с оригинала и ступенчато с другого перевода.

Структура работы определяется исследовательскими задачами. Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка литературы и приложения. Во введении обосновывается выбор темы, актуальность исследования, определены объекты и предмет исследования, его цели и задачи. В первой главе рассматриваются теоретические основы перевода, классифицируется художественная и криминальная литература, выделяются виды криминальной прозы, особенности и трудности ее перевода. Вторая глава посвящена анализу работ писательницы Канаэ Минато, переводчика Стивена

Снайдера и Шерегеды Татьяны Сергеевны. Также в главе рассматриваются проблемы, с которыми мы столкнулись при собственном переводе произведения «Признания» вышеупомянутой писательницы. Заключение содержит выводы по проделанной работе. Список использованной литературы включает в себя труды отечественных и зарубежных лингвистов.

Глава 1. Криминальная проза как жанр художественного перевода

При переводе художественной литературы, литературные особенности текста играют неотъемлемую роль, так как если переводчик их игнорирует, то итоговый результат может стилистически не подойти под параметры художественной литературы.

1.1 Особенности перевода художественной литературы

Согласно терминологическому словарю-тезаурусу по литературоведению, художественная литература представляет собой вид искусства, в котором слово является основным средством образного отражения жизни [Русова, 2011].

Художественная литература – это категория литературных произведений, созданных с целью эстетического и культурного воздействия на читателя, выражения художественных идей и эмоций, а также повествования о вымышленных или реальных событиях, персонажах и мирах. Литература не только повествует о разнообразных событиях, но и исследует глубокие человеческие чувства, конфликты и моральные дилеммы. Тем самым, в отличие от научной литературы, художественные произведения часто фокусируются на внутреннем мире персонажей и их эмоциональных переживаниях.

Художественная литература включает в себя множество различных жанров, каждый из которых наполнен разнообразной лексикой и стилистикой, присущей только ему. Таким текстам свойственно использование всех возможностей языковой системы, языковая индивидуальность, образность, эмоциональность, экспрессивность и метафоричность. Зачастую в литературных текстах можно встретить и различные стилистические приёмы, включая синтаксические фигуры речи и тропы. Кроме того, слова, используемые в литературе, могут иметь много значений, а синонимы,

антонимы и паронимы используются чаще, чем в любом другом текстовом жанре. Также могут встречаться просторечия, жаргонизмы, профессионализмы, устаревшая лексика и неологизмы [Галь, 2020].

Разнообразие жанров художественных текстов соответствует ещё большая вариативность стилистических характеристик, способствующих созданию эмоциональной атмосферы, передаче авторского стиля и формированию определённого впечатления у читателя. Чаще всего встречаются следующие стилистические характеристики:

1. Образность и метафоричность.

Большое содержание метафор и образных выражений помогает создать визуальные и эмоциональные образы воображаемых миров и персонажей. Кроме того, данные средства способствуют более глубокому пониманию текста, вызывая у читателя эмоциональный отклик.

2. Обильное использование языковых средств.

Авторы часто используют стилистические приёмы (тропы), такие как эпитеты, олицетворения, аллегории, риторические вопросы и т.д. для усиления эффективности изложения, чтобы сюжет лучше отложился в памяти читателя. Данные средства улучшают выразительность текста и подчёркивают его художественный характер.

3. Индивидуальный авторский стиль.

Авторский стиль выражается через особенности изложения, выбор слов и фраз, структуру предложений и самого текста. Благодаря индивидуальному стилю писатель может создавать узнаваемые произведения и формировать эмоциональную связь с читателем.

4. Жанровые особенности.

Каждый литературный жанр имеет свои особенности стилистики, отражающие цели и задачи автора. Например, в художественной прозе часто встречается детальное описание персонажей и их

внутреннего мира, а в поэзии большее внимание уделяется ритму, звучанию и метафорам. Ориентированность на диалоги и действия в драматических произведениях также является их стилистической особенностью.

5. Использование синтаксических фигур речи речи.

Художественные тексты зачастую включают в себя различные стилистические фигуры речи. К ним можно отнести параллелизм, повторы, антитезы и эллипсис. Благодаря им автор может организовать текст и углубить смысловую нагрузку произведения для того, чтобы произвести определённый эффект на читателя.

Помимо стилистики среди особенностей художественных текстов можно также выделить и лингвистические характеристики. Они способствуют созданию эмоциональной и эстетической ценности текста, определяя его стиль и художественное выражение. Одними из основных лингвистических особенностей являются следующие:

1. Употребление различной лексики.

Авторы художественных произведений могут создавать новые слова или переосмысливать существующие для передачи определённых идей и эмоций. Даже в русском языке существует множество примеров слов, созданных писателями, обогативших наш язык. Например, в своём стихотворении «Телемахида» Василий Тредиаковский придумал более ста слов, среди которых можно выделить слова «громогласный», «медоточивый» и «денно-нощно». Помимо Тредиаковского можно также отметить словотворчество Михаила Ломоносова, Николая Карамзина, Фёдора Достоевского и Михаила Салтыкова-Щедрина [Шутемова, 2012].

2. Структурирование предложений.

Художественным текстам свойственно иметь более сложную структуру предложений, для чего авторы прибегают к разным

стилистическим приёмам при создании определённого ритма и интонации в тексте.

3. Построение диалогов согласно речевому жанру.

Диалоги и другие речевые жанры, такие как монологи, внутренние размышления персонажей и рассказы, играют важную роль в художественных текстах. Для придания голосам персонажей уникальности, авторы используют различные стили речи и диалекты, помогающие отразить социокультурные контексты и характеристики персонажей.

Все перечисленные черты различных литературных жанров оказывают значительное влияние на процесс перевода и требуют определённого подхода к передаче содержания, стиля и эстетических особенностей оригинального произведения [Комиссаров, 1988].

Перевод представляет собой гигантский лингвистический эксперимент, в процессе которого сопоставляются языки и их элементы. Постоянно проводимые исследования лингвистов доказывают, что проблематика перевода тесно связана с проблемами языкознания и межъязыковых отношений [Комиссаров, 2007].

Термин «перевод» можно определять по-разному и соответственно, определений у него также много. Сами переводчики определяют его как, в первую очередь, процесс, однако, переводом можно также считать и результат действия. Согласно Т.А. Казаковой, перевод – это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода [Казакова, 2020].

В.Н. Комиссаров же определяет перевод как творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика комплекса знаний, умений и навыков, включая умение выбирать лучший вариант перевода, учитывая все возможные аспекты в области лингвистики и экстралингвистики. Он выделяет перевод как многогранный и сложный процесс, аспекты которого лежат в области изучения разных наук [Комиссаров, 2013].

У художественной литературы есть две основные взаимосвязанные функции, образующие текст: функция воздействия и эстетическая функция. Эстетическая ценность произведения и уровень воздействия на читателя полностью зависят от формы материализации содержания. Художественный текст может содержать различные речевые стили и стилистические приёмы, но не зависимо от того, что именно за приём использовался и даже если в тексте встречается стилистически сниженная лексика, все элементы можно включить в особую литературную систему, за счёт чего они приобретают новую эстетическую функцию [Виноградов, 2014].

Уникальные черты литературных жанров и форм требуют от переводчика специфических навыков и подходов к передаче содержания и стиля. Переводчик должен уметь адаптировать текст под новую языковую и культурную среду, при этом не упуская эстетические и художественные особенности оригинала [Бархударов, 2023]. При переводе художественной литературы переводчик должен учитывать контекст, структуру и цели оригинального произведения, чтобы донести его содержание и эмоциональное воздействие до носителей другого языка и культуры [Алимова, 2012].

Уникальные черты жанров и литературных форм оказывают непосредственное влияние на процесс перевода. Таким образом, выделим три основные формы художественной литературы и отметим их влияние на перевод:

1. Проза.

Проза характеризуется более свободной структурой предложений и описательным стилем. При переводе таких текстов необходимо воспроизводить авторский голос и ритм текста, передать эмоциональные нюансы и интонацию, а также учитывать лексические, синтаксические и стилистические особенности текста.

2. Поэзия.

3. Главной характеристикой поэтических произведений является особая ритмика, звучание и метафорический язык. При переводе поэзии

необходимо учитывать стихотворную форму, ритм, размер и сохранять поэтическое звучание. Также, желательно сохранять образность оригинала, однако подобное не всегда получается сделать, не потеряв оригинальный ритм, форму и размер строк. Кроме того, некоторые образы связаны с определёнными реалиями, поэтому зачастую переводчики отказываются от некоторых образов, чтобы адаптировать стихотворение к реалиям языка перевода [Хамараева, 2022].

4. Драма.

Драматические произведения ориентированы на диалоги, действия и взаимодействия персонажей, поэтому в процессе перевода переводчику необходимо передать интонацию и стиль речи героев произведения, сохранив при этом драматическую напряжённость и динамичность сцен.

С другой стороны, некоторые лингвисты определяют перевод в отдельный жанр, так как в процессе перевода, переводчик использует определённые приёмы и техники, а также зачастую изменяет образы оригинала на другие, более близкие будущему читателю, не владеющему языком и не знающему культуру страны данного оригинала. Однако, вопрос об уникальной переводческой стилистике в рамках истории перевода был поднят не так давно, поэтому остаётся открытым [Бэйкер, 2000].

1.2 Криминальная литература в аспекте перевода

Согласно анализу рынка читателей криминальная литература занимает второе место среди самых популярных жанров в России (27%). Также анализ показывает, что люди моложе 34 лет часто читают произведения зарубежных авторов (50%) и предпочитают криминальную прозу приключенческим романам.

Данная статистика показывает востребованность переводчиков художественной литературы и необходимость в качественном переводе криминальных произведений.

Криминальная литература – это жанр, посвящённый преступлениям, их расследованию, преступникам и их мотивам. Данный жанр представляет собой головоломку, которую читатель решает по мере чтения произведения. Благодаря криминальной прозе, читатели углубляются в социальные проблемы и темы, связанные с моралью и этикой, а также могут вынести преступнику личный вердикт, основываясь на своём понимании справедливости [Федунина, 2014].

Главной особенностью данного жанра является его интригующий характер и постоянное присутствие напряжения и детективного сюжета. Основной целью повествования является раскрытие преступления.

Помимо указанных выше особенностей, лингвист М.М. Бахтин, используя трёхмерную модель жанра в качестве основы аналитической схемы, отмечает наличие в криминальной литературе типа героя-сыщика, сюжета, хронолога, субъектной организации, картины мира и речевого уровня произведения. Согласно М.М. Бахтину, рассказчик играет роль свидетеля и судьи, в то время как в других жанрах художественной литературы, данные функции разведены [цит. по: Кириленко, 2020].

Среди основных характеристик криминальной литературы можно выделить следующие:

1. Загадка преступления. Для криминального произведения характерно иметь преступление и следующую за ним по мере сюжета разгадку произошедшего.
2. Детективный сюжет. Большинство криминальных произведений имеют героев, расследующих преступление, собирающих улики, раскрывающих тайны и выявляющих виновных.

3. Напряжённость и интрига. Данные особенности жанра позволяют удерживать читателя в напряжении до конца произведения, так как разгадка преступления обычно имеет место быть в самом конце.
4. Психологический портрет персонажей. Для полного погружения в сюжет произведения в криминальной литературе зачастую создаются сложные психологические портреты всех персонажей, чтобы читатель мог принять более вовлечённое участие в происходящем, погрузившись в мысли и мотивы героев [Кириленко, 2009].
5. Социальные и моральные вопросы. Очень часто в криминальных произведениях поднимаются вопросы о справедливости, вине и наказании, наталкивающие читателя на обдумывание данных тем и большее погружение в сюжет.

Таблица 1

**Сравнение характеристик поджанров криминальной литературы
[Федунина, 2014]**

Жанр	Жанровые особенности	Тон и стиль	Специфические вызовы для перевода
Классический детектив	В основе сюжета лежит тайна, которую главный герой должен разгадать. Есть логическая цепочка, которой не хватает смысловых моментов. Присутствует рационально-игровой метод расследования. Особую роль занимает финальная речь «великого сыщика». В детективе «закрытого типа» действие происходит в замкнутом помещении, из которого никто не может выйти, и есть ограниченный круг подозреваемых.	Эмоциональная окраска более умеренна, а фокус держится на интеллектуальном и логическом аспекте расследования. Жанр предлагает читателю умственный вызов и интригующую головоломку, которую необходимо разгадать вместе с главным героем.	Переводчик должен уделять внимание переводу отрезков текста, содержащих информацию, непосредственно способствующую выстраиванию читателем истинной картины происшествия или направлению на «ложный след». Потеря какой-либо информации в данном тексте недопустима.

Продолжение таблицы 1

Жанр	Жанровые особенности	Тон и стиль	Специфические вызовы для перевода
«Авантюрное расследование»	<p>Сочетает в себе элементы приключенческого романа и детективного расследования.</p> <p>Акцент смещён с расследования на события, происходящие во время его проведения.</p> <p>Главная цель – найти истину и привести злодеев к справедливости.</p>	<p>Присутствует большое количество описаний необычных локаций.</p> <p>Часто присутствует романтический элемент, добавляющий драматизма и глубину к сюжету.</p> <p>Тон характеризуется драматичным экшеном.</p> <p>Тон часто олицетворяет оптимистичный и энергичный стиль.</p>	<p>Часто встречающиеся каламбуры и игра слов представляют для переводчика определенную трудность.</p> <p>В авантюрном расследовании могут встречаться технические и научные детали, связанные с расследованием и приключениями.</p>
Полицейский роман	<p>Чаще всего расследование проводится в рамках полицейского департамента или уголовного расследования.</p> <p>Главным героем выступает полицейский или детектив.</p> <p>Упор на расследование и полицейские процедуры. Достоверность описания работы правоохранительных органов.</p> <p>Присутствуют сложные персонажи с многослойной психологией.</p>	<p>Фокус на взаимодействии персонажей в рамках правоохранительных органов.</p> <p>Тон отличается профессионализмом и логикой.</p> <p>Ориентированность на реалистичное изображение работы органов и соблюдение процедур.</p> <p>Важную роль играют межличностные отношения и динамика между персонажами.</p>	<p>Огромное количество профессионализмов, включая названия должностей правоохранительных органов, требует кропотливой работы со словарём.</p>

Жанр	Жанровые особенности	Тон и стиль	Специфические вызовы для перевода
«Расследование жертвы»	<p>Внимание уделяется жизни, опыту и личности жертвы.</p> <p>Анализируются эмоциональное состояние персонажей, их реакция на происходящее, возможные травмы и последствия.</p> <p>Подход к преступлению через призму «жертвы» позволяет лучше понять героя и через что он проходит.</p> <p>Подчёркивается мотивация жертвы и стремление раскрыть преступление.</p>	<p>Особое внимание уделяется эмоциональной глубине и эмпатии к жертве.</p> <p>Раскрываются психологические аспекты, связанные с последствиями преступления.</p> <p>Через эмоциональный опыт жертвы создаётся напряжение и драматизм.</p> <p>Уникальный взгляд на преступления с точки зрения того, кто понёс наибольшие потери.</p> <p>Часто поднимается тема выживания и борьбы жертвы за справедливость.</p>	<p>Из-за необходимости передать эмоциональную глубину и психологический контекст, сопровождающий историю жертву, нужен чуткий и точный перевод.</p> <p>Тон и стиль могут быть более интроспективными и сосредоточенными на эмоциональных аспектах и личной драме, чем на самом преступлении или детективных методах, из-за чего переводчик должен уловить этот уникальный тон и передать его адекватно.</p> <p>Наличие специфической лексики и терминологии, связанной с психологией и медициной требует от переводчика знаний в этих областях.</p>

Помимо указанных выше уникальных особенностей данных жанров (Таблица 1), на перевод также влияют и лексические особенности, общие для всех перечисленных жанров криминальной литературы. Например, большую часть лексики составляет терминология, свойственная данным текстам. Сюда можно включить терминологию преступлений и правоохранительных органов, термины и образы, связанные с преступлением и жертвами, термины из юридической сферы, а также психологические термины и мотивы [Байко, 2015].

Жанровые особенности, наоборот, принимаются как заранее известные, поэтому при анализе текстов большее внимание уделяется индивидуальным особенностям каждого отдельного произведения и отражению его

уникальности и отличий от других произведений данного жанра художественной литературы.

В перечень данных особенностей можно в первую очередь отнести использование речевых оборотов и иных стилистических приёмов, к которым прибегнул автор для создания напряжения и интриги, описания сцен и персонажей, а также достижения различных функций текста.

1.2.1 Стилистическая проблематика криминальной литературы

Произведения криминального жанра зачастую построены более шаблонно, чем другие жанры, поэтому в своих анализах стилистической составляющей детективов литературоведы и лингвисты прибегают к методу стилистики декодирования.

Стилистика декодирования – это направление стилистики, изучающее те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему сообщение, мысли и чувства лица, отправляющего сообщения, а также факторы, определяющие воздействие текста на читателя [Кожина, 2016].

Автором данного метода выступает профессор Арнольд Ирина Владимировна [2021]. За основу своего метода Арнольд берёт теорию информации американского математика и инженера Клода Элвуда Шеннона, и утверждает, что эстетические ценности в своей образно-познавательной функции обогащают сознание читателя, а также преобразуют его как личность и воздействуют на поведение, из чего следует, что они могут рассматриваться как управляющие системы. В первую очередь, стилистика декодирования заинтересована в эмоциональном и идейном воздействии литературы, в тех переживаниях, которые литературное произведение может вызвать в читателе [Арнольд, 2021].

Ключевую роль в методе играет система «автор-книга-читатель», так как она рассматривается в качестве системы передачи информации, где мысли и

чувства автора передаются читателю с большим разрывом во времени и пространстве. Согласно данной схеме, процесс передачи информации состоит из пяти ступеней:

1. Источник информации, создающий сообщение или последовательность сообщений, которые должны быть переданы на приёмный конец.
2. Передатчик, который перерабатывает сообщение в сигналы, соответствующие характеристикам данного канала.
3. Канал, выступающий в качестве среды, используемой для передачи сигнала.
4. Приёмник, выполняющий операцию, обратную по отношению к производимой передатчиком – он восстанавливает сообщение по сигналам.
5. Адресат, то есть лицо, для которого предназначено сообщение.

Многоуровневость художественных произведений построена так, что каждый из уровней является содержанием предыдущего, а процесс внутренней интерпретации текста читателем, происходит как процесс подтверждения и отклонения гипотез с последующим отбрасыванием негодных и дальнейшей разработкой подтвердившихся.

С одной стороны, в текстах криминальной литературы, ценятся достаточная эмоциональность, многозначность, использование стилистических приемов (тропов и фигур речи) и наглядность – всё это помогает читателю полноценно увидеть и почувствовать мир произведения. При помощи словесных образов и многозначности автор строит картину, передаёт эмоции персонажей и свои собственные, а также придаёт этой картине особую атмосферу.

Однако, в последнее время в произведениях данного жанра намечается обратная тенденция – читателей больше привлекает «прозрачный» стиль [Рымарь, 2007], который не бросается в глаза. Такой стиль считается достоинством, так как в популярной литературе важен быстрый темп, не

мешающий читателю знакомиться с содержанием книги, поэтому авторы современных произведений лишают свой язык сложных оборотов.

Помимо общих стилистических характеристик, которыми обладают все поджанры криминальной литературы, отдельные поджанры также обладают различными особенностями, выделяющими каждую книгу на фоне других.

Для осознания разницы (между отдельными поджанрами) необходимо понять термин «стилистический приём», так как стилистические приёмы и выразительные средства языка мало чем отличаются и чётких разграничений между ними нет. Однако, согласно видению И.Р. Гальперина, стилистический приём – это выразительное средство языка, но в более абстрактной форме [Гальперин, 2016]. Данное утверждение можно проиллюстрировать примером фразеологизмов, так как фразеологизмы – это выразительные средства языка, однако, любой фразеологизм одновременно может рассматриваться как метафора (стилистический приём) в стилистике.

Одним из самых распространённых приёмов можно считать художественное сравнение, присутствующее практически в любом литературном произведении, и приобретающее стилистическую окрашенность только имея образность. Оно используется для установления сходства или различия между предметами или любыми другими существами. Из-за слишком частого использования некоторые сравнения переходят в формат устойчивых выражений, а в качестве примера данного стилистического приема можно привести фразу «похожи, как две капли воды».

Зачастую в криминальной литературе можно встретить использование автором создающей резкий контраст антитезы, так как благодаря данному стилистическому средству писатель может не только противопоставить несколько понятий, но и подчеркнуть парадоксальность сравнения, приписав объекту контрастные свойства. Примером использования подобного сравнения в криминальной прозе можно назвать применение Конан Дойлем антитез: «сыщик / охотничья собака – преступник / хищный зверь» [Федунина, 2018].

Перифраз, описывающий одно понятие с помощью нескольких других, также занимает немаловажную позицию в списке стилистических приёмов, используемых в произведениях криминальных жанров. Одна из самых популярных писательниц в жанре детективов, Агата Кристи, для создания более напряжённой обстановки часто прибегает к данному стилистическому средству. Так, например, в своём произведении «Why Didn't They Ask Evans», Кристи использует перифраз в предложении: «Some forty feet below was a dark heap of something that looked like old clothes» – «Внизу, футах в сорока, виднелось что-то темное, похожее на кучу старой одежды».

Помимо этого, также часто встречаются стилистические приёмы, нацеленные на явное преувеличение действительного свойства или качества, – гиперболы. Так, например Агата Кристи в другом своём произведении «Sparkling Cyanide» использует гиперболу «bloodshot eyes», или же «налитые кровью глаза» в переводе А.С. Ставиской, при описании увиденного героем мёртвого тела [Тихомиров, 2006].

Не так часто в криминальной прозе можно встретить оксюмороны, которые чем-то схожи с антитезой, и совмещают несовместимое. Сюда можно выделить использование оксюморона всё в той же книге Агаты Кристи – «unhappy successes», что было переведено А.С. Ставиской как «успех не приносит счастья».

Кроме лексических стилистических приёмов в текстах также встречаются и синтаксические выразительные средства, такие как инверсия, анафора и эпифора для реализации задуманного прагматического эффекта на читателя. В качестве примеров, также возьмём произведения Агаты Кристи, где писательница использует в вопросительных предложениях инверсии (другой порядок слов, чем требует того грамматика английского языка): «He lives with you?» и «You are free?», а в утвердительных – анафоры и эпифоры: «Not a little thing like that! Not a butterfly!» и «I woke up alone, I walked alone and returned home alone».

Немного реже в текстах можно встретить графические выразительные средства, такие как графон, использованные по большей мере для указания на речевые дефекты персонажей. Сюда можно отнести заикание, например, один из персонажей произведения Агаты Кристи «Why Didn't They Ask Evans» изображён заикой именно через графон: «I was at Oxford with a B-b-b-bassington-ffrench» [Косарёва, Чечикова, 2023].

Использование определённых стилистических средств порой требует от переводчика применения различных переводческих трансформаций. Среди таких приёмов выделяют три вида – лексические, грамматические и лексико-семантические [Черняк, 2013].

Так, например, Александр Давыдович Швейцер [2012], говоря о метафорах, приводит целых три переводческие трансформации, обращённые исключительно на данное стилистическое средство – метафоризация (замена неметафорического выражения метафорическим), реметафоризация (замена одной метафоры другой) и деметафоризация (замещение метафорического выражения в исходном тексте неметафорическим при переводе). Также, иногда переводчики в своих работах заменяют метафору эпитетом или подбором лексики [Швейцер, 2012].

Эпитеты в английском языке делятся на разные структурные типы: простые (the mysterious woman), сложные (cloud-shapen giant), двухступенчатые (a distinctly saturnine cast), фразовые (a move-if-you-dare expression) и инвертированные (a small barrel of a woman). Перевод первых не вызывает никаких проблем и выполнить его можно, не используя переводческие трансформации, однако все последующие требуют от переводчика умелого применения приёмов. При переводе эпитетов наиболее часто используется сравнение, так как важно сохранить семантику эпитета. Помимо этого, также разумно применять грамматические замены [Иванова, 2010].

Кроме вышеперечисленных приёмов и способов их перевода стоит отметить все виды повторов, начиная со звуковых и заканчивая образными. В

случае с переводом звуковых повторов, аллитерации и ассонанса, которые могут играть роль в семантике текста, переводчик не всегда может воссоздать их в полной мере из-за межъязыковых различий. Однако, иные виды данного стилистического приёма могут вызвать некоторые сложности, так как если, в случае иностранного языка, повторение одних и тех же слов и фраз не играет большого значения в восприятии, понимании или звучании текста в целом, то в русском языке понятие тавтологии занимает немаловажную позицию [Латышев, 2011].

Выводы по первой главе

В данной главе было рассмотрено понятие художественной литературы и три её формы: проза, поэзия и драма. Также были проанализированы проблемы, возникающие в процессе перевода в связи с особенностями данных форм.

Кроме того, было изучено понятие криминальной прозы, четыре её поджанра (классический детектив, «авантюрное расследование», полицейский роман и «расследование жертвы») и исследованы проблемы, возникающие в процессе перевода данных поджанров и криминальной прозы в целом.

Также, было разобрано понятие стилистического приёма, самые часто используемые приёмы и проблемы, которые они вызывают в процессе перевода.

Таким образом, процесс перевода художественной и особенно криминальной литературы представляет собой сложную многоступенчатую процедуру, в ходе которой переводчику необходимо детально изучить не только основные языковые характеристики текста оригинала, но и особенности жанра.

Глава 2. Анализ и переводческий комментарий к собственному и опубликованному переводу романа Канаэ Минато «Признания»

2.1 Предпереводческий анализ

Канаэ Минато – японская писательница криминальной литературы и триллеров. Стала лауреатом премии Радио Драма, и получила премию за лучший детективный роман среди новичков писателей. Является членом Тайных писателей Японии и Клуба тайных писателей Хонкаку Японии. В стране её называют «Королева Иямису», так как Канаэ Минато, как и немногие другие японские писатели, использует поджанр детективной фантастики, который раскрывает ужасные эпизоды из жизни и тёмные стороны человеческой природы (т.е. «иямису»).

Писательница с детства обожает детективные романы не только японских авторов, но и зарубежных. Ещё в 13 лет она занялась писательством, но первую опубликованную работу Канаэ Минато написала в более зрелом возрасте, занимаясь домохозяйством и преподавая домашнюю экономику. Первая опубликованная книга, «Признания», сразу же попала в список бестселлеров, и выиграла премию японских книготорговцев. К 2014 году было продано больше трёх миллионов копий только в Японии.

К 2020 году Канаэ Минато написала и опубликовала 20 полноценных произведений и четыре книги с короткими историями, а всего по её работам за это время сняли 11 фильмов, семь телесериалов и один мультсериал.

С другой стороны, дебютная книга «Confessions» (Признания) стала одной из двух произведений Канаэ Минато, получивших перевод на английский, который был опубликован ещё в 2014 году, а в 2015 удостоился награды «Best Adult Book That Appeal to Teen Audience» (Лучшая книга для взрослых, которая нравится читателям-подросткам) в рамках американской литературной премии «ALA Alex Awards». Переводом занялся американский переводчик, преподаватель японского и декан Миддлберийского колледжа, Стивен Снайдер.

В 1991 году Стивен Снайдер окончил Йельский университет и получил докторскую степень по Восточно-Азиатским языкам и литературе. За свою карьеру он перевёл работы многих японских писателей, включая Кэндзабуро Оэ, Мураками Рю, Мири Ю, Кафу Нагаи и Ёко Огавы. Многие переводы Стивена Снайдера были номинированы и выходили в финал на литературных конкурсах, а помимо перевода «Confessions» Канаэ Минато, награду выиграл также перевод произведения Ёко Огавы «The Memory Police». Например, ещё в 2004 году его перевод произведения Нацуо Кирино «Out» стал финалистом конкурса на премию «Edgar Award» за лучшее произведение в жанре мистики, а в 2011 «Hotel Iris» Ёко Огавы в его переводе был номинирован на литературную премию «Man Asian Literary Prize».

Произведение «Confessions» в свою очередь не только заслужило внимание простой публики, но и других писателей. Так, автор произведения «Cover of Snow», Дженни Милчман, описывает данную работу Канаэ Минато как «современного Повелителя Мух». Чарльз Финч, автор книги «The September Society», отзываясь о романе «Confessions» следующим образом: «'Confessions' – превосходная и сверхъестественная работа, её стоит прочитать всем». Также хорошие отзывы произведению оставили Саймон Лелич, написавший «Rupture» и Эмили Сент-Джон Мэндел, показавшая миру книгу «Last Night in Montreal».

Роман «Признания», как и другие работы Канаэ Минато, повествует о тёмной натуре людей, однако в данной работе главными героями выступают дети. Все мрачные изменения в мыслях растущих личностей раскрываются ещё с первых страниц, задевая тему взросления и переходного возраста.

У главной героини, учительницы в средней школе, Юко Моригути, не было никого, кроме четырёхлетней дочери, Манами, поэтому она с головой уходила в преподавание. Однако, из-за непредвиденного инцидента на территории школы, а точнее смерти её дочери, она решила уволиться и завершить свою карьеру. Юко Моригути пришла в класс провести последнее занятие и преподать ученикам самый важный урок – о ценности жизни, причём

как своей, так и чужой. Начиная издалека и просто общаясь с обучающимися, она потихоньку переходит ко всё более откровенным и волнующим темам, начиная с изменений в организме и мыслях детей во время переходного возраста, и заканчивая своей трактовкой возрастных ограничений в уголовном кодексе. Всем своим рассказом Юко Моригути подводит к финалу, приводящему всех в замешательство – среди учеников её класса есть двое с ещё более страшной тайной. Именно эти два мальчика и убили её дочь, а теперь учительница хочет им отомстить, превратив их жизнь в кошмар.

Повествование в произведении ведётся от разных участников одной истории: в каждой главе рассказчиком выступает новый персонаж, а всем шести главам даны названия, описывающие главных героев в той или иной главе: Святая, Мученик, Доброжелательница, Искатель, Верующий и Благовестница. Слово, использованное в названии главы не обязательно употребляется в тексте по отношению к рассказчику этого отрезка произведения, однако так или иначе сюжет повествования наталкивает читателя на мысль о том, что герой ведёт себя подобающе названию главы.

Данное произведение, несмотря на всю его загадочность и настоящее напряжение, которое оно вызывает в читателе, долгое время не привлекало внимания российской публики, а перевод на русский так и не увидел свет. Чтобы это исправить и привлечь российских любителей детективов и триллеров, в 2022 году мы решились заняться переводом самостоятельно, однако, за незнанием японского языка, мы изучили информацию о переводчике на английский и пришли к выводу, что его перевод можно оценивать словами «качественный» и «адекватный». Данный анализ деятельности Стивена Снайдера подтолкнул нас к переводу произведения на русский с английского языка. Однако, прежде чем мы успели опубликовать перевод через издательство, в 2023 году произведение получило официальный перевод на русский от переводчицы и преподавателя кафедры восточных языков, Шерегеды Татьяны Сергеевны.

Т.С. Шерегедда уже 11 лет преподаёт японский язык и переводоведение в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, а также, параллельно с преподаванием, занимается переводом японских детективов.

В списке её работ можно обнаружить переводы детективов японских авторов Рику Онда, Тацуми Ацукава, Содзи Симата, а также недавно этот список пополнила Канаэ Минато со своей книгой «Признания».

2.2 Переводческий комментарий к собственному и опубликованному переводу произведения Канаэ Минато «Признания»

Несмотря на то, что два перевода осуществлялись с разных языков, английского перевода и японского оригинала одной книги, оба перевода имеют свои сходства и различия.

Главной проблемой сравнения двух текстов является язык, с которого осуществлялся перевод, так как английский перевод и японский оригинал имеют различия не только структурные, но и социально-лингвистические.

В первую очередь, в двух текстах выделяется различие в названии некоторых глав (Таблица 2).

Таблица 2

Сравнение названий глав в собственном и опубликованном переводах книги «Признания»

Глава	Собственный перевод	Перевод Шерегеды Т.С.
Первая (The Saint)	Святая	Святая
Вторая (The Martyr)	Мученик	Мученик
Третья (The Benevolent One)	Доброжелательница	Добродетель
Четвёртая (The Seeker)	Искатель	Искатель правды
Пятая (The Believer)	Верующий	Последователь
Шестая (The Evangelist)	Благовестница	Проповедник

Таким образом, из шести глав, только у двух глав полностью совпадают названия. Никто из переводчиков в своём переводе не применял никаких переводческих трансформаций для изменения названий, однако из-за более узкого значения слов в японском языке, а также более широкого обозначения

в английском, в некоторых случаях переводные единицы расходятся. Так, в японском оригинале, четвёртая глава называется словосочетанием «求道者», у которого есть только один перевод – «искатель правды», как и использовала Шерегеда Татьяна Сергеевна. В английском же переводе Стивен Снайдер переводит словосочетание одним словом – «The Seeker» и в данном случае у данного слова присутствует большее количество значений, среди которых присутствуют «охотник», «искатель», «преследователь» и другие. В нашем случае, при выборе наиболее подходящего по значению слова, было выбрано «искатель». Таким образом, в данном случае, как и в других, на перевод повлияло различие в семантике слов японского оригинала и английского перевода.

Кроме того, для перевода названий пятой и шестой главы также выбраны разные слова: «Верующий» и «Последователь» (пятая глава), «Благовестник» и «Проповедник» (шестая глава). Согласно кембриджскому англо-русскому словарю [Cambridge Learner's Dictionary, 2011], значение английского слова «The Believer» – «верующий», а согласно большому японско-русскому словарю [Неверов, Попов, Сыромятников, 2007], слово «信奉者» имеет три значения: «верующий», «приверженец» и «последователь (какого-либо учения)». Таким образом, спектр вариантов перевода в нашем случае был уже, чем у Шерегеды Т.С. Однако, выбранное нами слово «верующий», согласно большому толковому словарю русского языка [Ушаков, 2022], верующий – это человек, признающий существование Бога, верящий в Бога, религиозный или набожный. В то же время, последователь – это тот, кто придерживается чьих-либо взглядов, руководствуется каким-либо учением. Согласно сюжету пятой главы, главный герой яро защищал интересы матери и старался следовать её пути. Отсюда мы можем сделать вывод, что перевод «верующий» не подходит.

В случае шестой главы, согласно кембриджскому англо-русскому словарю [Cambridge Learner's Dictionary, 2011], слово «Evangelist» означает «благовестник», «евангелист» и «проповедник», из которых было выбрано

именно слово «благовестница», так как, согласно содержанию главы, главная героиня (Юко Моригути) хотела, чтобы главный герой (ученик А) встал на путь исправления и стал лучшим человеком, а значит слово должно быть в женском роде. Согласно большому японско-русскому словарю [Неверов, Попов, Сыромятников, 2007], слово «伝道者» переводится как «проповедник» или «миссионер». Выбор слова «проповедник», скорее всего, был обусловлен тем, что главная героиня «проповедовала» своё мышление и свой образ жизни главному герою. Хотелось бы указать на то, что главную роль в данной главе играет женщина, она же выступает в роли «проповедника» или «благовестника», а таким образом, как и в случае с первой главой, должно быть использовано слово в женском роде. Однако, можно отметить то, что согласно российскому гуманитарному энциклопедическому словарю [Павлова, 2002], слово «благовестник» имеет более узкое значение, чем слово «проповедник», хотя в некоторых словарях они представлены в качестве синонимов. Так, благовестник – это непосредственно проповедник Евангелия, а проповедник – это распространитель какого-либо вероучения, чтец проповедей. Таким образом, можно сделать вывод, что слово «благовестник» в данном случае не подходит из-за своего узкорелигиозного значения.

Однако, можно также отметить и несостыковку в переводе названия третьей главы: «Доброжелательница» (собственный перевод) и «Добродетель» (Шерегеда Т.С.), так как в опубликованном переводе данное название является единственным, не называющим деятеля, а ссылающимся на качество человека. В японском оригинале мы можем заметить обратную ситуацию: согласно большому японско-русскому словарю [Неверов, Попов, Сыромятников, 2007], название главы «慈愛者» дословно можно перевести как «тот, кто любит» или «тот, кто желает добро». Отсюда, мы можем сделать вывод, что перевод «добродетель» не подходит, так как описывает абстрактное качество, а не называет самого человека. Также, можно отметить, что главную роль в данной главе играет мама одного из героев, она же выступает в роли

«доброжелателя»), а следовательно, должно использоваться слово в женском роде.

С другой стороны, так как до конца не известно, кто именно является деятелем, указанным в названии главы, в данном случае можно применить унификацию названий по роду, а точнее по мужскому роду. Данный вариант можно рассматривать с точки зрения того, что в некоторых главах скрыта двусмысленность по роду, например в названии первой главы – «Святая», так как само слово «The Saint» в английском языке не имеет определённого рода, женского или мужского, и кроме того, японское слово «聖職者» из названия данной главы, как и любое другое существительное японского языка, не имеет грамматической категории рода, а согласно контексту данной главы, оно может относиться и к главной героине, которая не стала заявлять о своих подозрениях в полицию и даже один раз произносит фразу: «Я не хочу быть святой», и также может относиться к гражданскому мужу главной героини, который посвятил всю свою сознательную жизнь помощи учащимся средней школы, пожертвовал общением с собственным ребёнком, чтобы избежать общественного осуждения и, как позже выясняется в шестой главе, подменил молоко убивших его дочь мальчиков, чтобы те не заразились его болезнью. Однако, слово «святая» является прилагательным, а в русском языке все прилагательные согласуются по роду. В таком случае, чтобы сохранить двусмысленность и неоднозначную трактовку названий глав, при переводе названия главы, мы можем использовать слово «Святоша», которое, согласно толковому словарю русского языка [Ушаков, 2022], имеет два значения: 1. Богомольный человек, строго исполняющий церковные обряды; 2. Лицемер, притворяющийся праведником. Несмотря на то, что первое значение слова «святоша» не совсем подходит контексту главы, у русского читателя оно больше ассоциируется с кем-то праведным или кем-то притворяющимся праведным, то есть полностью совпадает со вторым значением слова. Таким образом, использование данного слова оставляет расшифровку за читателем.

Также, на наш перевод повлияло большое количество отсутствующей информации в английском тексте, в связи с чем можно отдельно выделить опущения. Так, в опубликованном переводе присутствуют целые предложения, отсутствующие в английском тексте, а, соответственно, и в нашем переводе на русский. Однако, отсутствующие отрезки текста можно также заметить в опубликованном переводе Шерегеды Т.С. Мы не можем знать наверняка, являются ли данные отрывки добавлениями Стивена Снайдера, присутствуют ли такие отрывки из его перевода в японском оригинале и есть ли в оригинале текста какие-то моменты, отсутствующие в тексте Стивена Снайдера. Однако, исходя из того, что опущенные части не несут в себе особой смысловой нагрузки и не сильно влияют на повествование, можем предположить, что это было сделано для того, чтобы читатель не отвлекался от главной мысли и цели повествования. Пример подобного несоответствия можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3

Примеры выявленных опущений или добавлений в двух переводах в третьей главе

Наличие	Англоязычная версия	Опубликованный перевод Т.С. Шерегеды	Собственный перевод
Опущение	«Since the police have ruled Manami’s death an accident, however, I have decided to leave it at that. <i>I will not be causing you trouble</i> »	Полиция уже прекратила расследование, заключив, что это был несчастный случай, и я не собираюсь его возобновлять. [Предложение опущено]	Раз полиция назвала смерть Манами несчастным случаем, я оставлю всё как есть, можете быть спокойны.
Добавление	But instead of getting to the point, she launched into all this stuff about the Juvenile Law and that thing they call the Lunacy Incident. I had no idea what she was trying to say. [Предложение опущено]	А Моригути вдруг начала рассказывать о ювенальном праве и «преступлении Лунатички». Не понимая, к чему она ведет, <i>я старался выровнять дыхание, ожидая, что после очередной паузы учительница наконец замолчит.</i>	Но вместо того, чтобы перейти к сути, она начала рассуждать о законе о несовершеннолетних и о том, что они называют Инцидентом Лунарии. Я понятия не имел, к чему она вела.

Так, мы можем заметить, что в первом отрезке текста, у Стивена Снайдера присутствует предложение: «I will not be causing you trouble», которое было переведено нами как: «Не буду доставлять больше проблем». Однако, данное предложение отсутствует в опубликованном переводе. Также, можно отметить, что часть предложения из опубликованного перевода, «я старался выровнять дыхание, ожидая, что после очередной паузы учительница наконец замолчит», отсутствует в английском переводе Стивена Снайдера, а соответственно и в нашем.

К опущениям можно также отнести и перевод реалий. В опубликованном переводе Шерегеды Т.С. присутствует большое количество сохранённых реалий, на которые переводчица делает сноски. Также, присутствуют некоторые реалии, переведённые с использованием приёма описательного перевода. К таким реалиям можно отнести японское слово «буцудан», которое в нашем переводе было передано со сноской, а в переводе Шерегеды Т.С. описательно – «домашний алтарь». С нашей же стороны большинство реалий в связи с их отсутствием в английском тексте были переведены описательным способом. Так, в опубликованном русскоязычном переводе со сноской присутствует слово «комбини», означающее небольшой круглосуточный магазин в шаговой доступности. В английском переводе данная реалия была переведена описательно – «convenience store», а в нашем получила перевод «магазинчик неподалёку».

Кроме того, проблему с реалиями также вызвала система образования Японии. В японских школах учебный год делится не по четвертям, как в российских, а по триместрам с каникулами летом, зимой и весной. Однако, в опубликованном переводе, Шерегеда Т.С. использует слово «семестр», означающее, что в учебном году ученики выходят на каникулы два раза, но тогда описанные в оригинале весенние каникулы делают употребление понятия «семестр» в переводе неуместным. В нашем переводе для обозначения этого же феномена использовано более близкое по значению слово «триместр».

Единственными одинаково переданными реалиями в двух переводах являются словосочетание «поколение NEET» ([ni:t] сущ.; брит.; сокр. от not in education, employment or training) и слово «хикикомори». Обе фразы используются в одном контексте и имеют схожее значение – закрывшиеся от мира люди.

Ещё одну важную роль, связанную с реалиями, играют именные суффиксы, использованные в опубликованном переводе Шерегеды Т.С., но отсутствующие в нашем переводе из-за их отсутствия в английском тексте. Так, Шерегеда Т.С. использует в своём тексте суффиксы «-кун», «-тян», «-сан» и «-сэнсэй», добавляя к каждому суффиксу сноску с пояснением значения того или иного именного суффикса. Например, суффикс «-сан» объясняется Шерегедой Т.С. как нейтрально-вежливый именной суффикс, довольно близко соответствующий обращению по имени-отчеству в русском языке, суффикс «-кун» как именной суффикс, используемый по отношению к лицам мужского пола людьми равного социального положения, при обращении старших к младшим и при обращении начальника к подчинённому, а суффикс «-сэнсэй» как вежливое обращение к учителю, врачу, писателю, начальнику или другому значительному лицу или значительно старшему по возрасту человеку. В нашем переводе данные суффиксы были заменены словами «господин/госпожа» и «учитель». В обоих случаях суффикс и обращение приставляются к фамилии: «господин Ватанабэ», «Ватанабэ-кун». Однако, несмотря на схожую семантику именных суффиксов и слов, используемых для обращений, при исключении данных суффиксов из текста, исчезает пласт смыслов, заложенных в специфических для Японии способах коммуникации [Сычева, 2015].

Также, хотелось бы отметить, что в некоторых случаях перевод «господин» и именной суффикс не взаимозаменяемы. Так, например, в некоторых отрывках текста, учительница обращается к ученикам, используя суффикс «-сан», а в некоторых «-кун», что показывает на разное отношение учителя к данным ученикам. Исходя из этого, можно сделать вывод, что слово

«господин» не может использоваться в контексте, где учитель обращается к ученику менее уважительно, используя именной суффикс «-кун». Такой же суффикс используется матерью одного из героев при обращении к своему сыну в уменьшительно-ласкательной форме – Нао-кун, что было сохранено в переводе Шерегеды Т.С., но опущено нами из-за отсутствия данной особенности в английском тексте.

Также, проблему, связанную с переводом имён, составляет их транскрибирование. В каждом языке существует определённая система транскрибирования имён с японского языка. Так, в английском присутствует система романизации Хепберна [Богаченко, 2014], а в русском языке этой системе присвоено имя Поливанова Евгения Дмитриевича [Поливанов, 1917].

В обоих переводах на русский язык использована система Поливанова, однако некоторые отличия всё же присутствуют (Таблица 4).

Таблица 4

Сравнение имён собственных в собственном и опубликованном переводах

Английский перевод	Собственный перевод	Перевод Шерегеды Т.С.
Ayako	Аяко	Аяко
Watanabe Shuya	Ватанабэ Сюя	Ватанабэ Сюя
Jun Yasaka	Дзюн Ясака	Дзюн Ясака
Yoshikazu Seguchi	Ёсикава Сэгути	Ёсикава Сэгути
Isaka	Исака	Исака
Kitahara Mizuki (Mizuho)	Китахара Мидзуки (Мидзухо)	Китахара Мидзуки (Мидзухо)
Kenta	Кэнта	Кэнта
Maki	Маки	Маки
Mariko	Марико	Марико
Miyuki	Миюки	Миюки
Moriguchi Yuko	Моригути Юко	Моригути Юко
Moriguchi Manami	Моригути Манами	Моригути Манами
Muku	Муку	Муку
Naito	<i>Наито</i>	<i>Найто</i>
Ogawa	Огава	Огава
Sakuranomi Masayoshi	Сакураноми Масаёси	Сакураноми Масаёси
Shitamura Naoki	Ситамура Наоки	Ситамура Наоки
Sonezaki	Сонэдзаки	Сонэдзаки

Английский перевод	Собственный перевод	Перевод Шерегеды Т.С.
Takenaka	Такэнака	Такэнака
Tanaka	Танака	Танака
Terada Yoshiteru (Werther)	Тэрада Ёситэру (Вертер)	Тэрада Ёситэру/Ёсики (Вертер)
Hamazaki	<i>Хамадзаки</i>	<i>Хамазаки</i>
Hasegawa	Хасэгава	Хасэгава
Hoshino	Хосино	Хосино
Yusuke	Юсукэ	Юсукэ

Таким образом, мы можем заметить расхождение в написании двух фамилий – Хамадзаки/Хамазаки и Найто/Найто. В обоих случаях, фамилии написаны не по системе Поливанова, однако данные фамилии являются единственными, чьё написание отличается от стандартной системы транскрибирования.

Кроме некоторой разницы в написании имён, можно также выделить присутствие в японском тексте упоминания имени одного из персонажей на хирагане и кандзи, полное объяснение которого отсутствует в английском тексте, из-за чего в английском и нашем переводах утерян смысл небольшого отрывка повествования. Персонаж Ёситэру Тэрада представляется перед классом, написав на доске своё имя, используя хирагану, а не кандзи, однако, на хирагане его имя не только пишется, но и звучит иначе – Ёсики Тэрада. Один из иероглифов имени Ёситэру на кандзи переводится как «правильный, верный», из схожести со словом «верный» вытекает прозвище персонажа «Вертер», являющееся именем главного героя «Страданий юного Вертера» Гёте. Однако, в опубликованном переводе, Шерегада Т.С. выделяет в данном контексте именно имя Ёсики и полностью опускает говорящее прозвище Вертер.

Также, можно отметить обидное прозвище одной из главных героинь – Мидзухо. При переводе, без добавления какого-либо объяснения в виде сноски или непосредственно в сам текст, русскому читателю сложно понять почему данное прозвище является обидным. Ни в нашем переводе, ни в переводе

Шерегеды Т.С. не указано данное объяснение, однако, исходя из контекста, можно понять, что оно несёт в себе оскорбление. Таким образом, проведя анализ японского написания слова, мы выяснили, что оно является сокращением от фразы «美月(みづき)のアホ», которая переводится как «идиотка Мидзуки». Однако, человек, читающий перевод и не знающий японский язык, не сможет понять данного значения без какой-либо пояснительной сноски.

К проблеме с переводом имён собственных также можно отнести перевод имени персонажа детского мультсериала. В английском тексте персонаж носит имя «Snuggly Bunny», из-за чего в нашем переводе он приобрёл имя «Кролик Снагли». Несмотря на то, что слово «Снагли» является неполной транскрипцией с английского, что делает перевод более английским, использование данного слова делает имя персонажа больше похожим на настоящее имя. В японском оригинале, персонажа зовут «мягкий кролик» (わたうさちゃん), из-за чего в опубликованном переводе Шерегеды Т.С., данный персонаж получил имя «милая зайка». Согласно орфографическому словарю русского языка, а также толковому словарю В.И. Даля [Даль, 2020], существительное «зайка» имеет мужской род, из-за чего в данном переводе можно наблюдать грамматическое нарушение сочетаемости слов по роду. Однако, в некоторых современных словарях, слово «зайка» указано как слово общего рода, а значит сочетается и с мужским, и с женским родом.

В данной проблеме, связанной с именами собственными, можно также рассматривать название, которое средства массовой информации дали трагедии, случившейся в одной из семей, где несовершеннолетняя девочка отравила всю семью цианистым калием. В нашем переводе произошедшее получило название «Инцидент с Лунарией», а в переводе Шерегеды Т.С. – «Дело Лунатички». Оба перевода имеют свои плюсы и минусы.

Для начала рассмотрим первое, использованное в названии, слово – в нашем случае это «инцидент», в случае Шерегеды Т.С. – «дело». Слово «инцидент» было использовано в связи с названием данного происшествия в

английском тексте – «Lunacy incident». Согласно Кембриджскому словарю «incident» – это неожиданное происшествие, как правило, неприятное. В данном случае, слово «инцидент» несколько смягчает то, что произошла настоящая трагедия. Данный перевод, несмотря на смягчение ситуации, подходит контексту, так как по закону в Японии, совершивших преступление детей младше 14 лет не могут преследовать по закону и уголовное право не касается детей, не достигших данного возраста. В опубликованном переводе, Шерегеда Т.С. использует слово «дело», которое чаще применяют в контексте наличия уголовной ответственности. Однако, согласно большому японско-русскому словарю, слово «事件», использованное в японском оригинале произведения в названии трагедии, имеет значения «инцидент», «происшествие», а также юридическое значение «дело». Таким образом, оба перевода можно считать адекватными [Неверов, Попов, Сыромятников, 2007].

Второй проблемой в переводе данного названия является имя собственное, использованное в книге. В английском и японском текстах к девочке отсылаются как к «Lunacy» или «ルナシー», что представляет собой написание английского слова на катакане. В кембриджском англо-русском словаре слово «Lunacy» имеет значение «безрассудство», а в одноязычном кембриджском словаре указано несколько значений данного слова: «stupid behaviour that will have bad results», «mental illness» и «foolishness». Человек, обладающий данными характеристиками, по-английски обозначается как «lunatic», что в русском языке ассоциируется скорее с лунатизмом, чем с безумием и глупым поведением. Отсюда следует, что слово «лунатичка», использованное Шерегедой Т.С., не несёт в себе такого негативного смысла, которое было заложено в оригинале. Однако, несмотря на значение оригинального слова и отсылки на безумие в начале отрезка текста произведения с объяснением значения слова, далее в тексте в переводе Шерегеды присутствует следующая фраза: «Стала бы красивая молодая девушка называть себя Лунатичкой?», наталкивающая читателя на мысль, что

слово «лунатичка» имеет исключительно положительную окраску [Неверов, Попов, Сыромятников, 2007].

Таким образом, исходя из всех нюансов контекста данного слова, в нашем переводе в качестве прозвища девочки было использовано слово «Лунария». Данное слово является названием красивого цветущего растения, которое несмотря на свою красоту, некоторые садоводы признали вредителем, так как оно очень быстро распространяется, вытесняет или даже губит другие растения, из-за чего от него очень трудно избавиться, так как своими корнями оно захватывает всё вокруг. Исходя из характеристики данного растения, можно прийти к выводу, что название красивого, но губящего всё цветка, хорошо подходит в качестве прозвища девочке, которая погубила свою семью.

Кроме проблем с переводом имён собственных, можно выделить перевод букв, которыми учительница обозначает некоторых учеников, чтобы не раскрывать их имён. Так, в нашем переводе, данные обозначения были адаптированы под русский язык, и ученики стали называться А, Б и В. Однако, в опубликованном переводе был сохранён английский порядок, и ученики были указаны как А, Б и С. Несмотря на то, что как таковой перевод был выполнен при сохранении использования латинских букв, как в математике, необходимо учитывать правописание данных букв и тогда третий ученик будет обозначаться как «ученик Ц», однако при полном совпадении правописания этих букв в латинице и кириллице затрудняется понимание читателем того, что данные наименования имеют латинское происхождение.

Помимо значимой проблемы перевода имён собственных, можно также отметить перевод некоторых фраз, влияющих на понимание текста. Сюда можно отнести фразу, которой главная героиня объясняет, как она смогла поступить в университет, несмотря на бедность своей семьи. Героиня упоминает некую стипендию, позволившую ей зачислиться в высшее учебное заведение, а позже рассказывает об условиях своей стипендии – по окончании университета она должна была сразу устроиться работать по своей специальности, в её случае – пойти преподавать. В английском тексте данная

стипендия была указана как «scholarship», а в нашем переводе для данной стипендии был применён приём конкретизации – «квота на целевое обучение», так как в Японии тоже практикуется данный способ зачисления в университет. Однако, квота на целевое обучение подразумевает отработку оплаты за обучение в определённом месте, а не просто по конкретной специальности, то есть если студент проходил обучение на педагога, он должен устроиться работать в школу, которая оплатила ему образование. С другой стороны, в переводе Шерегеды Т.С. было использовано слово «стипендия», который мы также не можем исключать, так как стипендии на особых условиях тоже существуют в Японии. К сожалению, стипендия не подразумевает отработки полученных денег или преимуществ. Исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что у героини было целевое обучение, однако, скорее всего, обучение было оплачено непосредственно самой образовательной организацией, заинтересованной в том, чтобы выпускники работали по специальности.

Ещё одну существенную разницу в переводах можно заметить при передаче зашифрованного послания, написанного учениками своему болеющему однокласснику, о чём преступлении знали только они и учительница. По сюжету произведения дети по очереди писали надписи на плакате и заложили в послания скрытый смысл, а первые иероглифы каждой фразы вместе составляли скрытое послание, которое должен был увидеть только мальчик. В переводе Шерегеды Т.С. послание выглядит следующим образом: «Удачи! Бодрись! И достигай цели! Активнее! Счастливого дня! Отдохни хорошо! Не исчезай!». Таким образом, получается фраза «Убийца, сдохни». Однако, в данном случае скрытое послание совсем не бросается в глаза, так как в некоторых словах задействована не первая, а последняя буква, как в случае со словом «достигай», так как букву «й» очень сложно использовать в начале слова и подобрать подходящую фразу. В нашем переводе, выполненном с английского языка, где оригинально закладывалась фраза «die murderer» (Don't worry! Image happiness! Everyone win! Maybe you too? Unless you don't? Remember everything! Don't ever forget! Everyone knows! Really we

do! Everyone knows! Remember!), было большое количество отдельных фраз, нацеленных на передачу позитивного контекста плаката, но так или иначе взаимосвязанных между собой и несущих посыл, который должен был понять только сам герой. Таким образом, в нашем тексте плакат получил следующую надпись: «Улыбайся чаще! Мечтай о счастье! Радуйся жизни! Избавься от оков! Думай о будущем! Учись на ошибках! Шутки в сторону! Ещё многое впереди! Горе тебя не заденет! Убей время с пользой! Бояться нечего!». В итоге, из первых букв всех фраз можно составить послание «умри, душегуб». В данном контексте, большое количество фраз обусловлено не только английским текстом, где изначально на плакате присутствовало много предложений, но и тем фактом, что дети писали надписи по очереди, а значит таких предложений должно быть достаточно много. Согласно большому толковому словарю русского языка, слово «душегуб», м.р., устар. 1) Убийца, разбойник. 2) перен. Злодей, мучитель [Ушаков, 2022]. Слово «душегуб» исконно русское, поэтому на нём есть оттенок нашей культуры. С другой стороны, понятие «душегуб» шире и тем самым как бы увеличивает круг людей, которым навредил мальчик – начиная от убитой им маленькой девочки, и заканчивая всеми, кто в последствии получил шок и испытал другие негативные эмоции, включая родителей умершего ребёнка.

Также, переводческую проблему в тексте вызвало цитирование книги «Преступление и наказание» Фёдора Михайловича Достоевского. В английском переводе цитата звучит так: «Extraordinary people have the right to violate conventional morals in order to bring something new into the world». Учитывая объём оригинального произведения Фёдора Михайловича и количество упоминаний подобных фраз в тексте, мы нашли наиболее подходящую, исходя из смысла данной фразы: «Необыкновенные люди, лидеры, генераторы великих идей, имеют право разрешить себе преступить закон, если это принесёт пользу человечеству». Однако, Шерегеда Т.С. в своём переводе использовала другую фразу из данного произведения: «“Необыкновенный человек” имеет право... разрешить своей совести

перешагнуть... через иные препятствия, и в том случае, если исполнение его идеи... того потребует». Мы не можем судить о правильности того или иного перевода, так как во время написания своего произведения, Канаэ Минато могла использовать любую из этих фраз или же никакую из них, а из-за схожести данных отрезков текста можно считать, что обе фразы, даже, если они не являются оригинальными, всё же подходят для использования.

Другую важную проблему, связанную с переводом отдельных слов и фраз, а также частично и со стилистикой, представляет собой перевод взаимосвязанных между собой слов, используемых одним из героев и играющих важную роль в четвёртой главе. По сюжету произведения, в английском тексте, ещё в начале данной главы один из главных героев (ученик А) называет другого (ученика Б) английским словом «failure» (неудачник, неудача), а затем уже ближе к концу повествования мальчик в приступе паники слышит в словах матери, «sorry I failed you», однокоренное слово и приходит в бешенство. Однако, в нашем языке отсутствуют такие явные взаимосвязи между некоторыми словами с разным значением, поэтому в нашем переводе мы использовали слова «неудачник» и «не удалось» и таким образом, у нас получилось: «Прости, что мне не удалось защитить тебя». В опубликованном переводе Шерегеда Т.С. использует другие взаимосвязанные слова: «разочарование» и «разочаровала», что в итоге даёт предложение: «Прости, что разочаровала». На наш взгляд, оба варианта хорошо передают прагматику оригинала.

Также, в своём переводе, Шерегеда Т.С. для перевода диалогов между детьми использует более разговорный стиль и прибегает к таким словам как «чё», «блин» и «круто», свойственным молодому поколению. В нашем же переводе, данная особенность отсутствует, из-за чего неформальность общения одноклассников можно считать утерянной. Этот случай и использование именных суффиксов – единственные различия в стилистике обоих переводов.

Кроме того, в обоих переводах на русский язык сохранена стилистика самой проблематичной по нашему мнению главы, которая целиком написана в формате личного дневника матери главного героя. С одной стороны, в японском языке, как и других восточных языках, присутствует стилистическое разделение по уровням вежливости, а значит, если героиня пишет личный дневник, то стиль, который она использует в нём, должен отличаться даже от того, который она применяет в разговорах с сыном. Однако, не зависимо от того, что мы использовали в качестве основы для перевода английский текст, а Шерегеда Т.С. японский, по стилистике наши переводы совпадают.

В целом, стиль написания произведения можно считать «прозрачным», однако оба перевода не исключают наличие различных стилистических приёмов и речевых оборотов. Так, в обоих текстах присутствуют аллюзии на «Преступление и наказание» и Евангелие от Матфея, сравнения, повторы и говорящие прозвища.

Также можно отдельно выделить художественные сравнения, часто встречающиеся в обоих переводах. Например, в опубликованном переводе Шерегеды Т.С. встречается фраза «Это прозвучало как вызов, как объявление войны», где можно заметить сравнение на основе метафоры – сравнивается то, как что-то прозвучало и объявление войны, и вызов. В нашем переводе можно увидеть другой перевод данного предложения: «Он говорил так, будто бросал мне вызов или объявлял войну», где присутствует точно такое же сравнение. Кроме того, примером художественного сравнения можно привести предложение из нашего перевода: «Ты использовал меня, как лабораторную крысу», в котором проводится сравнение между использованием человека и лабораторной крысы, указывающее на использование кого-то для достижения личных целей. Данное художественное сравнение отсутствует в тексте Шерегеды Т.С., однако, не зная содержания оригинала, мы не можем утверждать, что данное сравнение в нём присутствует.

В текстах присутствует большое количество эпитетов. Например, в тексте Шерегеды Т.С. в предложении: «Но, посмотрев на кровопролитные

войны и людей, выживающих в крайней нищете, осознал, что его образ жизни был неправильным...» – можно встретить сразу два эпитета. Первый из них – «кровопролитная война», где прилагательное «кровопролитная» придаёт войне дополнительный негативный оттенок. Второй – «крайняя нищета», где прилагательное «крайняя» указывает на максимальную степень бедности. В нашем переводе предложение звучит так: «Он повидал войну и другие конфликты, даже жил с людьми, страдавшими от крайней нищеты». Как можно заметить, первый эпитет, «кровопролитная война» отсутствует, однако, второй сохранён и совпадает с вариантом перевода Т.С. Шерегедой.

Также, можно отметить наличие некоторых метафор, среди которых можно выделить использованное нами словосочетание «гора книг», использованное для описания большого количества книг в предложении: «Вертер принёс маленький книжный шкаф и целую гору книг из дома». В английском переводе в данном отрывке текста присутствует метафора на основе образа связанных между собой вещей: «a whole bunch of books» (bunch – a number of things of the same type fastened together or in a close group). В опубликованном переводе в данном контексте также присутствует метафора, и переводчица использовала словосочетание «ворох книг». Таким образом, в её переводе предложение звучит так: «Вертер принёс из дома старую книжную полку и ворох книг». Среди метафор можно также выделить использованное нами словосочетание «сила воли» в предложении: «Он не прогуливает и хочет прийти, но ему не хватает силы воли». Шерегеда Т.С. в своём переводе данного предложения использовала метафору со схожим значением и перевела данный отрывок как: «Он не прогуливает, нет. Ему не хватает духа появиться здесь...».

В обоих русских переводах и переводе произведения на английский язык отсутствуют графические и звуковые приёмы, а также синтаксические выразительные средства.

Исходя из общего анализа первых глав обоих переводов, мы пришли к выводу, что в нашем переводе чаще всего встречаются метафоры и меньше всего – повторы. В опубликованном переводе Шерегеды Т.С. первое место по

употреблению занимают эпитеты, а последнее разделяют художественные сравнения, повторы, оксюмороны, эвфемизмы, олицетворения и эпаналы.

Полное сравнение можно увидеть на рисунках 1 и 2.

Рисунок 1 – Использование стилистических приёмов в собственном переводе

Рисунок 2 – Использование стилистических приёмов в опубликованном переводе Т.С. Шерегеды

Таким образом, можно отметить то, что в опубликованном переводе было задействовано большее количество эпитетов, антитез, гипербол и эмфатического усиления. Также, в нашем переводе было использовано большее количество метафор, художественных сравнений, повторов, эвфемизмов и олицетворений.

Данное несоответствие можно объяснить различиями в текстах исходных языков, так как в английском тексте большинство фраз, построенных вокруг какого-либо стилистического приёма, были переданы нами с использованием такого же приема, либо с заменой приёма. Так, например, рассмотрим следующее предложение: «I suppose you could say that we've been using you as guinea pigs...». Здесь присутствует метафора «guinea pigs» (досл. морская свинка, перен. подопытное животное), означающая использование человека или животного в качестве подопытного. В нашем переводе данная фраза была переведена таким же стилистическим приемом, но с заменой образа: «Вы могли подумать, что мы используем вас, как лабораторных крыс...» (также возможный вариант перевода «подопытный кролик»). Однако, можно также сказать, что в данном случае, фраза «используем вас, как лабораторных крыс» представляет собой также и художественное (метафорическое) сравнение в связи с использованием сравнительно-сопоставительного союза «как».

Обратным примером можно выделить предложение из английского текста: «but I suppose that made me want to go all the more», в котором присутствует интенсификация, где фраза «all the more» указывает на усиление желания говорящего. Приём интенсификации не является стилистическим, а скорее представляет собой средство выразительности [Михайлова, Свионтковская, 2021]. Однако, в нашем случае данное предложение было переведено с использованием метафоры: «Но это всё только разожгло во мне желание получить образование.» Таким образом, несмотря на разницу в использованных средствах, смысл и эмоциональная окраска были переданы.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что оба текста имеют свои уникальные стилистические приёмы несмотря на то, что некоторые отрезки произведения были переведены с использованием отличающихся стилистических средств.

Выводы по второй главе

Проведённый во второй главе предпереводческий анализ показал, что писательница Канаэ Минато является заслуженным лауреатом литературных премий. Также, было отмечено, что американский переводчик японской литературы Стивен Снайдер имеет большой опыт работы с японскими произведениями и выдающиеся достижения в рамках работы с японским языком. Помимо автора оригинала и переводчика на английский язык, также была отмечена переводчица на русский язык, Шерегеда Татьяна Сергеевна, долгое время занимающаяся переводами японских детективов и опубликовавшая перевод книги «Признания» в 2023 году.

Был проведён сравнительно-сопоставительный анализ двух переводов: собственного (рукопись) с английского языка и опубликованного перевода Т.С. Шерегеды с японского оригинала, который помог косвенно вскрыть особенности работы с разными языками перевода и объяснить выявленные различия в переводах на русский язык. Среди данных отличий были отмечены разные названия глав, различия в переводе реалий, имён и прозвищ. Также, было отдельно выделено различие по стилистике текстов, для чего был проведён отдельный анализ использования стилистических приёмов в первой главе произведения.

Таким образом, была отмечена уникальность двух переводов на русский язык и некоторые несоответствия в переводе отдельных частей текста.

Заключение

В заключении следует отметить, что цель исследования была достигнута и проблематика перевода криминальной прозы была раскрыта. Также, был проведён сравнительно-сопоставительный анализ собственного и опубликованного перевода психологического романа-детектива Канаэ Минато «Признания».

Были рассмотрены понятия художественной литературы и свойственные ей характеристики, среди которых были выделены образность и метафоричность, обильное использование языковых средств, индивидуальность авторского стиля, использование литературных приёмов и структур повествования, а также отдельные жанровые особенности. Отдельно, были проанализированы жанровые особенности, тон и стиль криминальной литературы и её самые распространённые поджанры – классический детектив, «авантюрное расследование», полицейский роман и «расследование жертвы». Кроме того, были изучены проблемы, возникающие у переводчика в процессе перевода текстов данных поджанров криминальной прозы.

Кроме того, было разобрано понятие стилистического приёма, и несмотря на то, что переводоведы расходятся, в своей работе мы решили придерживаться понятия, предложенного Ильей Романовичем Гальпериным: стилистический приём – это выразительное средство языка, но в более абстрактной форме.

Также, были даны понятия некоторым стилистическим приёмам, присутствующим в его классификации. Среди них были отмечены: художественное сравнение, антитеза, перифраз, гипербола, оксюморон, инверсия, анафора, эпифора, метафора, эпитет и графон. Для самых распространённых из них были отдельно рассмотрены способы перевода, предложенные в работах Александра Давыдовича Швейцера и Тамары Петровны Ивановой.

Практическая часть исследования была посвящена произведению Канаэ Минато «Признания» (2008), изучению информации о писательнице,

переводчике на английский язык Стивене Снайdere и переводчике на русский Татьяне Сергеевне Шерегедде, а также анализу собственного перевода произведения.

Сначала мы рассмотрели целый ряд проблем, которые могут возникнуть в процессе перевода, включая все вышеупомянутые. Мы учли все особенности художественного текста и криминальной прозы, включая стиль автора и особенности культуры страны оригинала. Были соблюдены все рекомендации по переводу художественной литературы: перевод должен сохранять прагматику оригинала, соответствовать нормам русского языка, и при этом должен как можно лучше передавать стиль оригинала текста и сохранять его культурные особенности.

В данной части исследования был проведён сравнительно-сопоставительный анализ двух переводов на русский язык. Данный анализ включал в себя сравнение перевода названий глав, перевода различных реалий, представленных в тексте, перевода имён собственных, а также перевод стилистических приёмов, использованных в произведении. Таким образом, в нашем переводе первой главы больше всего было использовано метафор (37%), а на втором месте оказались эпитеты (28%). Меньше всего было использовано повторов (3%). В опубликованном переводе Шерегедда Т.С. использовала больше эпитетов (38%) и метафор (30%), а меньше всего художественных сравнений, повторов, эвфемизмов, олицетворений, эпанафор и оксюморонов, составляющих по 1% из всех использованных приёмов. Сначала мы рассмотрели целый ряд проблем, которые могут возникнуть в процессе перевода, включая все вышеупомянутые. Мы учли все особенности художественного текста и криминальной прозы, включая стиль автора и особенности культуры страны оригинала.

Практическая ценность данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы на практических занятиях в курсах теории и практики перевода, а также в качестве пособия для начинающих художественных переводчиков.

Список использованной литературы

1. Алимова М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник РУДН. 2012. № 2. С. 47-52.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, 2021. 385 с.
3. Байко В.А. Основные жанровые признаки детективной прозы // Лингвокультурология. 2015. №1. С. 17-16.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: «Стереотип», 2023. 240 с.
5. Богаченко Н.Г. Латинизация японской письменности // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, 2014. №2(15). С. 9-16.
6. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2014: 17,78.
7. Галь Н. Слово живое и мёртвое. М.: АСТ, 2020. 411 с.
8. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Либроком, 2014. 336 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2020. 896 с.
10. Иванова Т.П. Стилистическая интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2010. 114 с.
11. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English-Russian. Учебное пособие. СПб.: Перспектива, 2020. 310 с.
12. Кириленко Н.Н. Детектив и игра // Новый филологический вестник. 2009. №2(9). С. 27-47.
13. Кириленко Н.Н. Детектив: логика и игра // Новый филологический вестник. 2009. №2(9). С. 41-42.
14. Кириленко Н.Н. Рассказчик-комментатор в криминальной литературе // Вестник РГГУ. 2020. №2. С. 25-34.
15. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2016. 696 с.

16. Комиссаров В.Н., Черняковская Л. А., Латышев Л. К. Текст и перевод. - М.: Наука, 1988. – 166 с.
17. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: ЛКИ, 2007. 165 с.
18. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 250 с.
19. Косарева Е.С., Чечикова Е.П. Выразительные средства в детективном дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2023. №2. С. 55-61.
20. Латышев Л.К. Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 2011. 245 с.
21. Минато К. Признания / К. Минато; пер. с японского Т.С. Шерегеды. М.: Inspiria, 2023. 288 с.
22. Минато К. Признания / К. Минато; пер. с английского Е.С. Сазончик. 2024. 187 с. (рукопись)
23. Михайлова Д.М., Свионтковская С.В. Интенсификация значения качества с помощью выразительных средств языка (на примере испаноязычной прозы) // Приогорский государственный университет. 2021. Ч. 4. С. 39-43.
24. Неверов С.В., Попов К.А., Сыромятников Н.А. Большой японско-русский словарь. В 2 томах. М.: Живой язык, 2007. 1776 с.
25. Павлова А.И. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. В 3 томах. М.: Владос, 2002. 704 с.
26. Поливанов Е.Д. О русской транскрипции японских слов // Труды японского отдела Императорского общества востоковедения. Пг., 1917. Вып. 1. С. 15-36.
27. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта, 2011. 305 с.
28. Рымарь Н.Т. Ещё раз о «Прозрачном» и «Непрозрачном» слове: к вопросу о структуре поэтического слова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. №2. С. 185-194.

29. Сычева Е.С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга) // Вестник Московского университета. 2015. Сер. 22. №1. С. 46-56.
30. Тихомиров С.А. Гипербола в градуальном аспекте // ВАК, 2006. 241 с.
31. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Хит книга, 2022. 816 с.
32. Федунина О.В. Жанры криминальной литературы: спецкурс для студентов филологических специальностей // Новый филологический вестник. 2014. №4(31). С. 61-78.
33. Федунина О.В. Бестиарная антитеза в советской криминальной литературе // Новый филологический вестник. 2018. №1(44). С. 200-209.
34. Хамараева К.Х. Фонетические и графические выразительные средства и стилистические приёмы // Вестник магистратуры. 2022. №6-3. С. 122-123.
35. Черняк В.Д. Ресурсы лексической синонимии и динамика стилистических средств // Медиалингвистика. 2013. С. 137-144.
36. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. Изд. 2-е. М.: Наука, 2012. 215с.
37. Шутемова Н.В. Типы художественного перевода // Вестник Пермского университета. 2012. №1. С. 60-66.
38. Baker M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Centre for Translation Studies, UMIST. 2000. P. 241-266
39. Cambridge Cambridge Learner's Dictionary English-Russian. Cambridge University Press, Cambridge. 2011. 1066 p.
40. Minato K. Kokuhaku. Tokyo: Futabasha Publishers Lts., 2008.
41. Minato K. Confessions (Trans. From Japanese by S. Snyder). New York, Boston, London: Mulholland Books / Little, Brown and Company, 2014.

Приложение А

Таблица А.1 – Сравнение собственного и опубликованного переводов на русский язык четвёртой главы романа Канаэ

Минато «Признания»

Английский перевод Стивена Снайдера The Seeker	Собственный перевод Искатель	Опубликованный перевод Т.С. Шерегеды Искатель правды
<p>A white wall in front of me. Another in back. To the right and left, above and below, white walls.</p> <p>How long have I been here? Alone in this small, white room. No matter which way I turn, the same scene plays endlessly on the wall. How many times have I seen it? It seems to be starting again...</p> <p>The snot-nosed middle school kid stumbles along—the first day.</p> <p>I'm walking along, back hunched against the cold wind, when the tennis team, in shorts and t-shirts, runs past me. Then some kids sprinting to the station to get to cram school. I haven't done anything wrong—I'm just headed home—but somehow, I feel guilty and hunch my back even more, look down to avoid meeting their eyes, pick up my pace. Even though there's nothing to do when I get home....</p> <p>I just didn't connect. Ever since starting middle school, I just didn't connect. With what? With other people—with the teachers especially. The tennis coach, the cram school staff, my homeroom teacher—they were all hard on me, harder than they were on anybody else. And the kids noticed, and they're all making fun of me now, too.</p> <p>I eat lunch with the two biggest dorks in the class—a train fanatic and a kid who spends all his time playing porno video games. I don't have much choice: After I got in trouble in class the first time, they were the only ones who would even talk to me.</p>	<p>Передо мной белая стена. Позади ещё одна. Справа и слева, сверху и снизу - вокруг только белые стены.</p> <p>Как долго я уже здесь? Один, в маленькой белой комнате. Куда бы я ни повернулся, на этих стенах я всё время вижу лишь одну и ту же сцену.</p> <p>Сколько раз я её видел? Похоже, всё повторяется...</p> <p>Сопляк из средней школы плетётся – день первый.</p> <p>Пока я, сгорбившись от холодного ветра, медленно топаю, мимо меня в шортах и футболках пробегают ребята из теннисной команды. За ними ещё несколько детей спешат на станцию метро, чтобы успеть в школу. Я не сделал ничего плохого – просто иду домой, – но почему-то чувствую себя виноватым и ещё больше сутулюсь, опускаю глаза, чтобы не столкнуться ни с кем взглядом, и ускоряю шаг, хотя дома мне и заняться-то нечем...</p> <p>Я так и не вписался в коллектив. С начала обучения в средней школе я так и не нашёл общий язык с окружающими – особенно с учителями. Тренер по теннису, учителя на дополнительных занятиях, мой классный руководитель – они все строги ко мне, даже больше, чем к остальным. Дети это заметили и теперь тоже смеются надо мной.</p> <p>Обедаю я с двумя главными придурками класса – сумасшедшим фанатом поездов и ребёнком, который всё время проводит за играми для взрослых. У меня не было особого выбора: после того, как я впервые вляпался в неприятности на занятиях, только эти ребята</p>	<p>Белая стена перед глазами. За моей спиной – еще одна стена. Белые стены справа и слева.</p> <p>Надо мной и подо мной – стены.</p> <p>Как я здесь очутился? Я совсем один в маленькой белой комнате. Куда ни глянь, на стенах один и тот же фильм.</p> <p>Я видел его уже много раз. Опять все началось с начала...</p> <p>Розовощекий школьник понуро бредет по дороге – первый день.</p> <p>Я медленно иду по дороге, согнувшись под порывами холодного ветра, когда меня обгоняют члены теннисного клуба, вышедшие на ежедневную пробежку. Мимо спешат ребята, которые ходят на дополнительные занятия после школы. Я не сделал ничего плохого, всего лишь возвращаюсь домой, но, не в силах избавиться от чувства вины, наклоняю голову еще сильнее, чтобы не встретиться ни с кем взглядом, и ускоряю темп. Пусть мне и нечем заняться дома после школы...</p> <p>Я не вписываюсь. С самого перехода в среднюю школу я перестал вписываться. Не нашел друзей среди одноклассников, не нашел понимания у учителей. Даже наш классный руководитель, кажется, невзлюбила именно меня – все одноклассники это заметили и теперь не переставая задирают меня.</p> <p>Теперь я обедаю в компании двух самых больших чудачков отаку – того, что одержим поездами, и любителя эрогэ. Ничего не поделаешь; с тех самых пор как я схлопотал свой первый выговор от учителя, только эти двое продолжают со мной разговаривать. Дело не в их желании</p>

But it doesn't mean we're friends, or that they treat me well. They're not really interested in anything except trains and porn. They talk to me, so I answer. That's all. I suppose it's better than being alone. But I don't like to be seen with them, especially by the girls in our class.

I don't want to go to school. But I can't really tell my mom why. She'd be too disappointed. The truth is, everything about me must disappoint her. She wants me to be the best at everything—like her brother, Uncle Kōji.

So, she tells all her relatives and the neighbors that I'm a really "nice" boy. Nice? What does that even mean? I can't remember ever having done anything that could be called nice—I've never once done volunteer work or anything like that. She's got nothing to brag about when it comes to me, so she says I'm "nice." But if that's the best she can do, she shouldn't bother. I don't want to be the worst, but I don't have a complex about not being exceptional.

I grew up thinking I was really smart and really good at sports—because my mother was always telling me I was, from the time I was little. But by third grade I knew that what she was telling me was just her hope, the way she wanted me to be. If I tried really hard, I might end up being a little above average, but I'd never be anywhere near the best at anything.

She kept this up all the way through elementary school. For example, she framed a certificate for the only award I ever received and put it in the living room to show visitors. It wasn't much of an award—third place in a calligraphy contest. I remember I wrote the word election in cursive, and the teacher said it looked really "natural."

разговаривали со мной. Но это не значит, что мы друзья или что они хорошо ко мне относятся. На самом деле их ничего и не интересует, кроме поездов и тем для взрослых. Вот и всё. Полагаю, это лучше, чем быть одному, но мне не нравится, когда меня с ними видят. Особенно мои одноклассницы.

Я не хочу ходить в школу, но не могу сказать маме почему. Это бы слишком сильно её разочаровало. Судя по всему, её разочаровывает всё моё существование. Она хочет, чтобы я был лучшим во всём – как её брат, дядя Кодзи.

Поэтому она рассказывает всем своим родственникам и соседям, что я «хороший» мальчик. Хороший? Что это вообще значит? Не могу вспомнить, чтобы когда-либо делал хоть что-то, за что меня можно было бы так назвать. Я ни разу не занимался волонтерской работой или чем-то подобным. Ей нечем похвастаться, когда дело касается меня, поэтому она просто говорит, что я «хороший». Но если это лучшее, что она может сказать, ей не стоит беспокоиться. Я не хочу быть худшим, но у меня нет никаких комплексов из-за того, что я не исключительный.

Я рос, думая, что я умный и хорош в спорте. Мама говорила мне это с самого детства. К третьему классу я понял, что это были лишь её надежды – таким она хотела меня видеть. Если бы я постарался, возможно, в итоге оказался бы чуть лучше среднего, но мне всегда было далеко до идеала.

Мама придерживалась своего мнения на протяжении всей начальной школы. Например, она поставила в рамку единственный сертификат, который я получил, а потом повесила его в гостиной, чтобы показывать гостям. Это была не такая уж и большая награда – всего лишь третье место на конкурсе каллиграфии. Я помню, что написал слово «выборы»

подружиться со мной, нет. Я один готов слушать их разговоры о поездах и порнографии, не перебивая, может, даже периодически отвечать. Все лучше, чем остаться совсем одному. Но я все равно стесняюсь, когда другие видят нас вместе, особенно если это девочки из моего класса.

Ненавижу ходить в школу. И маме рассказать не могу – не хочу её разочаровывать. Она ведь так хотела, чтобы я был лучшим во всем... Вот бы я больше походил на ее брата – дядю Кодзи.

Она вечно рассказывает родным и знакомым, какой я добрый мальчик. Добрый! Что это вообще значит? Не припомню, чтобы я когда-то вообще делал что-то доброе – добровольно выполнял работу или еще что. Ей просто больше нечем похвастаться, когда речь заходит обо мне, поэтому я и стал «добрым». Лучше тогда вообще меня не хвалить! Мне достаточно просто не быть хуже всех, я никогда не старался стать самым лучшим.

С самого моего детства мама вечно меня перехваливала – я рос уверенный, что я умный и спортивный. Но к третьему классу начальной школы понял, что она выдавала желаемое за действительное. Даже в нашем небольшом классе мне не удавалось выбиться в лидеры, как бы я ни старался. Повезло, что был хотя бы середнячком.

Мою единственную грамоту, полученную за третье место в конкурсе каллиграфии в начальной школе, мама вставила в рамку и повесила на стену в гостиной, чтобы демонстрировать всем гостям. Помню, я всего лишь написал слово «выборы» хираганой, а учитель похвалил меня, сказав, что почерк выглядит аккуратным.

<p>Once I got to middle school, she didn't even have that kind of stuff to brag about, so she started saying how "nice" I was. But that wasn't enough; then she started writing these letters to the school. I realized what she was doing after midterm exams.</p> <p>Moriguchi-sensei told us in homeroom who'd gotten the top three total scores. You could tell by looking at these kids that they were all really smart, and I clapped for them along with everybody else. It didn't much bother me that I couldn't get grades like that. I knew I wasn't at that level. Mizuki, who lives in our neighborhood, was the second best, but when I told my mother at dinner that night, she just looked bored. "You don't say?" she said, but I could tell she didn't care.</p> <p>A few days ago, I found a copy of a letter she'd been writing in the wastebasket in the living room. She must have made a mistake and started over.</p> <p><i>At this late date, when we've long ago learned the importance of valuing each child for his or her individual talents, I find it deeply disturbing that a teacher should be taking the exclusionary step of announcing the top grades to the other students in the class.</i></p> <p>I knew right away that she was writing to complain about Moriguchi, so I took the letter and went to find her in the kitchen.</p> <p>"You can't send this," I told her. "You'll make it look like I've got some sort of complex because I'm a lousy student."</p> <p>"Now, Naoki," she said, in her sweetest voice, "that's not it at all. It has nothing to do with you. I just don't like all this attention paid to grades. I'm objecting because that's the only thing she talks</p>	<p>курсивом, и учитель заявил, что это выглядит «естественно».</p> <p>Когда я перешёл в среднюю школу, у мамы даже подобного не было, чтобы похвастаться, поэтому она начала говорить всем, какой я «хороший». Но ей этого было мало. Тогда же она начала писать письма в школу. Я заметил, чем она занималась только после промежуточных экзаменов.</p> <p>На уроке учительница Моригути назвала троих с лучшими результатами. Глядя на этих детей, можно было сказать, что все они были реально умными, и я хлопал им вместе со всеми. Меня не сильно волновало, что я не получал такие же оценки. Я знал, что мне до них далеко. Мидзуки, живущая по соседству, была второй в этом списке, но, когда за ужином тем же вечером я сказал об этом маме, она будто заскучала. Она спросила: «Неужели?» Но было очевидно, что ей плевать.</p> <p>Пару дней назад, в мусорном ведре в гостиной я нашёл письмо, которое она писала в школу. Похоже, она где-то ошиблась и решила написать заново.</p> <p><i>На этом позднем этапе, когда мы уже давно осознали ценность каждого ребёнка и его индивидуального таланта, я нахожу глубоко тревожным тот факт, что учитель идёт на такой исключительный шаг и озвучивает лучшие оценки другим ученикам в классе.</i></p> <p>Я знал, что мама ругается из-за Моригути, поэтому взял письмо и пошёл к ней на кухню.</p> <p>– Ты не можешь это отправить. Из-за тебя я буду выглядеть закомплексованным неудачником.</p> <p>– Ну же, Наоки, – ответила мама милым голосом, – дело ведь совсем не в этом. Это никак не связано с тобой. Мне просто не нравится такое внимание к оценкам. Я выражаю неодобрение, потому что это единственное, о чём</p>	<p>После окончания начальной школы я не получал ни одной награды, поэтому мама и начала называть меня «добрым». Но больше меня злило то, что она начала писать письма с жалобами в мою среднюю школу. Я узнал об этом после окончания первых же четвертных контрольных.</p> <p>Наша классная руководительница Моригути-сэнсэй объявила имена трех ребят, набравших больше всего баллов. Мы и так знали, что они лучшие ученики в классе, поэтому я, не испытывая негодования или зависти, порадовался за них и вместе со всеми похлопал. Я просто до них не дотягивал. На втором месте оказалась Мидзуки-тян, жившая по соседству, поэтому я рассказал об этом дома за ужином. Тогда мне показалось, что маме было абсолютно все равно.</p> <p>Спустя несколько дней я случайно нашел в мусорном ведре ее недописанное письмо: должно быть, она где-то сделала ошибку и решила начать заново. Я прочел: «Сейчас как никогда очевидна необходимость отмечать и ценить каждого индивида за его личностные качества, поэтому я нахожу неприемлемым поведение некоторых учителей, позволяющих себе открыто выделять отдельных учеников за их заслуги в учебе, оглашая оценки перед всем классом».</p> <p>Я сразу же понял, что это жалоба на Моригути-сэнсэй. Взяв письмо, я пошел напрямиком на кухню и сказал маме:</p> <p>– Не надо отправлять это в школу! Все решат, что я завидую, раз сам не могу так учиться. Она ответила очень ласково:</p> <p>– Почему же, Нао-кун? Ты здесь ни при чем. Мне просто не нравится идея открыто сообщать оценки. Отличники что, какие-то особенные? А как же человеческая доброта? Пусть учитель лучше поощряет другие качества!</p>
--	---	--

<p>about. Is that all that matters? What about being a good person? She doesn't seem to care about that. She's not announcing the names of the three nicest children in class, is she? Or the names of the three hardest workers when it comes to cleaning up after school? I just want her to be fair, to balance things out.”</p> <p>I felt like puking. What she was saying sounded reasonable, but if I'd been one of the three with the top grades, she would never have written a letter like this. Bottom line: She was just disappointed in me.</p> <p>Since then, every time she says how nice I am, it makes me feel more and more miserable. More and more.</p> <p>A bicycle bell rang behind me and I turned around to see a girl from my class coming up to pass me. She'd been friendly enough until recently—she might have called out as she rode by on her bike. Not now. I pulled out my perpetually silent cell phone and pretended to check my texts, sniffing as if I had a cold. Then I started walking again.</p> <p>Until somebody hit me pretty hard on the back.</p> <p>Watanabe. Another kid from the class.</p> <p>“Hey, Shitamura,” he said. “You busy? I've got this awesome video, and I was wondering whether you wanted to watch it with me.”</p> <p>What the...? When we'd switched our desks around in February, we'd ended up next to each other, but we'd hardly ever talked. We hadn't gone to the same elementary school, and we'd never had cleanup duty together after class.</p> <p>Besides that, he kind of bugged me. I guess we were just too different when it came to schoolwork. He didn't even go to cram school, but his scores were practically perfect in every subject;</p>	<p>эта женщина говорит. Разве только это важно? Как насчёт того, чтобы быть хорошим человеком? Похоже, вашу учительницу это не волнует. Она же не озвучивает имена трёх самых милых детей в классе? Или имена трёх самых трудолюбивых ребят, когда речь идёт про уборку класса после занятий? Я просто хочу, чтобы она была справедливой и в её работе был баланс.</p> <p>Меня чуть не стошнило. То, что она говорила, звучало разумно, но, если бы я был одним из той троицы лучших, она бы никогда не написала такое письмо. Вывод: она просто разочаровалась во мне.</p> <p>С тех пор каждый раз, когда она говорит, какой я хороший, я чувствую себя всё хуже и хуже.</p> <p>За моей спиной прозвенел велосипедный звонок, я обернулся и увидел свою одноклассницу, проезжавшую мимо меня. До недавнего времени она была довольно дружелюбной, и я подумал, что она окликнула бы меня, проезжая мимо на своём велосипеде. Не в этот раз. Я вытащил свой вечно молчащий телефон и притворился, что проверяю сообщения, шмыгая носом так, будто у меня простуда, а затем просто продолжил идти.</p> <p>Так было до того момента, когда кто-то очень сильно ударил меня по спине.</p> <p>Ватанабэ. Ещё один одноклассник.</p> <p>– Привет, Ситамура, не занят? У меня есть одно шикарное видео, и я подумал, что ты захочешь его посмотреть со мной.</p> <p>Что за чёрт...? Когда нас пересаживали в феврале, мы оказались рядом, но почти не разговаривали. Мы также не ходили в одну начальную школу, и даже за уборку мы ни разу не отвечали вместе.</p> <p>Кроме того, он немного доставал меня. Думаю, мы просто слишком разные, если дело касается учёбы. Он даже не посещал дополнительные занятия, но его оценки по всем предметам были практически идеальными. И к</p>	<p>Например, похвалит ребят, хорошо сделавших уборку после уроков. Она так делает? Вот о чем я говорю.</p> <p>Я был готов разреветься. Звучало это разумно, но она вряд ли написала бы такое письмо, будь я одним из тех трех отличников. Я понял, что разочаровал ее.</p> <p>С тех пор каждый раз, когда мама называла меня «добрым», я чувствовал себя жалким. Жалкое разочарование...</p> <p>Послышался звук велосипедного звонка – мимо проехала моя одноклассница. Раньше она обязательно заговорила бы со мной или хотя бы поздоровалась. Я остановился и, быстро достав телефон из кармана брюк, сделал вид, что читаю сообщения, пару раз шмыгнул носом, а потом снова пошел.</p> <p>Неожиданно кто-то довольно сильно толкнул меня в спину. Со мной поравнялся Ватанабэ-кун из моего класса.</p> <p>– Эй, Ситамура-кун! Сегодня свободен? У меня есть классный фильм, хочешь тоже посмотреть?</p> <p>Я удивился. Нас действительно посадили недалеко друг от друга в этом году, но с начала четверти мы, кажется, даже не заговаривали. До этого мы ходили в разные школы и ни разу не оставались вместе дежурить после уроков.</p> <p>К тому же Ватанабэ-кун мне не нравился. Мы были слишком разными. Он не ходил на дополнительные занятия, но его оценки всегда были одними из лучших в классе, а</p>
--	--	--

and over the summer he'd won some sort of prize in a national science contest. But that wasn't even what bothered me most.

Watanabe was usually alone. Before class in the morning or when we had a break, he would be reading some thick book, and after school he would disappear right away. Since I was usually alone, too, I guess you could say we were a lot alike, but what I hated was the fact that being alone obviously didn't bother him.

It wasn't that he didn't have any friends—he avoided people because he didn't want to be with them. Like he couldn't be bothered hanging out with a bunch of idiots. That's what I couldn't take about him. He reminded me of Uncle Kōji.

Still, most of the guys in class looked up to Watanabe, and in a weird way, some of them even tried to suck up to him. But it wasn't because he was smarter than they were—that doesn't get you much respect in middle school—it was because he'd used his smarts to figure out how to almost completely eliminate the blurring the censors put on porn videos and get a clear image. That's what they said, anyway.

I'd heard these rumors and I was as interested as anybody else in getting my hands on the videos, but it wasn't like I was going to ask him out of the blue to lend me one—after all, we'd hardly said a word to each other.

But then he came up and started talking to me. What the...?

“Why are you asking me?” I said.

I thought he might just be jerking me around. Maybe some of the other guys in class were hiding somewhere nearby to see how I'd react. I looked around, but there was no sign of anyone.

“I've been wanting to talk to you for a while now,” he said. “But I could never find the right time.

тому же, летом он выиграл какой-то приз на национальном научном конкурсе. Но меня беспокоило даже не это. Ватанабэ обычно был один. Утром перед уроками или во время перерыва, он читал какую-нибудь толстую книгу, а после занятий сразу исчезал. Поскольку, обычно, я тоже был один, думаю, можно сказать, что мы во многом были похожи. Но тот факт, что одиночество его, судя по всему, не беспокоило, больше всего выводило меня из себя.

Не то, чтобы у него не было друзей – он избегал людей, потому что не хотел общаться с ними. Будто его не волновала эта куча идиотов. Вот чего я не мог в нём вынести. Он напомнил мне дядю Кодзи.

Тем не менее, большинство мальчиков в классе смотрели на Ватанабэ снизу вверх, и некоторые даже пытались подлизаться к нему. Но это было не потому, что он умнее – в средней школе подобное не вызывает особого уважения, – а потому, что он использовал свой ум, чтобы выяснить, как почти полностью удалить цензуру в фильмах для взрослых и получить чёткое изображение. Во всяком случае, так все говорили.

Я слышал об этом, и, как и все остальные, хотел бы получить эти видео. Но я же не собирался ни с того ни с сего просить его одолжить мне одно — в конце концов, мы и слова друг другу не сказали.

Но потом он сам подошёл ко мне и заговорил. Что за чёрт...?

– Почему ты спрашиваешь это у меня? – поинтересовался я.

Я подумал, что он, вероятнее всего, просто дурачит меня. Возможно, кто-то из других мальчиков в классе прятался где-то поблизости, чтобы посмотреть на мою реакцию. Я огляделся, но никого не было видно.

– Я давно хотел поговорить с тобой, но никак не мог подобрать момент. В любом случае, я бы сказал, что

летом он даже победил в каком-то большом конкурсе изобретений. Но дело было не в этом.

Ватанабэ-кун всегда и везде был один. Перед началом уроков и на переменах он постоянно читал какие-то серьезные книги, а после занятий сразу же уходил домой. В чем-то мы были похожи – я тоже обычно был один, но его, в отличие от меня, это ничуть не расстраивало, поэтому я злился.

Не сказал бы, что у него совсем не было друзей; он сам старался избегать людей. Будто не хотел проводить время с дураками. Именно это мне в нем и не нравилось! Я сразу вспоминал о дяде Кодзи.

Но остальным одноклассникам Ватанабэ-кун нравился, некоторые мальчишки брали с него пример. Были и те, кто старался к нему подлизаться, но не из-за учебы, а потому, что он нашел какой-то хитрый способ убрать размывающие пиксели со взрослых видео. По крайней мере, так все говорили.

После этих слухов мне самому стало интересно посмотреть, что там, но я и думать не мог о том, чтобы впервые заговорить с ним и сразу же попросить его одолжить мне кассету.

И вот он сам заговорил со мной. С чего бы это?

– Почему я? – спросил я напрямую.

Возможно, он просто хотел надо мной подшутить. Кто-то из одноклассников мог спрятаться поблизости и наблюдать. Я огляделся, но не заметил никого подозрительного.

– Я давно хотел заговорить с тобой, Ситамура-кун, но все не знал как. Ты же совсем другой, я прямо завидую! –

<p>I could tell, though, that you're different from the rest of them. You've got a lot going for you—I'm even a little jealous."</p> <p>He laughed, sounding almost embarrassed. He had this kind of awkward look on his face. It was the first time I'd seen him smile.</p> <p>But it still didn't make sense. Jealous? Of me? I might be jealous of him, but the opposite was hard to imagine.</p> <p>"Why?" I said.</p> <p>"Everybody thinks I'm an egghead. They think I'm going all out—I'd do anything to get good grades. It's kind of embarrassing to be seen that way."</p> <p>"You think so? I don't see you like that."</p> <p>"Well, everybody else does. I feel like kind of a loser. But you take everything at your own pace. You looked around first term and sized everybody up, and then second term your grades went way up."</p> <p>"Maybe a little," I said. "But they're still nowhere near as good as yours."</p> <p>"But you're still on cruise control—you've got a whole other gear. That's pretty cool."</p> <p>Cool? Me? No one, not another boy or girl, not even my mother, had ever told me I was cool before. I could feel my heart racing, my cheeks getting hot.</p> <p>It was true that my grades had gone up after summer vacation, when I'd started going to cram school, but they'd long since leveled off. The cram school teacher got on my case and figured out all sorts of ways to make my life miserable—in fact, when I realized that no matter how hard I worked I would never be much better than average, I'd quit cram school last month.</p> <p>But hearing this now from Watanabe, I began to feel he might be right, that I might actually be coasting. I could probably kick up my game if I</p>	<p>ты отличаешься от остальных. У тебя многое получается, я даже немного завидую.</p> <p>Он, слегка смутившись, рассмеялся. У него было такое странное выражение лица. Я впервые видел его улыбку. Но это всё не имело смысла. Завидует? Мне? Я мог бы завидовать ему, но вот обратное было почти невозможно представить.</p> <p>– Почему это?</p> <p>– Все думают, что я башковитый. Считают, что я стараюсь изо всех сил и готов на всё ради хороших оценок. Очень неприятно слышать такое.</p> <p>– Ты правда так думаешь? Я вот не считаю тебя таким.</p> <p>– А вот остальные считают. Я даже лузером себя ощущаю. Но ты, наоборот, просто спокойно плывёшь по течению. В первом триместре ты разминался, оценивая свои силы, а во втором заметно улучшил свои оценки.</p> <p>– Может совсем немного, но до тебя мне ещё далеко.</p> <p>– Не так уж и далеко, обойдёшь меня в два счёта. Это круто.</p> <p>Круто? Он про меня? За всю мою жизнь никто ни разу не назвал меня крутым. От его слов моё сердце застучало в сотню раз быстрее, а щёки покраснелись.</p> <p>Это правда, что мои оценки стали лучше после летних каникул, когда я пошёл на дополнительные занятия, но после этого я будто застрял на одном уровне. Учитель в вечерней школе начал до меня докапываться и придумал тысячу способов как усложнить мне жизнь. Вообще-то, я понял, что как бы сильно не старался, всё равно мне не стать лучше среднего, поэтому и бросил дополнительные занятия в прошлом месяце.</p> <p>Но услышав это от Ватанабэ, я подумал, что он прав, и я правда просто плыву по течению. Возможно, я смог бы стать лучше, если бы захотел. Может во мне есть</p>	<p>ответил Ватанабэ, смущенно улыбаясь. Кажется, я вообще впервые видел его улыбку.</p> <p>Завидует? Быть не может, чтобы Ватанабэ завидовал мне. Скорее, все наоборот!</p> <p>– Почему?</p> <p>– Все думают, что я – зубрила, готовый на все ради оценок. Мне обидно, что все так считают.</p> <p>– Правда? Я так не думаю, – ответил я.</p> <p>– Это моя вина. То ли дело ты, Ситамура-кун, все делаешь по-своему... В первой четверти присмотрелся ко всем, а во второй уже показал, на что ты способен. И оценки улучшились!</p> <p>– Разве что немного... до тебя мне еще далеко.</p> <p>– Но ты крутой. Есть что еще показать!</p> <p>Крутой? Я?! Раньше никто так про меня не говорил – ни мальчики, ни девочки, ни даже мама! Сердце бешено забилось, щеки покраснели.</p> <p>Мои оценки действительно немного улучшились после каникул – все лето я ходил на дополнительные занятия; но сейчас снова отставал. Учителя все время хотели от меня большего. Когда в прошлом месяце я понял, что, несмотря на все свои старания, никогда не стану лучшим, я и вовсе бросил занятия.</p> <p>Теперь, слушая слова Ватанабэ, я поверил, что действительно способен на большее. Возможно, у меня и</p>
---	--	--

<p>wanted to. Maybe I had qualities I'd never recognized myself—ones that only Watanabe could see.</p> <p>I suddenly wanted to be his friend. More than just about anything.</p> <p>The next time I saw him we met at his laboratory—a room in an old house by the river. I brought some carrot cookies my mother had made. On a new widescreen TV, zombie doom-bots were swarming through a city at night. As for the porn, he said he'd been interested in figuring out how to get rid of the blurred section on the screen but didn't care about what was behind the blur. In fact, he said it pretty much disgusted him. He let me watch a little, but instead of the normal stuff, it turned out to be all these naked blonde women fighting each other in a regular pro wrestling ring. We turned it off when they started getting really rough.</p> <p>We decided to watch something else, so we went to the video shop by the station and got an American action-horror movie. Mom doesn't let me watch stuff with guns and lots of violence, so I was pretty into it. The hero was this cool woman who blasted a whole army of zombies with this awesome machine gun, which would be totally fun to do.</p> <p>In fact, I must have muttered something about "wanting to do that, too," because at some point when I looked over at Watanabe, he was looking back at me.</p> <p>"Okay," he said. "Is there anybody in particular you want to do it to?"</p> <p>"What do you mean?" I said.</p> <p>"Wait till it's over," he said, turning back to the movie. I guess I thought he meant "if you were the woman in the movie" or something like that. I went back to watching. The zombies that the woman had just blasted were staggering back to their feet</p>	<p>что-то такое, что я и не замечал раньше. Что-то, что только Ватанабэ мог заметить.</p> <p>Внезапно мне захотелось с ним подружиться. Я ещё ничего так сильно не хотел.</p> <p>В следующий раз мы встретились в его лаборатории – комнатке в старом доме у реки. Я принёс мамино морковное печенье. На новом широкоэкранном телевизоре шёл фильм про зомби, заполонивших город. Когда я спросил про диски, ради которых и пришёл, Ватанабэ рассказал, что ему было интересно как избавиться от этой цензуры, но само содержание его не особо волновало – ему скорее было противно. Мне дали посмотреть видео, но вместо обычной порнухи оказалось, что там все эти голые блондинки просто дерутся друг с другом на обычном ринге для профессионального рестлинга, так что мы выключили видео, когда девушки начали вести себя по-настоящему грубо.</p> <p>Мы решили посмотреть что-нибудь ещё, поэтому зашли в видеомагазин у вокзала и купили американский боевик-ужастик. Мама не разрешает мне смотреть фильмы с оружием и насилием, так что кино пришлось мне по вкусу. Главной героиней оказалась какая-то крутая женщина, уничтожившая целую армию зомби из шикарного пулемёта. Было бы весело сделать что-то подобное.</p> <p>Видимо, я сказал это вслух, потому что, когда я взглянул на Ватанабэ, мы встретились взглядом.</p> <p>– Хорошо, есть кто-то конкретный, с кем ты хочешь <i>это</i> сделать?</p> <p>– Ты о чём?</p> <p>– Смотри до конца, – ответил Сюя и повернулся к экрану. Наверно, он хотел узнать кого бы я расстрелял, оказавшись на месте героини фильма, но вместо ответа, я просто молча вернулся к просмотру. Зомби, которых только что убила та женщина, с трудом поднимались на</p>	<p>правда были все те качества, которые не замечал никто, кроме него?</p> <p>В тот момент я искренне захотел стать его другом.</p> <p>Наша следующая встреча состоялась в старом доме у реки – в «Лаборатории» Ватанабэ.</p> <p>Я принес немного морковного печенья, которое испекла мама.</p> <p>На экране широкоугольного плоского телевизора полчища зомби метались по улицам заброшенного города.</p> <p>Ватанабэ сказал, что ему было куда интереснее выяснить, <i>как</i> избавиться от пикселей на видео для взрослых, и его мало интересовало, <i>что</i> пряталось за ними. Вся эта физиология вызывала у него отвращение. Он дал мне посмотреть один из фильмов – две светловолосые женщины зачем-то голышом боролись на ринге, как рестлеры. Я сам попросил выключить, когда стало совсем грязно.</p> <p>Мы решили посмотреть обычные фильмы и заглянули в видеопрокат у станции, чтобы арендовать кассету с каким-нибудь американским ужастиком. Мама не разрешала мне смотреть фильмы с насилием и оружием. Сейчас на экране главная героиня расстреливала армию зомби из ручного гранатомета – выглядело очень круто и весело!</p> <p>– Класс! Вот бы и мне так, – сам того не заметив, пробормотал я и повернулся к Ватанабэ.</p> <p>– И кого бы ты хотел расстрелять? – спросил он.</p> <p>– Кого? – переспросил я.</p> <p>– Давай досмотрим, – ответил Ватанабэ и повернулся к экрану, где героиня продолжала ловко расправляться с зомби.</p> <p>Наверное, он спрашивал, кого бы я расстрелял, будь я героем фильма? А в жизни... страшно представить.</p>
---	--	--

<p>like in some really bad nightmare, and at the end of the whole thing she still hadn't been able to get rid of all of them. I guess there was going to be a sequel.</p> <p>“What would you do if the whole town was crawling with zombies?” I asked Watanabe, as we ate my mother's cookies. Instead of answering, he stood up, went to a desk, and took something out of a drawer. A black coin purse.</p> <p>“Is that the Shocking Purse?” I asked him.</p> <p>“That's right, and I've managed to increase the voltage. I just haven't found anybody to try it out on yet. You want to be the first?” I shook my head and put my hands behind my back. “Just kidding!” he said. “No, I made it to deal with all the people I can't stand. It needs to be tested on one of them.”</p> <p>Then he set the purse down in front of me. It looked like any other change purse with a zipper.</p> <p>“Does it really work?” I asked.</p> <p>“If you touch the zipper, you get a pretty good shock—enough to knock you on your ass. Not you—I mean somebody we don't like. How'd you like to see that?”</p> <p>“You bet I would. But who are you going to use it on?”</p> <p>“That's the point. I've been so busy inventing this thing and getting good grades, I can't tell people apart—you know, I hate all of them. That's why I was hoping you'd choose.”</p> <p>“Me?” I said, nearly choking. But I was also really excited. We were going to use his invention to get back at someone evil, and I was going to decide who! I felt like I was suddenly in a movie—Watanabe was the mad scientist and I was his assistant.</p>	<p>ноги, как в каком-то жутком кошмаре, и в конце фильма она так и не смогла от них избавиться. Думаю, должно быть ещё продолжение.</p> <p>– Что бы ты сделал, если бы весь город кишел зомби? – спросил я Ватанабэ, когда мы ели мамино печенье. Вместо ответа он встал, подошёл к письменному столу и достал что-то из ящика. Это оказался чёрный кошелек для монет.</p> <p>– Это и есть тот самый Электрошоковый Кошелек?</p> <p>– Да, мне удалось увеличить напряжение. Но я ещё не нашёл на ком его опробовать. Хочешь быть первым? – Я покачал головой и спрятал руки за спину.</p> <p>– Просто шучу! Я сделал этот кошелек, чтобы бороться с людьми, которых не выношу. Нужно протестировать его на ком-то из них.</p> <p>Затем он положил кошелек передо мной. Это был самый простой кошелек на молнии.</p> <p>– Он реально работает?</p> <p>– Прикоснёшься к застёжке и сразу получишь сильный удар током. Достаточно сильный, чтобы шлёпнуться на задницу. Я не про тебя, про кого-нибудь, кто нам не нравится. Ты ведь хотел бы это увидеть?</p> <p>– Не то слово. Но на ком ты хочешь его использовать?</p> <p>– В этом и проблема, я был так занят изобретением и получением хороших оценок, что не научился разбираться в людях. Знаешь, я вообще всех ненавижу. Вот почему я надеялся, что ты поможешь с выбором.</p> <p>– Я? – переспросил я, чуть не поперхнувшись. Конечно, я был взволнован — мы собирались использовать его изобретение, чтобы кому-то отомстить, а решить кому должен был я! Внезапно почувствовал себя героем кино – Ватанабэ был безумным учёным, а я его ассистентом.</p>	<p>Фильм заканчивался. Сколько бы зомби она ни убила, все время появлялись новые. Должно быть, будет еще продолжение!</p> <p>– Что бы ты делал, если б все жители нашего города превратились в зомби? – спросил я Ватанабэ, откусывая кусочек морковного печенья.</p> <p>Тот молча встал и подошел к столу; выдвинув один из ящиков, извлек из него какой-то темный предмет. Маленький кошелек для мелочи.</p> <p>– Это твой «Противокражный кошелек»?</p> <p>– Угу. Я смог усилить напряжение тока, но пока не испытывал его. Хочешь быть первым? Я резко спрятал обе руки за спину и отрицательно покачал головой.</p> <p>– Шучу! Я сделал его, чтобы проучить плохих людей, так что испытывать нужно тоже на ком-то плохом.</p> <p>Ватанабэ положил свое изобретение на пол передо мной – оно выглядело как самый обычный кошелек на молнии.</p> <p>– Он и правда работает?</p> <p>– Да. Если взяться за застёжку молнии, то мощный разряд отшибет тебе мозги. Ну не тебе, конечно, а плохому человеку. Хотел бы это увидеть?</p> <p>– Еще бы! На ком испытаем?</p> <p>– Хм... я плохо разбираюсь в людях, они все мне не нравятся. Ситамура-кун, может, ты выберешь?</p> <p>– Я?! – вскрикнул я, почти задыхаясь от волнения. Мы собирались испытать изобретение Ватанабэ на плохих людях, и выбор цели доверили мне! Совсем как в кино! Словно он был гениальным ученым, а я – его ассистентом...</p>
--	---	--

<p>But who to pick? I racked my brain. Not my enemy—our enemy. Which meant it had to be a teacher. One of the more self-satisfied bastards.</p> <p>“What about Tokura?” I said. “Not bad...but I don’t think I want to mess with him.”</p> <p>Okay, someone else. How about Moriguchi, who was always worrying about her own kid more than her students?</p> <p>“Moriguchi?” I said aloud. “Actually, I already tried it on her.... I don’t think she’d fall for it again.”</p> <p>Strike two. Watanabe sighed and began fooling around with the tools on his desk like he was getting bored. Maybe he was starting to regret he’d asked me to come. If he didn’t like my next suggestion, he might even call off the whole plan. Or he might get somebody else to help him—and they’d choose me. I could almost hear them talking... “Him? Worthless. A total waste!”</p> <p>What could be worse? Nothing...except maybe being forced to clean a dirty old pool in winter all by yourself, even though I hadn’t even done anything wrong. It wasn’t so much the cleaning. I hated having anybody see me being punished like that. So, when I heard someone coming, I ducked in the locker room. But it turned out to be—</p> <p>That’s it! What about her? “What about Moriguchi’s little girl?” I said. “‘She doesn’t care about us, just about that brat, so what better way to get to her?’”</p> <p>Watanabe’s hand froze over his tools. “Not bad!” he said. “I’ve never seen her, but I hear she comes to school sometimes.”</p>	<p>Но кого выбрать? Я долго ломал голову. Это должен был быть наш общий враг, а значит это должен быть кто-то из учителей. Один из самых самодовольных уродов.</p> <p>– Что насчёт учителя Токура? – спросил я. – Неплохо... Но я не хочу связываться с ним.</p> <p>Ладно, тогда кто-нибудь другой. Может Мориугути? Она всегда беспокоится о своём ребёнке больше, чем о собственных учениках.</p> <p>– Мориугути? – Пробормотал я вслух. – Я уже опробовал кошелёк на ней... Не думаю, что она купится на это второй раз.</p> <p>Вторая попытка. Ватанабэ вздохнул и начал возиться с инструментами на своём столе, будто заскучал. Возможно, он начал жалеть, что попросил меня прийти. Если ему не понравится моё следующее предложение, возможно, он весь план отменит. Или попросит кого-нибудь другого помочь ему и те выберут меня. Я ведь слышал, что они говорят... «Он? Бесполезный. Полная трата времени!»</p> <p>Что может быть хуже? Ничего... Кроме того, что может быть, меня заставят чистить старый грязный бассейн зимой в полном одиночестве, хотя я и не сделал ничего плохого. Проблема была даже не в уборке – я просто ненавижу, когда кто-то видит, как меня наказывают. Поэтому, услышав, что кто-то идёт, я нырнул в раздевалку, но это была...</p> <p>Точно! Что насчёт неё? – Что насчёт малышки Мориугути? Ей плевать на нас, она волнуется только за эту соплячку, может это и есть лучший способ добраться до самой Мориугути?</p> <p>Ватанабэ замер над своими инструментами. – <i>Неплохо!</i> Сам я её никогда не видел, но слышал, что она иногда приходит в школу.</p>	<p>Я крепко задумался. <i>Мой</i> враг не подойдет. Нужен <i>наш общий</i> враг. Учитель! Какой-нибудь самодовольный дурак!</p> <p>– Может, Токура? – Можно, но... не хочу с ним связываться.</p> <p>Значит, кто-то другой... Классный руководитель! Глупая учительница, что больше волнуется о своем ребенке, чем об учениках.</p> <p>– Тогда Мориугути! – Ну, на ней я его уже испытывал. Вряд ли она купится дважды.</p> <p>Снова не то. И продолжать не хотелось... Ватанабэ громко зевнул и принялся скучающе перекладывать инструменты на столе.</p> <p>А что, если он уже жалеет, что подружился со мной? Если я что-то срочно не придумаю, он вообще может отказаться от нашего общего плана. Вдруг предложит кому-то другому? И тогда они вместе посмеются надо мной. <i>Он все-таки бесполезный! Неудачник!</i></p> <p>А что может быть хуже этого? Разве что школьный бассейн зимой... Чистить его в одиночку – просто ужасно. А ведь я ничего плохого не сделал! Я не против уборки, но почему обязательно заставлять меня драить его у всех на глазах?! Заслышав приближающиеся шаги, я стыдливо прятался, пока... Точно! Девчонка!</p> <p>– Как насчет дочки Мориугути? Отличный способ наказать ее мамашу, которой плевать на нас!</p> <p>Рука Ватанабэ на мгновение застыла над столом. – Неплохо! Я ее не видел, но, говорят, она часто приходит в школу.</p>
---	---	---

<p>He was obviously interested. I did a major fist-pump in my head. I had cleared the first hurdle. To seal the deal, to make myself seem really useful, I told him how I'd seen the girl begging Moriguchi for a little pouch at the mall, and how she hadn't bought it for her.</p> <p>“Awesome! A pouch would give me the room to make it even more powerful. I knew I was right about you, Shitamura. Thanks to you, this is going to be even better than I thought.”</p> <p>“Then let's go get the pouch. We don't want them selling out.” We got on our bikes and headed for the mall—Happy Town. It was almost Valentine's Day, and the place was really crowded. I wove through all the ladies and the high school girls, making a beeline for the toy corner.</p> <p>“Here it is! Looks like it's the last one.” I smoothed the crushed fur and held out the Snuggly Bunny pouch for Watanabe to see.</p> <p>“Then it must have been meant to be,” Watanabe said. Precisely—if they'd been sold out, the whole plan would have been screwed up. It was fate, us getting the last one.</p> <p>We put our allowance together and bought the pouch, then we went up to the Domino Burgers on the second floor to hold a strategy session.</p> <p>“How does the purse work?” I asked him as I bit into my burger.</p> <p>“It's pretty simple. I can wire a zipper like this to deliver the shock.” He arranged French fries on his tray to match the circuits, but I couldn't follow any of it. “You see?” he asked from time to time as the diagram got more complicated.</p>	<p>Это предложение явно заинтересовало его, что не могло не порадовать меня. Первое препятствие пройдено. Чтобы скрепить сделку и доказать свою полезность, я рассказал ему как девушка выпрашивала у Мorigути кошелёк в торговом центре, и конечно сказал, что та его не купила.</p> <p>– Потрясающе! Я мог бы сделать его ещё мощнее. Я знал, что был прав на твой счёт. Ситамура, благодаря тебе, всё пройдёт даже лучше, чем я думал.</p> <p>– Тогда пойдём за кошельком. Нельзя допустить, чтобы их раскупили.</p> <p>Мы запрыгнули на велосипеды и направились в торговый центр «Хэппи Таун». Приблизился День Святого Валентина, так что народу было много. Я протиснулся через толпу женщин и старшеклассниц, направляясь в отдел игрушек.</p> <p>– Вот он! Видимо последний.</p> <p>Я разгладил примятый мех и протянул Ватанабэ кошелёк с кроликом.</p> <p>– Судя по всему, так и было задумано.</p> <p>Точно, если бы они были распроданы, весь план пошёл бы насмарку. Нам достался последний. Это была судьба.</p> <p>Мы собрали наши карманные деньги, купили кошелёк и поднялись в «Домино Бургерс» на втором этаже, чтобы обсудить стратегию.</p> <p>– Как работает кошелёк? – Спросил я, вгрызаясь в бургер.</p> <p>– Довольно просто. Чтобы прошёл ток, можно прикрепить молнию вот так. Он разложил картошку фри на подносе в соответствии со схемами, но я всё равно ничего не понимал. – Понимаешь? – Периодически он уточнял понимаю ли я, что он делает, ведь схема всё усложнялась.</p>	<p>Я смог вернуть его интерес! Победа! Первый уровень пройден. Чтобы оказаться еще полезнее, я подробно рассказал Ватанабэ о сцене в универмаге, которую наблюдал недавно, – дочка упрашивала Мorigути купить ей детскую плюшевую сумочку.</p> <p>– Ага! В сумочке можно будет еще усилить заряд... Неплохо, Ситамура-кун! Я был прав насчет тебя. Благодаря тебе все стало еще интереснее!</p> <p>– Тогда пойдём за сумочкой. Надеюсь, они еще не закончились...</p> <p>Мы запрыгнули на велосипеды и поехали вдоль реки в торговый центр.</p> <p>В выходной день все отделы были переполнены покупателями. Приблизился День святого Валентина – отдел с игрушками наводнили старшеклассницы и их мамы. Я протолкнулся сквозь толпу девочек.</p> <p>– Ура! Смотри, как раз последняя осталась! – сказал я, подняв находку повыше над головой, чтобы Ватанабэ видел, словно это был какой-то трофей.</p> <p>– Последняя? Это знак! – ответил Ватанабэ. Наверное, если б мы не смогли найти сумочку, то он отказался бы от плана. Казалось, это действительно судьба!</p> <p>Мы расплатились карманными деньгами, поделив сумму поровну, и поднялись на второй этаж в бургерную «Домино», чтобы все хорошенько спланировать.</p> <p>– Как это работает? – спросил я, уплетая бургер.</p> <p>– Очень просто. Я подключаю застежку к аккумулятору, пускающему заряд тока, – объяснил Ватанабэ, сложив на подносе схему из картошки фри. Я все равно ничего не понял, и он переспросил: – Так понятно?</p>
---	---	--

<p>“I get it,” I said, when I thought it sounded right. “It is simple.” I didn’t want to disappoint him, and as I nodded and pretended to follow along, I almost felt like I was beginning to understand.</p> <p>But it hardly mattered—I was having more fun than I’d ever had. I’d been to Domino with my sister, but this was my first time with a friend. I remember having seen middle and high school kids here when I was in elementary school and thinking how cool they looked. Now, I was here myself; and to top it off, we weren’t just talking about stupid stuff like the kids around us, we were having an important meeting. A secret strategy session.</p> <p>“But why does she come to the pool?” Watanabe asked, eating one of the French fries from his diagram. That was my cue.</p> <p>“For the dog. Have you seen the black dog at the house on the other side of the fence?”</p> <p>“You mean the fuzzy one?”</p> <p>“That’s right. She comes to feed him. I think she hides bread or something under her coat.”</p> <p>“Really? I wonder why she does that? What about the people in the house?”</p> <p>“Now that you mention it, I haven’t seen anyone there in about a week. Maybe they’re on a trip. We’d probably need to check on that.”</p> <p>“How?”</p> <p>“I’ve got it! What if we throw a baseball over the fence and go into the yard to get it back?” Ideas were popping into my head one after the other. I’d never felt like this before. Watanabe was the chief design officer, but I was in charge of tactics! I wasn’t his assistant anymore—we were working together! I proposed the following plan to him:</p> <p>1. I would go ahead to scout out the place to avoid any unforeseen interruptions.</p>	<p>– Да, – соврал я, решив, что так будет лучше. – Это ведь легко.</p> <p>Я не хотел его разочаровывать, и когда я кивнул, прикинувшись умником, мне показалось, что я даже начал что-то понимать.</p> <p>Но это не имело никакого значения, ведь я ещё никогда так не веселился. Я уже бывал в «Домино Бургерс» со своей сестрой, но с другом ещё никогда. Помню, что видел здесь учеников средней и старшей школы, ещё когда сам учился в началке, и думал, что они выглядят круто. А теперь я сам здесь. Да и мы не просто говорим о всякой ерунде, как ребята вокруг нас, а обсуждаем важную стратегию.</p> <p>– Но почему она ходит к бассейну? – спросил Ватанабэ, поедая картошку из своей схемы. Меня вдруг осенило.</p> <p>– К собаке. Видел чёрную собаку у дома по ту сторону забора?</p> <p>– Ту пушистую?</p> <p>– Ага. Она ходит покормить её. Думаю, она прячет под пальто хлеб или что-то такое.</p> <p>– Серьёзно? Интересно, зачем она это делает? А что на счёт жильцов дома?</p> <p>– Дай-ка вспомню, я почти неделю никого там не видел. Может они уехали? Нам нужно это выяснить.</p> <p>– Но как?</p> <p>– Придумал! Что, если мы перебросим бейсбольный мяч через забор и пройдем во двор, чтобы забрать его?</p> <p>Идеи возникали одна за другой. Я никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Ватанабэ был главным дизайнером, но за тактику отвечал я! Я больше не был его ассистентом – мы работали вместе!</p> <p>Я предложил следующий план:</p> <p>1. Я пойду первым, чтобы разведать местность во избежание непредвиденных помех.</p>	<p>– Надо же, и правда просто, – кивнул я в ответ, чтобы не разочаровать Ватанабэ. Чем больше я притворялся, тем сильнее сам верил, что понимаю ход его мыслей.</p> <p>Но это было абсолютно не важно, ведь мне было веселее, чем когда-либо. Я уже бывал в «Домино» со старшей сестрой, но впервые пришел сюда с другом! Я часто рассматривал компании школьников, дурачившихся за столиками, и думал, какие они крутые. Для меня это был сон наяву! Мы с Ватанабэ не просто болтали о всякой ерунде, как другие дети; у нас было настоящее секретное собрание!</p> <p>– Зачем она приходит к бассейну? – спросил Ватанабэ, поедая картошку фри – детали своей схемы.</p> <p>– К собаке. Знаешь черного пса на участке у дома за школьным забором?</p> <p>– Того лохматого?</p> <p>– Да, его. Она приходит покормить пса. Кажется, прячет хлеб или угощения под одеждой.</p> <p>– Правда? И зачем ей это? А что хозяева дома?</p> <p>– Кстати, хозяев я давно не видел, уже около недели. Может, уехали в путешествие... Надо уточнить.</p> <p>– Как это?</p> <p>– Забросим мяч через забор и зайдем на территорию их сада, чтобы забрать.</p> <p>Идеи приходили одна за другой! Никогда не чувствовал себя лучше. Пусть Ватанабэ и гениальный изобретатель, но я буду ответственным за стратегию. Я больше не его ассистент, мы работаем в команде!</p> <p>Я предложил такой порядок действий:</p> <p>1. Я пойду первым, чтобы осмотреть место – нет ли помех или препятствий.</p>
---	--	--

<p>2. I'd meet up with him at the pool and we'd hide in the locker room.</p> <p>3. When the girl came, I'd talk to her first—since Watanabe looks kind of weird when he smiles.</p> <p>4. Watanabe would hang the pouch around her neck (pretending her mother asked us to buy it for her).</p> <p>5. Then I'd tell her to look inside.</p> <p>“Sounds good to me,” Watanabe said, sounding satisfied. I burst out laughing, picturing Moriguchi's little girl sitting back on her butt.</p> <p>“Do you think she'll start bawling?” I asked, still chuckling. Watanabe was giggling, too.</p> <p>“No, I don't think so.”</p> <p>“Really? I think she will. You want to bet on it? Loser treats for Domino Burgers next time.”</p> <p>“You're on.” We toasted with Coke to seal the deal.</p> <p>The kid sneaks into the pool feeling really nervous— one week after the first day.</p> <p>Since this morning—no, really for the past few days—I've been totally pumped. For the first time since I got to middle school, I'm actually happy to be here.</p> <p>After second period, I whispered to Watanabe, “Everything ready?”</p> <p>“All set,” he whispered back, without looking at me. Even though we were friends now, we hadn't started hanging out at school because we didn't want anyone figuring out what we were up to.</p> <p>I wasn't really paying attention in class anymore, and in fifth period, during science, when I happened to look up and see Moriguchi, I almost burst out laughing. The whole day seemed to race by.</p>	<p>2. Мы встретимся у бассейна и спрячемся в раздевалке.</p> <p>3. Когда появится девчонка, первым заговорю я, потому что, когда Ватанабэ улыбается, он выглядит странно.</p> <p>4. Ватанабэ повесит кошелек малявке на шею, прикинувшись, что её мама попросила нас купить его.</p> <p>5. Потом я попрошу её заглянуть внутрь.</p> <p>– Мне нравится, – довольно сказал Ватанабэ. Я расхохотался, представив дочку Мorigути, завалившуюся на зад.</p> <p>– Как думаешь, она будет реветь? – Спросил я, продолжая смеяться. Ватанабэ тоже рассмеялся.</p> <p>– Нет, не думаю.</p> <p>– Серьёзно? Думаю, она разревётся. Поспорим? Проигравший платит за бургеры в следующий раз.</p> <p>– Я в деле.</p> <p>Мы чокнулись бутылочками колы, чтобы скрепить сделку.</p> <p>Нервничающий ребёнок прокрадывается к бассейну – неделю спустя.</p> <p>С самого утра – нет, последние пару дней, – я будто на иголках. С первого дня занятий в средней школе, я впервые рад здесь находиться.</p> <p>После второго урока я шепнул Ватанабэ:</p> <p>– Всё готово?</p> <p>– Да, – не глядя на меня ответил он. Несмотря на то, что теперь мы были друзьями, мы не хотели, чтобы кто-нибудь догадался, чем мы занимаемся и поэтому не общались в школе.</p> <p>На занятиях я был невнимателен, а на пятом уроке – естествознании – когда я случайно поднял глаза и увидел Мorigути, чуть не расхохотался. Казалось, что весь день так быстро пролетел.</p>	<p>2. Встречу Ватанабэ у бассейна, и мы вместе спрячемся в раздевалке.</p> <p>3. Когда девчонка появится, я заговорю с ней первым (Ватанабэ выглядит очень странно, когда улыбается).</p> <p>4. Ватанабэ повесит сумочку ребенку на шею (соврем, что мама попросила ей передать).</p> <p>5. Я предложу ей посмотреть, что лежит внутри.</p> <p>– Неплохо! – довольно заключил Ватанабэ.</p> <p>Я представил дочку Мorigути, от удивления приземлившуюся на пятую точку, и рассмеялся. Вот умора!</p> <p>– Думаешь, расплачется? – спросил я, пытаясь сдержать смех.</p> <p>– Не думаю.</p> <p>– Да? А я готов поспорить. Чур, проигравший покупает бургеры!</p> <p>– По рукам.</p> <p>Мы скрепили обещание, выпив немного колы.</p> <p>Школьник, опасливо озираясь, тайком пробирается к бассейну – спустя неделю.</p> <p>С того самого утра я был приятно взволнован. Впервые с момента перехода в среднюю школу я с удовольствием ходил на занятия.</p> <p>– Все готово? – шепнул я Ватанабэ после третьего урока. Он быстро кивнул, даже не посмотрев на меня. Пусть мы и были лучшими друзьями, но договорились не общаться в стенах школы, чтобы кто-нибудь случайно не рассекретил наш план.</p> <p>На уроках я совсем не слушал, а когда встретился взглядом с Мorigути на естествознании, то чуть не разразился смехом. Время пролетело очень быстро.</p>
---	--	--

<p>After school, I went straight to the pool. I took a look around and made sure nobody was there. Fortunately, no one had been given cleanup duty after me.</p> <p>The dog was sticking its nose through the fence, but it still didn't look like anybody was home. Still, better safe than sorry, so I fished out the baseball I'd found behind the team's shed and threw it into the yard. Then I pretended to be mad that I had to chase it, and I climbed the fence. I walked around the house and pushed the button on the intercom, but there was no answer and no sign of people inside.</p> <p>Perfect.</p> <p>I went over the fence again and back to the pool. The dog had been watching me the whole time, but it never once barked. Maybe it was too old—or too stupid.</p> <p>I texted Watanabe that “Phase One” was completed, and within five minutes he showed up at the pool.</p> <p>“All systems are go!” I said and gave him the thumbs-up. Then we went into the locker room and hid behind the door. It was never locked. Phase Two under way. The locker room was dark and musty and reminded me of the forts we used to make under a blanket or something when we were kids. Back when I still thought I could do anything. But maybe that had all changed now—maybe I really could do anything, with a friend like Watanabe.</p> <p>I looked over at him and realized he was doing a final test on the pouch. It looked totally harmless, like a perfectly normal little kid's purse, but I knew better. How cool that it could deliver a real electric shock!</p>	<p>После занятий я пошёл напрямик к бассейну и огляделся, чтобы убедиться, что там никого нет. К счастью, никому не поручили повторную уборку.</p> <p>Пёс просунул нос через забор, но всё равно казалось, что дома никого нет. Тем не менее, лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, поэтому я достал бейсбольный мяч, найденный за складом нашей команды, и забросил его во двор. Затем я притворился, что злюсь из-за того, что мне пришлось за ним гоняться, и перелез через забор. Я обошел дом и нажал кнопку домофона, но никто не ответил. Вообще никаких признаков присутствия людей.</p> <p>Идеально.</p> <p>Я вернулся к бассейну. Пёс всё время смотрел на меня, но ни разу не гавкнул. Наверно, слишком старый. Или тупой.</p> <p>Я сообщил Ватанабэ, что «Первая фаза» завершена и через пять минут он пришёл к бассейну.</p> <p>– Все системы в рабочем состоянии! – сказал я и показал ему поднятые большие пальцы. Затем мы пошли в раздевалку и спрятались за дверью – она никогда не запиралась. Пора приступать ко второй фазе. В раздевалке было темно и пахло плесенью, что напомнило мне о крепостях, которые мы обычно строили под одеялом или что-то в этом роде, когда были детьми. Тогда я ещё думал, что могу всё. Но, может быть, теперь всё изменилось – может быть, я действительно мог бы сделать всё, что угодно, с таким другом, как Ватанабэ.</p> <p>Я посмотрел на него и понял, что он проводит последнюю проверку кошелька. Тот выглядел совершенно безобидно, как совершенно обычный детский кошелек-сумочка, но я-то знал. Как здорово, что эта застёжка может реально ударить током!</p>	<p>После уроков я в одиночку направился к бассейну, осмотрелся и убедился, что поблизости никого нет. Повезло, что кроме меня, никого больше не отправляли отбывать наказание за чисткой бассейна!</p> <p>Черная собака на соседнем участке просунула морду между отверстий в заборе. Похоже, хозяев по-прежнему не было дома. Для верности я все же прихватил бейсбольный мяч, найденный мной после тренировки команды. Размахнулся и перебросил его через забор – прямо на участок. Сделав вид, что расстроен, перелез через забор, чтобы забрать мяч. Обойдя один раз вокруг дома, нажал на кнопку домофона, но ответа не последовало. Выходит, внутри никого нет.</p> <p>Отлично! Все готово.</p> <p>Я снова перелез через забор и вернулся к бассейну. Собака, все это время внимательно наблюдавшая за мной, ни разу не подала голос. Может, была слишком старой или слишком глупой...</p> <p>Я отправил Ватанабэ сообщение «Первая фаза завершена!», и спустя пять минут он появился у бассейна.</p> <p>– Готово! – весело сказал я, подняв вверх большие пальцы.</p> <p>Мы встали за дверью в раздевалке – ее никогда не закрывали. Началась вторая фаза. Темная и душная раздевалка напомнила мне о детских играх в прятки. Тогда, в детстве, мне казалось, что я могу абсолютно все. Но, может, я и правда могу? С таким-то другом, как Ватанабэ...</p> <p>Я посмотрел на друга. Он проверял механизм, спрятанный в детской сумочке. Та выглядела совсем как обыкновенная игрушка; как же круто, что она может давать электрический разряд!</p>
---	---	---

<p>“Why don’t you come over to my house next time?” I said. “My mom really wants to meet you. She said she’ll bake a cake. I think she’s happy I’ve got a smart friend. She wrote to the principal last term to bitch about Moriguchi always announcing our class rank, but when I told her we were friends she knew right away that you’re at the top of our class. Go figure. I don’t have anything like your laboratory, but she does bake a pretty good cake. I know, you can come over sometime soon to celebrate this whole plan. I’ll have her bake something really special. Which do you like better, whipped cream or chocolate?”</p> <p>He didn’t answer and held his hand up for me to be quiet. Through the crack in the door, we could see the girl slipping through the gate.</p> <p>“It’s her,” I whispered, and we watched as she made her way around the pool heading straight for the dog at the fence. Apparently, she hadn’t seen us.</p> <p>“Dinner, Muku,” she said. Then she squatted down in front of him, pulled some bread out of her jacket, and began tearing off pieces to give to him. He wagged his tail and gobbled down the bread, and she watched him with this big smile on her face. It was all gone in just a few seconds.</p> <p>“See you soon,” she said, wiping the crumbs from her clothes and standing up.</p> <p>I looked at Watanabe and he nodded. Then we walked slowly over to her. Phase Three under way. I spoke first.</p> <p>“Hi,” I said as we got close to her. “You’re Manami, aren’t you?” We must have startled her, because she turned around really fast. I kept smiling. “We’re in your mother’s class. You remember, I saw you the other day at Happy Town.”</p>	<p>– Придѣшь ко мне в следующий раз? Моя мама очень хочет с тобой познакомиться. Она сказала, что испечет торт. Я думаю, она обрадуется, что у меня такой умный друг. В прошлом триместре она написала директору – решила пожаловаться на Моригути, за то, что та всегда объявляет лучших учеников класса. Прикинь, когда я сказал ей, что мы друзья, она сразу вспомнила, что ты в списке лучших. У меня нет никакой лаборатории, но мамин торт просто супер. Мы могли бы собраться и отпраздновать весь этот план. Я попрошу её испечь что-нибудь действительно особенное. Что тебе больше нравится, взбитые сливки или шоколад?</p> <p>Он не ответил и поднял руку, чтобы я замолчал. Через щель в двери мы увидели, как девочка пробирается к бассейну.</p> <p>– Это она, – прошептал я, наблюдая, как она обходит бассейн, направляясь прямо к собаке у забора. Видимо, девочка нас не видела.</p> <p>– Мўку, ужинать.</p> <p>Девочка присела перед псом на корточки, достала из кармана куртки немного хлеба и начала отрывать кусочки, чтобы дать ему. Он завилял хвостом и проглотил хлеб, а она, широко улыбаясь, наблюдала за ним. Через несколько секунд хлеба уже не было.</p> <p>– Скоро увидимся, – сказала девочка, стряхивая крошки со своей одежды и вставая.</p> <p>Я посмотрел на Ватанабэ, и он кивнул. Затем мы медленно подошли к ней. Третий этап начался. Я заговорил первым.</p> <p>– Привет, – сказал я, когда мы подошли к девочке поближе. – Ты ведь Манами? – Она очень быстро обернулась, видимо, мы её напугали. Я продолжал улыбаться. – Мы учимся в классе твоей мамы. Помнишь, мы виделись на днях в «Хэппи Тауне»?</p>	<p>– Ватанабэ-кун, приходи ко мне в гости. Познакомись с мамой, поедим торт... Она так рада, что у меня появился умный друг! Она даже писала директору из-за того, что эта дура Моригути объявляла оценки, но, когда я сказал, что подружился с Ватанабэ, сразу вспомнила, что ты – отличник. У меня дома нет такой лаборатории, как у тебя, но мамин торт точно вкуснее покупного... Попрошу ее испечь что-то особенное. Что скажешь? С шоколадом или со сливками?</p> <p>Ватанабэ не ответил, а только приложил указательный палец к губам, показывая, чтобы я вел себя тише. В приоткрытую дверь раздевалки мы увидели дочь Моригути, прошмыгнувшую через щель в калитке к бассейну.</p> <p>– Ватанабэ-кун, это она! – подтвердил я. Мы наблюдали, как девочка медленно подошла к забору, где ее уже ждала собака. Нас она не заметила.</p> <p>– Муку, угощение! – сказала девочка, присев перед ним на корточки и достав из кармана курточки кусок хлеба. Пока она ломала его на кусочки, собака счастливо виляла хвостом. Девочка, улыбаясь, протянула хлеб собаке – тот тут же исчез.</p> <p>– Я еще приду, – сказала девочка, вставая и стряхивая с себя хлебные крошки.</p> <p>Я посмотрел на Ватанабэ. Тот молча кивнул. Мы вышли из раздевалки и направились к ребенку.</p> <p>Началась третья фаза. Я заговорил первым:</p> <p>– Привет, ты ведь Манами-тян, верно?</p> <p>Девочка быстро повернулась ко мне. Должно быть, испугалась. Я широко улыбнулся.</p> <p>– Мы ученики твоей мамы. Помнишь, мы даже виделись в универмаге?</p>
---	---	---

<p>Everything was going according to plan. Except that she seemed pretty nervous. She was watching us carefully.</p> <p>“Do you like dogs?” Watanabe asked her. “We do, too. That’s why we come here sometimes—to feed the doggie.” This line wasn’t in the original plan, but the girl got this big smile on her face when she heard it. Watanabe had the pouch behind his back, but as soon as he saw that she’d relaxed, he held it out toward her. Phase Four.</p> <p>“Snuggly Bunny!” she screamed. Watanabe got this weird smile on his face and then he bent down so he could look in her eyes.</p> <p>“Your mother didn’t buy it for you that day, did she?” I asked her. “Did you get one later?” I felt like I was reading a line from our script. She shook her head.</p> <p>“No?” said Watanabe. “That’s why your mother asked us to get it for you. It’s a little early, but it’s your Valentine present from her.” Then he put the cord around her neck.</p> <p>“From Momma?” she said, looking even happier than before. I didn’t think she looked much like Moriguchi until she smiled; then she looked exactly like her.</p> <p>“That’s right. There’s chocolate inside. Open it and see.” This was the clincher, and it was supposed to be my line, but Watanabe went ahead and said it himself, which made me a little mad. Still, what did it matter? We were getting to the climax. The girl stroked the fur on the pouch for a second and then put her fingers on the zipper.</p> <p>This was the moment—when she got the shock and fell flat on her ass. Except she didn’t.</p> <p>There was a little popping sound, and she twitched hard and went all floppy, then settled on her back like she was falling in slow motion. After that</p>	<p>Кроме того, что она нервничала и внимательно разглядывала нас, всё шло согласно плану.</p> <p>– Тебе нравятся собаки? – спросил Ватанабэ. – Нам тоже. Поэтому мы иногда приходим сюда, чтобы покормить пса.</p> <p>Этой реплики не было в первоначальном плане, но на лице девчонки появилась широкая улыбка, когда она её услышала. Ватанабэ прятал сумку за спиной, но увидев, что девочка успокоилась, протянул её ей. Фаза четвертая.</p> <p>– Кролик Снагли!</p> <p>На лице Ватанабэ появилась странная улыбка, а затем он наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.</p> <p>– Твоя мама же не купила его тебе тогда? – спросил я. – Тебе его купили потом?</p> <p>Мне показалось, что я читаю строчку из нашего сценария. Она покачала головой.</p> <p>– Нет? – переспросил Ватанабэ. – Вот поэтому твоя мама попросила нас купить его для тебя. Конечно, ещё не праздник, но это твой подарок на День Святого Валентина от неё.</p> <p>Затем он перекинул шнурок ей через плечо.</p> <p>– От мамы? – спросила она, выглядя ещё счастливее, чем раньше. Я не думал, что она сильно похожа на Мorigути, пока она не улыбнулась; тогда она выглядела точь-в-точь как мама.</p> <p>– Да. Внутри шоколадка, открой и увидишь. Это было решающим моментом, и это должна была быть моя реплика, но Ватанабэ пошёл дальше и сказал это сам, что меня немного разозлило. И всё же, какое это имело значение? Мы приближались к кульминации. Девчонка погладила мех на сумочке, а затем положила пальцы на молнию.</p> <p>Девочка должна была испытать шок и упасть плашмя на задницу. Только этого не произошло.</p> <p>Раздался негромкий хлопающий звук, она сильно дернулась и обмякла, затем, будто в замедленной съёмке,</p>	<p>Все шло согласно плану. Девочка внимательно следила за нами, не отводя настороженный взгляд.</p> <p>– Любишь собак? Мы тоже. Приходим иногда, чтобы покормить, – сказал Ватанабэ. Этой реплики не было в нашем плане, но девочка, кажется, успокоилась. Заметив улыбку на ее лице, Ватанабэ достал из-за спины плюшевую сумочку и показал ребенку.</p> <p>– Зайка! – радостно крикнула девочка. Ватанабэ улыбнулся своей странной улыбкой и присел, чтобы быть одного роста с ребенком.</p> <p>– Мама тогда ее не купила, верно? – спросил он. – Может, купила попозже?</p> <p>Девочка отрицательно помотала головой. Все шло по плану.</p> <p>– Поэтому мама попросила нас купить ее для тебя! Это твой подарок на День святого Валентина. Прости, что немного заранее, – добавил Ватанабэ, повесив сумочку ребенку на шею.</p> <p>– Это от мамы? – переспросила девочка. Она выглядела очень счастливой. Дочь не была похожа на Мorigути, но улыбалась в точности как она.</p> <p>– Верно. Там внутри шоколад. Откроешь?</p> <p>Это была моя реплика, но Ватанабэ сказал ее сам. Я даже немного разозлился. Впрочем, все это было неважно, ведь мы подходили к развязке! Девочка нежно погладила сумочку, а затем положила пальчики на застежку молнии.</p> <p><i>Вот! Сейчас она удивится и шлепнется на пятую точку! Нет... подождите...</i> Раздался хлопок, и девочка несколько раз сильно дернулась, затем упала на спину, как в замедленной съемке. Она лежала с закрытыми глазами и не шевелилась.</p>
---	---	--

<p>she just lay there, perfectly still, with her eyes closed.</p> <p><i>What just happened? She couldn't be...dead?</i></p> <p>As this idea popped into my head, I started to shake and grabbed onto Watanabe almost like a reflex.</p> <p>“What’s wrong? She’s not...moving,” I said.</p> <p>Watanabe didn’t answer, but when I looked up at him, he was smiling. As though everything he’d ever wished had just come true. It was the most natural smile in the world. He looked at me.</p> <p>“Go ahead, tell everybody all about it,” he said.</p> <p><i>What? Tell them what?</i> Before I had time to say anything, he brushed me off like a piece of dirt. “See you later,” he said, and then he turned around and walked away.</p> <p><i>Wait! What did you do?</i> I wanted to scream after him as loud as I could, but nothing came out. He stopped, as though he’d just remembered something, and turned around.</p> <p>“Oh, I almost forgot. Don’t worry about them thinking you had anything to do with this. We’ve never been friends. I can’t stand kids like you anyway— worthless but full of yourself. Compared to a genius like me, you’re pretty much a complete failure.”</p> <p><i>A failure? Wait! Don't leave me here like this!</i> I wanted to run after him, to run away, but my legs were frozen. His words echoed over and over in my head. Everything went black.</p> <p>It was getting dark. The sound of the evening chime brought me back to my senses. I felt like I’d been standing there in the dark for hours, but it had been only a few minutes since Watanabe had</p>	<p>упала на спину. Она просто лежала, совершенно неподвижно, с закрытыми глазами.</p> <p><i>Что же произошло? Она же не... умерла?</i></p> <p>Меня затрясло, как только эта мысль возникла в моей голове. Рефлекторно я вцепился в Ватанабэ.</p> <p>– Что пошло не так? Она... не двигается.</p> <p>Ватанабэ не ответил, но взглянув на него, я увидел на его лице улыбку. Он улыбался так, будто все его мечты сбылись. Это была самая естественная улыбка во всём мире. Он взглянул на меня.</p> <p>– Иди, расскажи всем.</p> <p><i>Что? Рассказать им что?</i> Прежде чем я успел что-либо сказать, он стряхнул мою руку, как какую-то грязь. «Увидимся позже.» – с этими словами он развернулся и ушёл.</p> <p><i>Подожди! Что ты сделал?</i> Я хотел изо всех сил закричать ему в след, но не мог. Он остановился, будто что-то вспомнил, и обернулся.</p> <p>– О, чуть не забыл. Не переживай, что кто-то решит, что ты как-то замешан в этом. Мы никогда не были друзьями. Я в любом случае не выношу таких как ты – бесполезные, но такие самодовольные. В сравнении с гениями вроде меня, ты просто неудачник.</p> <p><i>Неудачник? Подожди! Не бросай меня вот так!</i> Я хотел побегать за ним и убежать подальше, но ноги не слушались. Его слова эхом звучали в моей голове. В глазах потемнело.</p> <p>Наступил вечер. Звук вечернего школьного звонка привел меня в чувство. Мне казалось, что я простоял там в темноте несколько часов, но с тех пор, как Ватанабэ ушел, прошло всего несколько минут. Его прощальные слова все ещё звучали у меня в голове.</p>	<p><i>Что это было? Она что... умерла?</i></p> <p>От этой мысли я весь задрожал и вцепился в Ватанабэ.</p> <p>– Что произошло? Она не двигается!</p> <p>Ватанабэ не ответил. Он молчал и... улыбался. Искренней довольной улыбкой. Словно все его мечты разом сбылись.</p> <p>– Расскажи об этом всем, – наконец заговорил он.</p> <p><i>Что?</i></p> <p>Прежде, чем успел ответить, Ватанабэ резко оттолкнул меня. Сказав, что уходит домой, он повернулся ко мне спиной и спокойно ушел.</p> <p><i>Стой! Что ты наделал?!</i></p> <p>Я хотел закричать ему вслед, но не смог. Он повернулся ко мне, словно вспомнил о чем-то.</p> <p>– Чуть не забыл. Не переживай, тебя не заподозрят. Мы никогда не были друзьями. Ненавижу таких, как ты, – самовлюбленных идиотов. По сравнению с гением вроде меня ты – сплошное разочарование.</p> <p><i>Разочарование? Разочарование, разочарование... Постой, Ватанабэ-кун! Не уходи!</i></p> <p>Я хотел догнать его, но ноги не слушались. В голове эхом звучали его слова, снова и снова. В глазах потемнело.</p> <p>Наступали сумерки.</p> <p>Школьный звонок вырвал меня из забытья. Казалось, что я стоял там один уже несколько часов, хотя Ватанабэ ушел каких-то пять минут назад. Его слова все еще звучали в моей голове.</p>
---	--	---

<p>left. His parting words were still racing through my head.</p> <p>He'd meant to kill her all along. I'd been used. But for what?</p> <p><i>Tell everybody all about it.</i> Was that what he'd wanted in the first place? If I went to the police and told them everything that had happened, they'd go and arrest him. Was that what he wanted? Did he want to be a murderer? Maybe that was it. But if he did get arrested, would they really just let me go? What if he lied to the police? What if he told them he didn't know anything about it? Or that I'd planned the whole thing and had dragged him along? That would be it for me.</p> <p>I looked down and my eyes met the Snuggly Bunny eyes. I was the one who had seen the girl begging Moriguchi for the pouch. I reached down and took it from around her neck, and then I threw it away as far as I could.</p> <p>Was that enough? Would they suspect me? If I just ran away and didn't tell anybody, would I get off? No, that wouldn't work. If somebody gets electrocuted, they go looking for someone to blame. It wouldn't take long before they'd get Watanabe, and if he turned on me....</p> <p>But what if I made it look like she fell in the pool? That would work! She just fell in the pool!</p> <p>I had to act quickly. I picked her up, being careful not to look at her face. She was heavier than I thought she'd be. I staggered across the deck, but when I got to the edge of the pool, I nearly fell in myself. The water was dirty and covered with dead leaves. I held out my arms.</p> <p>No, that wouldn't work. I didn't want to make a big splash and a lot of noise.</p> <p>I squatted down, taking care not to lose my balance, but as I did the girl's body twitched just a</p>	<p>Он с самого начала хотел убить её. Меня использовали. Но для чего?</p> <p><i>Расскажи всем.</i> Этого он хотел? Если бы я пошёл в полицию и всё им рассказал, его бы арестовали. <i>Этого</i> он хотел? Он <i>хотел</i> стать убийцей? Может и так. Но если его арестуют, отпустят ли меня? Что, если он соврёт полиции? Что, если скажет, что никак с этим не связан? Или что я всё спланировал и потянул <i>его</i> за собой? Тогда для меня всё кончится.</p> <p>Я опустил глаза и мой взгляд зацепился за глазки Кролика Снагли. Это ведь я видел, как девочка выпрашивала у Мorigути эту сумочку. Я наклонился и снял её с шеи девчонки, а затем отбросил так далеко, как только смог.</p> <p>Этого достаточно? Меня будут подозревать? Отделаюсь я, если просто сбегу и не скажу никому ни слова? Нет, это не сработает. Если кого-то ударит током, будут искать виноватого. Пройдет совсем немного времени, прежде чем они схватят Ватанабэ, и, если он набросится на меня....</p> <p>Но что, если я представлю все так, будто она упала в бассейн? Это сработает! Она просто упала в бассейн!</p> <p>Я должен был действовать быстро. Я поднял её, стараясь не смотреть ей в лицо. Девочка оказалась тяжелее, чем я думал. Пошатываясь, я напрямик пошёл к бассейну и чуть не упал, добравшись до края. Вода была грязной и покрытой опавшими листьями. Я вытянул руки.</p> <p>Нет, это не сработает. Я не хотел поднимать шум от всплеска воды.</p> <p>Я присел на корточки, стараясь не потерять равновесие, но в этот момент тело девочки слегка</p>	<p>Он с самого начала планировал убить ее. А меня просто использовал. Но зачем?</p> <p><i>Расскажи об этом всем.</i></p> <p>Для этого? Если я расскажу полиции, то Ватанабэ арестуют и посадят в тюрьму. Он этого хотел? Хотел стать убийцей? Но что насчет меня? Если Ватанабэ арестуют, что будет со мной? Меня отпустят? А если он соврет им, сказав, что ничего не знал? Что я все спланировал и привел его к бассейну? Мне конец!</p> <p>Я опустил взгляд – тот уперся в игрушечную сумочку. Только я видел, как дочь упрашивала о ней Мorigути. Я снял ее с шеи ребенка и забросил как можно дальше за пределы территории школы.</p> <p>Этого хватит? Меня не заподозрят? Если я просто уйду и никому ничего не скажу, то полиция за мной не придет, верно? Нет, вряд ли. Если кто-то погибает от удара током, то полиция ищет виновного. Вопрос времени, как быстро они выйдут на Ватанабэ. А если он выдаст меня...</p> <p>Точно! Обставлю все так, словно она упала в бассейн. Верно! Просто упала в бассейн... Нужно действовать быстро. Я, стараясь не смотреть девочке в лицо, поднял ее на руки.</p> <p>Она оказалась тяжелее, чем я думал. Я медленно подошел к краю бассейна и чуть сам не упал в него. На поверхности грязной воды плавали листья. Я вытянул руки.</p> <p>Нет, не пойдет. Плеск воды может привлечь внимание.</p> <p>Я присел, стараясь не потерять равновесие. В этот момент тело девочки дернулось, и она приоткрыла глаза.</p>
---	--	---

<p>little. Then she slowly opened her eyes. I cried out and nearly dropped her in the water.</p> <p>She's alive! Alive!</p> <p>I was so relieved I didn't know whether to laugh or cry.</p> <p><i>A failure.</i></p> <p>As I relaxed from the terror I'd been feeling, Watanabe's last words came back to me again. He had been looking down on me all along, using me. He wanted to be a murderer, and he had exploited me to do it. But the girl was still alive. It was Watanabe's plan that was the failure.</p> <p>You're a failure! You're a failure and you don't even know it! You stupid loser.</p> <p>I'm not sure which came first: Moriguchi's little girl regaining consciousness and looking up at me...or my letting go and dropping her in the water. But once I'd done it, I left without looking back. My legs weren't shaking anymore.</p> <p>I'd succeeded where Watanabe had failed.</p> <p>The kid wakes up with a smile on his face—one day after the incident.</p> <p>My mother was frying eggs and bacon when I went down to the kitchen the next morning. She turned around when she heard me.</p> <p>"Naoki, something terrible has happened," she said. The newspaper lay on the table. About halfway down the page, a little headline read: "Four-Year-Old Drowns After Sneaking into Pool Area to Feed Dog."</p> <p>Accidental drowning. It was already in the paper. The article said the whole thing had been ruled an accident. So, I'd done it!</p> <p>"I feel so sorry for Moriguchi-sensei," my mother said. "But I never understood bringing a child to school like that. I wonder what'll happen to your class, especially since you've got final exams in just a few more weeks.... But I almost forgot," she</p>	<p>дёрнулось. Затем она медленно открыла глаза. Я вскрикнул и чуть не уронил её в воду.</p> <p>Она жива! Жива!</p> <p>Я испытал такое облегчение, что не знал, смеяться мне или плакать.</p> <p><i>Неудачник.</i></p> <p>Только я оправился от испытанного ужаса, как в голове снова прозвучали последние слова Ватанабэ. Всё это время он смотрел на меня свысока, использовал меня. Он хотел стать убийцей, и он использовал меня для этого. Но девочка всё ещё была жива. Это план Ватанабэ оказался <i>неудачным</i>.</p> <p>Ты неудачник! Ты неудачник, и даже не знаешь об этом! Ты тупой лузер.</p> <p>Я не уверен, что произошло раньше: маленькая дочка Моригути пришла в сознание и посмотрела на меня... или я отпустил её и уронил в воду. Но как только я это сделал, я ушёл, не оглядываясь. Мои ноги больше не дрожали.</p> <p>Я преуспел там, где Ватанабэ потерпел неудачу.</p> <p>Ребёнок просыпается с улыбкой на лице – спустя день после инцидента.</p> <p>Следующим утром, когда я спустился на кухню, мама жарила яичницу с беконом. Она повернулась, услышав меня.</p> <p>– Наоки, случилось нечто ужасное.</p> <p>На столе лежала газета и по середине страницы был небольшой заголовок: «Девочка четырёх лет пробралась к бассейну покормить собаку и утонула.»</p> <p>Несчастный случай. Эта новость уже была в газетах. В статье было сказано, что это всё был просто несчастный случай. Я справился!</p> <p>– Мне жаль вашу учительницу, но я никогда не пойму людей, которые приводят своих детей в школу. Интересно, что будет с вашим классом, особенно учитывая, что у вас выпускные экзамены всего через пару недель.... Чуть не забыла!</p>	<p>Всклипнув от неожиданности, я чуть не выпустил ребенка из рук.</p> <p>Жива! Она жива! Жива!</p> <p>Я был готов расплакаться от облегчения.</p> <p><i>Разочарование.</i></p> <p>Стоило мне перевести дух, как слова Ватанабэ снова зазвучали у меня в голове. Он всегда смотрел на меня свысока! Хотел стать убийцей, а меня просто использовал. Но девочка выжила. Этот план Ватанабэ – сплошное разочарование!</p> <p><i>Разочарование! Ты – жалкое разочарование! Идиот, даже не знаешь об этом!</i></p> <p>Не помню, что произошло раньше – дочь Моригути пришла в сознание и посмотрела на меня, или я выпустил ее тело из рук и уронил в воду. Я быстро ушел, не оборачиваясь. Мои ноги больше не дрожали.</p> <p>Я преуспел там, где Ватанабэ провалился.</p> <p>Школьник просыпается с улыбкой – спустя один день после инцидента.</p> <p>Следующим утром я застал маму на кухне за приготовлением завтрака – моей любимой яичницы с беконом. Заметив меня, она воскликнула: «Наоки-кун, случилось страшное!» и развернула на столе передо мной утреннюю газету. В разделе местных новостей был заголовок: «Четырехлетняя девочка, проникшая на территорию школы, чтобы покормить собаку, случайно утонула в школьном бассейне».</p> <p>Случайно утонула... В статье было написано, что произошедшее признали несчастным случаем. Мне удалось!</p> <p>– Очень жаль Моригути-сэнсэй, – сказала мама. – но не стоило приводить ребенка в школу. Что же теперь будет с вашим классом? Осталось так мало времени до конца года и контрольных... Ой, Нао-кун, точно! – Она вдруг замолчала и достала из-под стола коробку в красной подарочной бумаге,</p>
---	---	--

said. Then she went over to the dish cupboard and took out a box wrapped in red paper and tied with a gold ribbon. She came over and set it down on the newspaper, covering up the article. “Here you are—chocolate for Valentine’s Day.”

She smiled and I gave her a big smile back.

Since my sister isn’t here anymore, it occurred to me that this was the only chocolate I’d be getting. But then when I got to school I ran into Mizuki and she gave me a little box of chocolate, too—though I guess she had to, since my sister had been nice to her. Not that I was going to turn it down.

“Did you see the newspaper?” she asked me all of a sudden, and I nearly dropped the box. I managed to say something about how terrible it was. When I got to class, that was all anybody was talking about.

Apparently, the kids who had stayed late after school were all put to work searching for Moriguchi’s little girl. It was Hoshino from our class who had found her, but some other kids had seen the body, too. Everybody was pretty worked up. A few girls were crying, but mostly they seemed kind of excited. At first, they were just trying to figure out what had happened, adding little bits of information, but then it turned into a competition, with everybody bragging about what they’d seen or done.

I was watching all this from the doorway when somebody grabbed my arms from behind and dragged me out in the hall. Watanabe.

“What did you do?” he said, sticking his face right in mine. But somehow, I wasn’t scared of him. In fact, I suddenly wanted to laugh. I didn’t, but I brushed his hand away.

“Don’t talk to me,” I told him. “We’re not friends, remember? And about yesterday? I’m not going to tell anybody. If you want to, go ahead.”

Она подошла к кухонному шкафу и достала коробку, завернутую в красную бумагу и перевязанную золотой лентой. Она подошла ко мне и положила коробку на газету, прикрыв статью.

– Вот, твой шоколад на День святого Валентина.

Мы улынулись друг другу.

Раз моя сестра уехала, мне пришло в голову, что это единственный шоколад, который я получу сегодня. Но в школе, я столкнулся с Мидзуки, и она тоже подарила мне маленькую коробочку шоколада – хотя, думаю, ей пришлось это сделать, поскольку моя сестра была добра к ней. Но я и не собирался отказываться.

– Ты читал газету?

От внезапности вопроса, я чуть не уронил коробку. Я кое-как сказал, что это ужасно. В классе же все только об этом и говорили.

Оказывается, все ученики, задержавшиеся в школе допоздна, отправились на поиски маленькой дочки Мorigути. Её нашел Хошино из нашего класса, но её тело видели и другие ребята. Все нервничали. Несколько девочек плакали, но в основном они казались просто взволнованными. Сначала они просто пытались выяснить, что произошло, собирая полную картину из маленьких кусочков имеющейся информации, но потом разговор превратился в соревнование, где все хвастаются тем, что они видели или делали.

Я наблюдал за всем этим из дверного проёма, когда кто-то схватил меня сзади за руки и выволок в коридор. Ватанабэ.

– Что ты натворил? – спросил он, приблизившись к моему лицу. Почему-то я его даже не испугался. На самом деле, мне вдруг захотелось рассмеяться. Вместо этого я оттолкнул его руку.

– Я не хочу с тобой говорить. Мы же не друзья, забыл? А насчёт вчерашнего? Я не собираюсь никому рассказывать. Если тебе надо, сделай это сам.

обернутую золотой лентой. Затем положила ее передо мной, закрыв газетную статью.

– Вот, твой шоколад на Валентинов день!

Она улынулась. Я одарил ее широкой улыбкой в ответ.

Моя старшая сестра съехала от нас в этом году, а значит, это единственный шоколад, который я сегодня получу.

Уже в школе я столкнулся с Мидзуки-тян; она тоже вручила мне шоколад. Думаю, ей просто пришлось, ведь моя сестра сидела с ней в детстве. Но я его принял.

– Нао-кун, уже видел газету? – вдруг спросила одноклассница, и я чуть не выронил коробочку с шоколадом. Я с грустным видом сказал что-то подходящее, но, когда я зашел в класс, все говорили только о несчастном случае.

Оказалось, что на поиски дочери Мorigути отправили ребят, которые остались после уроков на внеклассные занятия. Тело обнаружил мальчик из нашего класса, Хошино-кун, и несколько ребят его видели. Все были очень взволнованы, некоторые девочки плакали. Сперва все старались восстановить общую картину произошедшего, но в конце концов все стало походить на соревнование – кто больше знал или активнее участвовал в поисках.

Я наблюдал за одноклассниками, стоя в дверях. Вдруг кто-то резко схватил меня за руку и выволок в коридор. Это был Ватанабэ-кун.

– Что ты наделал? – Он приблизил свое лицо вплотную к моему. Но я ничуть не испугался. Мне вдруг стало очень смешно. Я сдержался, затем резко отпихнул его руку в сторону.

– Не говори со мной. Мы не друзья, помнишь? Я никому не скажу о том, что случилось вчера. Если тебе так хочется, то сделай это сам! – сказал я и, развернувшись,

<p>I turned around and went back in the class. I sat down, but I didn't join in all the boasting and bragging. I just opened a book, an old mystery novel that Uncle Kōji had given me. I was different now, not the same me I'd been before.</p> <p>I had succeeded where Watanabe had failed. But unlike him, I wasn't going to tell everybody about it. Moriguchi's little girl died in an accident; and even if they found out it was murder, Watanabe was the one who did it. Anyway, I'd seen how much he'd wanted to do it. If the police showed up at school, he'd probably confess right away.</p> <p>What an idiot. He had blown the whole thing and he didn't even know it.</p> <p>Moriguchi took a week off and then showed up at school again. She didn't say anything about what had happened—just apologized in homeroom for having been gone so long. Like she'd had a cold or something.</p> <p>If I died, my mom would probably turn into an invalid. Or go crazy. She might even kill herself. Moriguchi acted so normal she didn't even seem sad. But that only served to make us realize how depressed she really was. I was pretty sure Watanabe could tell that she was totally messed up, and that he'd be laughing to himself every time he saw her—and that made me laugh that much harder. At least that was how it was supposed to go.</p> <p>Classes were pretty nice for a while. The teachers pretended to go on treating us as they always had, calling on everybody equally, but it was just a show. I'm not sure whether they didn't want to embarrass anybody or whether they just wanted to avoid any trouble in class, but for once they made sure to give the hardest problems to the smart kids.</p>	<p>Я развернулся и ушёл в класс. Я сел за парту, но решил не присоединяться к разговору одноклассников, а вместо этого открыл старый детективный роман, который подарил мне дядя Кодзи. Теперь я больше не тот, кем был всё это время.</p> <p>Я преуспел там, где Ватанабэ потерпел неудачу. Но, в отличие от него, я не собирался всем рассказывать об этом. Дочка Мorigути погибла в результате несчастного случая и даже если кто-то узнает, что это было убийство, сделал-то всё Ватанабэ. В любом случае, я видел, как сильно он хотел это сделать. Если бы в школе появилась полиция, он, вероятно, сразу же признался бы.</p> <p>Какой идиот. Он всё испортил и даже не подозревал об этом.</p> <p>Мorigути взяла больничный на неделю и только потом вернулась в школу. Она ничего не сказала о случившемся, только извинилась за долгое отсутствие. Всё выглядело так, будто у неё просто была простуда.</p> <p>Если бы я умер, моя мама, скорее всего, тяжело бы заболела. Или бы сошла с ума. Возможно, она даже убила бы себя. Мorigути же вела себя настолько нормально, что даже не казалась хотя бы слегка расстроенной. Но это заставило нас всех понять, насколько сильна была её боль от утраты.</p> <p>Я был почти уверен, что Ватанабэ сказал бы, что она совсем запуталась, и что при виде учительницы он каждый раз будет мысленно смеяться – и это радовало <i>меня</i> ещё сильнее. По крайней мере, так всё и должно было пройти.</p> <p>Какое-то время занятия были довольно приятными. Учителя делали вид, что продолжают общаться с нами так же, как и всегда, обращаясь ко всем одинаково, но они просто притворялись. Не знаю, то ли они не хотели никого смущать, то ли просто хотели избежать каких-либо неприятностей в классе, но в кои-то веки они позаботились о том, чтобы самые сложные задачи доставались умным детям.</p>	<p>уверенно вошел в класс. Я сел на свое место, не участвуя в соревновании одноклассников, и открыл книгу. Это был детектив, который когда-то мне посоветовал дядя Кодзи. Теперь я изменился, стал не таким, как раньше.</p> <p>Я преуспел там, где Ватанабэ провалился. Но я не собирался рассказывать об этом. Дочь Мorigути погибла из-за несчастного случая. Даже если будут искать преступника, то во всем виновен Ватанабэ. Похоже, он действительно страстно желал стать убийцей. Если полиция заявится в школу, то он сразу во всем сознается!</p> <p>Идиот. Полное разочарование.</p> <p>Я начал привыкать к новому себе.</p> <p>Мorigути не появлялась неделю, прежде чем вернуться в школу. Она ни слова не сказала о произошедшем, только сухо извинилась перед классом за свое долгое отсутствие. Как будто она отсутствовала по болезни.</p> <p>Если б я умер, то мама наверняка слегла бы. Или сошла с ума. Может, убила бы себя.</p> <p>Мorigути вела себя как обычно, даже слишком нормально. Видимо, была слишком подавлена.</p> <p>Уверен, что Ватанабэ тоже это заметил и изо всех сил старался не рассмеяться каждый раз, когда смотрел на нее. И от этого уже я не мог сдержать улыбку.</p> <p>Занятия проходили спокойно. Учителя все так же притворялись, что ко всем относятся одинаково, хоть это и было не так. Уж не знаю, действительно ли они хотели избежать неловкости или просто не желали проблем, но самые сложные вопросы и задания теперь доставались только сообразительным ученикам.</p>
---	---	---

<p>Watanabe never had to struggle no matter how tough the question was, and when the teacher praised him, he pretended he didn't care. But now I could laugh at him when he acted all big like that.</p> <p>You could see it on his face—you think that stupid problem is going to stump me; I've done something much harder than that. The stupid kid, he didn't even know he hadn't done it—but that I had.</p> <p>The problems they gave to Watanabe even started to seem easier to me. We had a quiz on Chinese characters last week and I got all the hard readings. The teacher was impressed.</p> <p>And why shouldn't he be? It might not happen for these next final exams, but before long I'd probably be getting better grades than Watanabe. When I realized that, the kids in class started to look totally dumb.</p> <p>It was really hard not to laugh in their faces.</p> <p>The kid tells his story in a trembling voice—one month after the incident.</p> <p>Moriguchi was coming to our house. I was already home when I got a call from her on my cell phone a little after noon on the last day of finals. She said she wanted to meet me at the pool to talk about something.</p> <p><i>She knows</i>, I thought. That must be why she wants to meet at the pool. My hand started to shake as I held the phone, and my heart was pounding. <i>Stay calm. Stay calm....</i></p> <p>Watanabe's the murderer. I was afraid I wouldn't be able to keep cool at the pool, so I asked her to come to our house. I decided to risk a question before hanging up.</p> <p>"What about Watanabe?" I asked.</p>	<p>Ватанабэ никогда не приходилось напрягаться, каким бы сложным ни был вопрос, и когда учитель хвалил его, он делал вид, что ему всё равно. Но теперь я мог посмеяться над ним, когда он так важничал.</p> <p>Вы могли видеть это на его лице – <i>вы думаете, что эта глупая проблема поставит меня в тупик, но я сделал кое-что гораздо сложнее этого</i>. Глупый ребёнок, он даже не знал, что не сделал этого – это сделал я.</p> <p>Задачи, которые учителя давали Ватанабэ, даже мне начали казаться проще. На прошлой неделе у нас был тест по китайским иероглифам, и все трудные иероглифы достались мне. Учитель не ожидал такого блестящего ответа от меня.</p> <p>А почему бы и нет? Возможно, такого не произойдет на следующих выпускных экзаменах, но вскоре, вероятно, мои оценки будут лучше, чем у Ватанабэ. Когда я понял это, мои одноклассники стали казаться мне совершенно тупыми.</p> <p>Очень хотелось рассмеяться им прямо в лицо</p> <p>Дрожащим голосом ребёнок рассказывает свою историю – спустя месяц после инцидента</p> <p>К нам домой приходила Мorigути. Я уже был дома, когда она позвонила мне чуть после полудня в последний день итоговых экзаменов. Она сказала, что хочет встретиться со мной у бассейна, чтобы кое о чём поговорить.</p> <p>Я подумал, что она всё знает. Возможно, поэтому она хочет встретиться именно у бассейна. Моя рука начала дрожать, когда я держал телефон, а сердце бешено колотилось. Сохраняй спокойствие. Сохраняй спокойствие....</p> <p>Ватанабэ убийца. Я боялся, что у бассейна не смогу оставаться хладнокровным, так что попросил её прийти к нам домой. Прежде чем закончить разговор, я решил задать рискованный вопрос.</p> <p>– Что на счёт Ватанабэ?</p>	<p>Ватанабэ с легкостью отвечал на любой вопрос. Когда учителя хвалили его, он делал вид, что ему все равно. Мне было смешно видеть, как он продолжает строить из себя умника. Его выражение лица словно говорило: «Вы думаете, меня можно напугать такими вопросами? Я делал что пострашнее!» Он не знал, что провалился! Все сделал я!</p> <p>Вопросы, которые задавали Ватанабэ, стали казаться мне куда проще. На прошлой неделе я даже вспомнил все редкие прочтения в тесте по иероглифике, и учитель меня похвалил! Почему бы и нет? Возможно, я смогу получить высший балл на контрольной, обогнав Ватанабэ... Стоило мне это представить, как все одноклассники показались мне полными идиотами.</p> <p>Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться в полный голос.</p> <p>Школьник говорит дрожащим голосом – месяц после инцидента.</p> <p>Morigути пришла к нам. Я уже собирался домой в последний день четвертных контрольных, когда она позвонила мне по телефону и попросила прийти к школьному бассейну. Она хотела о чем-то поговорить.</p> <p>Попался. Она хочет поговорить о случившемся. Моё сердце бешено билось, пока я убирал телефон. Спокойно. Спокойно... Убийца – Ватанабэ. Я не отважился идти к бассейну и вместо этого попросил ее прийти к нам домой.</p> <p>– А Ватанабэ?.. – отважился спросить я, прежде чем повесить трубку.</p>
--	---	--

<p>“I’ve just been speaking with him,” she said, her voice all low and calm. I could feel myself relaxing. Everything was going to be okay. Watanabe was the murderer, and he had pulled me in against my will.</p> <p>Moriguchi’s sudden visit surprised my mother. I said I wanted her to stay with us while we talked. I was sure she’d want to know the whole story anyway, so it was better to have her there. I knew she’d believe me and try to help.</p> <p>Moriguchi started with a really general question. “What sort of experience have you had at middle school?” she asked. This obviously had nothing to do with the accident, but I had decided I would tell the truth, no matter what she asked. So, I told her about Tennis Club, and cram school, about my run-in with the high school kids at the game center, and how it felt when she didn’t come to bail me out. I told her about being a victim but getting punished anyway—about every miserable thing that had happened.</p> <p>She listened to all this, beginning to end, without saying a word. Then, just as I was taking a break to have a sip of tea, she asked her next question in this quiet, strangled voice that still seemed to echo through the living room.</p> <p>“Naoki,” she said. “What did you do to Manami?”</p> <p>I put my cup down really slowly, but my mother practically screamed. She didn’t know anything about it or whether I was involved, but she was already upset, and pretty mad. I knew I had to convince them that Watanabe had used me, that I was a victim, too.</p> <p>So I told Moriguchi what had happened. From the time Watanabe had stopped me on the way home from school to the moment I was standing by the pool holding her daughter in my arms. I told her</p>	<p>– Я только что говорила с ним, – ответила Мorigути тихим и ровным голосом. Эти слова успокоили меня. Всё будет нормально. Убийцей был Ватанабэ, и он втянул меня в это против моей воли.</p> <p>Мама удивилась внезапному визиту Мorigути. Я сказал, что хочу, чтобы мама осталась с нами во время нашего разговора. Я был уверен, что она всё равно захочет узнать всю историю, так что было лучше, чтобы она была там. Я знал, что она поверит мне и попытается помочь.</p> <p>Мorigути начала с общего вопроса.</p> <p>– Как Вам в средней школе?</p> <p>Очевидно, это не имело никакого отношения к несчастному случаю, но я решил, что скажу правду, о чём бы она ни спросила. Итак, я рассказал ей о теннисном клубе и вечерней школе, о моей стычке со старшеклассниками в игровом центре и о том, что я почувствовал, когда она не пришла выручить меня. Я рассказал ей о том, что был жертвой, но всё равно был наказан – в общем, обо всех несчастьях, которые произошли.</p> <p>Она выслушала всё от начала до конца, не произнеся ни слова. Затем, как раз когда я остановился, чтобы попить чай, она задала свой следующий вопрос тихим, сдавленным голосом, который, казалось, всё ещё эхом разносился по гостиной.</p> <p>– Наоки, что ты сделал с Манами?</p> <p>Я очень медленно поставил чашку на стол, но моя мама практически закричала. Она ничего не знала об этом и о том, причастен ли я, но она уже была расстроена и зла. Я знал, что должен убедить их в том, что Ватанабэ использовал меня, что я тоже был жертвой.</p> <p>Итак, я рассказал Мorigути, что произошло. С того момента, как Ватанабэ остановил меня по пути домой, до того момента, когда я стоял у бассейна с её дочерью на руках. Я рассказал ей всё: правду, вплоть до мельчайших деталей. Ватанабэ ввёл меня в заблуждение, а затем</p>	<p>– Я только что говорила с ним, – спокойно ответила учитель.</p> <p>Я смог успокоиться. Все будет хорошо. Убийца – Ватанабэ, он заставил меня против моей воли.</p> <p>Неожиданный визит классного руководителя застал маму врасплох. Я попросил ее остаться на время нашего разговора с Мorigути. Пришло время рассказать ей обо всем, что произошло. Я не сомневался, что она поверит мне и захочет помочь.</p> <p>– Ситамура-кун, тебе нравится учеба в средней школе? – вдруг спросила учитель. Она задавала вопросы, не касавшиеся произошедшего, но я сразу решил во что бы то ни стало отвечать честно. Я рассказал о теннисном клубе, о дополнительных занятиях, о стычке со старшеклассниками и наказании, которое я понес, хоть и был жертвой, – о том, как жалко себя чувствовал.</p> <p>Мorigути слушала внимательно, не перебивая. Как только я, закончив, поднял чашку, чтобы сделать глоток чая, она холодно спросила тихим голосом:</p> <p>– Ситамура-кун, что ты сделал с Манами?</p> <p>Я тихо поставил чашку на стол. В этот момент мама практически закричала. Она не понимала, как я мог быть замешан в этом, но уже сильно разозлилась. Мне нужно было убедить их обоих в том, что я тоже жертва – Ватанабэ меня использовал.</p> <p>Я обо всем рассказал Мorigути. Начиная с того дня, как он впервые заговорил со мной по пути из школы, и заканчивая моментом, когда я держал девочку на руках у бассейна. Я честно во всем признался. В том, что Ватанабэ использовал и обманул меня. В том, что был готов</p>
--	--	--

everything: the truth, down to the last detail. Watanabe had led me on and then double-crossed me. I never intended for anybody to get hurt. I told the truth, except for the very end. Just one little lie to wrap it up.

I was pretty sure my version would agree with what she'd heard from Watanabe. She hadn't interrupted me once the whole time I was talking, and even when I was done, she didn't say anything. She just stared down at the table and clutched her knees. But I could tell how mad she was. Poor, dumb lady. My mother didn't say anything, either.

We sat there for five minutes, and then Moriguchi finally turned to look at Mother.

"To be frank, as a mother, I feel as though I want to kill both your son and Watanabe. But I am also a teacher, and that leaves me with a dilemma. My duty as an adult and as a citizen is to report what the boys have done to the police, but my duty as a teacher is to protect my students. Since the police have ruled Manami's death an accident, however, I have decided to leave it at that. I will not be causing you trouble."

What? She wasn't going to the cops? My mother took a few seconds to take this in, but at last she bowed her head really low. "I don't know how to thank you," she said. I bowed, too. So, it was all going to work out.

We saw her to the door. The whole time she was there, she never once looked at me—I suppose because she was so mad—but I didn't really care.

Sitting at his desk, the kid looks really pale—one week after the teacher's visit.

The last day of the school year. After milk time, Moriguchi told us she was retiring. I have to admit, I was happy to hear it. I'd managed to get her to believe that Watanabe had killed her daughter, but

обманул. Я никогда не хотел, чтобы кто-то пострадал. Я сказал правду, за исключением самого конца. Просто одна маленькая ложь, чтобы поставить точку.

Я был почти уверен, что моя версия согласуется с тем, что она услышала от Ватанабэ. Она ни разу не перебила меня за всё время, пока я говорил, и даже когда я закончил, она ничего не сказала. Она просто уставилась в стол и обхватила колени. Но я мог видеть, насколько она была зла. Бедная, глупая женщина. Моя мать тоже ничего не сказала.

Мы просидели так минут пять, а потом Мorigучи, наконец, повернулась и посмотрела на мою маму.

– Честно говоря, как мать я хотела бы убить и Вашего сына и Ватанабэ. Но тот факт, что я ещё и учитель, ставит меня перед сложным выбором. Как сознательный гражданин я обязана написать заявление на этих детей в полицию, но как учитель я должна защищать своих учеников. Раз полиция назвала смерть Манами несчастным случаем, я оставлю всё как есть, можете быть спокойны.

Что? Она не собирается в полицию? Пару секунд мама молча обдумывала её слова, а затем очень низко поклонилась.

– Я даже не знаю, как Вас отблагодарить.

Я тоже поклонился. Видимо, всё сложится удачно.

Мы проводили учительницу Мorigучи до двери. За всё то время, что эта женщина была у нас, она ни разу не взглянула на меня, скорее всего она слишком сильно злилась, хотя мне-то что с этого.

Бледный ребёнок сидит за партой – спустя неделю после визита учительницы.

Последний день учебного года. Когда мы допили своё молоко, Мorigучи рассказала о своём увольнении. Должен признать, я рад это слышать. Я смог убедить её, что Манами убил Ватанабэ, но всё равно было волнительно

расплакаться от досады. Я соврал только в самом конце, не сказав, что девочка приоткрыла глаза.

Уверен, мой рассказ совпал с тем, что Мorigучи услышала от Ватанабэ. Учитель ни разу не перебила меня. Она молчала, когда я закончил. Молча сидела, уставившись на скрещенные на коленях руки. Она была в ярости. Бедняга. Мама тоже молчала.

Мы просидели в тишине около пяти минут, когда Мorigучи наконец обратилась к маме:

– Как потерявшая ребенка мать, я хотела бы убить вашего сына и Ватанабэ. Но я все-таки учитель. Мой долг, как взрослого, – доложить обо всем, что они сделали, в полицию; но, как учитель, я вынуждена защищать их. Полиция уже прекратила расследование, заключив, что это был несчастный случай, и я не собираюсь его возобновлять.

Ничего себе! Она не пойдет в полицию! Мама какое-то время подбирала слова, а потом низко поклонилась и поблагодарила Мorigучи. Я тоже склонил голову. Теперь все будет хорошо.

Мы с мамой проводили учителя до двери. Мorigучи ни разу не взглянула на меня. Должно быть, не могла справиться со своей злостью.

А мне было все равно.

Побледневший школьник сидит за партой – неделя после визита учителя.

Завтра начнутся весенние каникулы. После того, как мы допили молоко, Мorigучи сказала нам, что уходит из школы. Честно говоря, я обрадовался. Хотя мне и удалось убедить ее в том, что это Ватанабэ убил ее дочь, мне было

<p>I'd been nervous coming to school like this, wondering whether it would all come out and I'd be accused of being his accomplice.</p> <p>“Are you quitting because of what happened?” Mizuki asked her.</p> <p>I shot her a look, wondering why she had to bring it up, but Moriguchi didn't seem to mind. She started in on this long story, as though she'd been meaning all along to tell us what was on her mind.</p> <p>She told us why she became a teacher in the first place. Then she talked about Sakuranomi-sensei and all the stuff he'd done. I didn't really care, I just wanted her to get finished and shut up.</p> <p>Then she started talking about mutual trust between student and teacher and about getting texts—sometimes fake ones—from students asking her to come meet them or help them or something. She said the school had started a policy that when a call comes about a boy in a class where the teacher is a woman, they send the male teacher from another class, and vice versa. So that's why she didn't come when I got in trouble at the game center! It's a little late to be finding that out now.</p> <p>She talked about being a single mother, then something about AIDS, and then about her daughter falling in the pool—and the whole time I felt like someone was tightening a noose around my neck.</p> <p>“Mr. Shitamura happened to appear from somewhere...” Suddenly, she mentioned my name and I nearly choked, like the milk I'd just drunk was coming back up. She went on talking, and I was just managing to calm down when it came.</p> <p>“Because Manami's death wasn't an accident. She was murdered by some of the students in this very class.”</p>	<p>вот так ходить на занятия. В любой момент всё могло всплыть наружу и меня бы обвинили в пособничестве.</p> <p>– Вы уходите из-за случившегося? – спросила Мидзуки.</p> <p>Я метнул на неё взгляд, не понимая, зачем ей понадобилось поднимать эту тему, но Мориугути, судя по всему, была готова к такому вопросу. Будто всё это время учительница и собиралась рассказать нам, что у неё на уме, она начала эту длинную историю.</p> <p>Сперва она рассказала, как стала учительницей, потом про учителя Сакураноми и его делах. Мне было плевать, я только ждал, когда она закончит и заткнётся.</p> <p>Затем она начала говорить о взаимном доверии между учеником и учителем и упомянула иногда надуманные сообщения от учеников с просьбой встретиться, помочь им или что-то в этом роде. Она сказала, что в школе ввели правило, согласно которому, когда просьба о помощи исходит от мальчика, к нему отправляют учителя мужчину, а если просьба пришла от девочки, то приезжает женщина. Так вот почему она не пришла, когда я подрался в игровом центре! Уже поздно что-либо выяснять.</p> <p>Она говорила о жизни матери-одиночки, потом что-то про СПИД, а затем об упавшей в бассейн дочке. Всё это время мне казалось, что на моей шее затягивают петлю.</p> <p>– Из ниоткуда появился господин Ситамура...</p> <p>Я закашлялся, когда она так внезапно упомянула моё имя, будто молоко, которое я только что допил, собиралось вылиться наружу. Мориугути продолжала говорить, а моё волнение ушло только, когда она дошла до кульминации.</p> <p>– Потому что смерть Манами не была несчастным случаем. Её убили ученики из этого класса.</p>	<p>некомфортно продолжать ходить на ее занятия, опасаясь, что она обвинит меня в том, что я был его сообщником.</p> <p>– Это все из-за того, что случилось? – спросила Мидзуки-тян, имея в виду несчастный случай. Мориугути не удивилась – наоборот, она принялась долго рассказывать о причинах, будто изначально так и планировала.</p> <p>Рассказала о том, почему решила стать учителем, о добрых делах Сакураноми-сэнсэя. Мне было все равно, лишь бы побыстрее закончила.</p> <p>Затем рассказала об ужасных проделках, подрывающих доверие между учителем и учеником, – о сообщениях, обычно ложных, с просьбами о помощи или личной встрече. Школе даже пришлось разработать порядок действий на такой случай – к ученикам из класса А обычно отправляли учителя из класса Б, и наоборот. Жаль, я не узнал об этом раньше, когда этот дурак Токура пришел за мной в участок!</p> <p>Она рассказала нам о жизни матери-одиночки, что-то о СПИДе, а потом о гибели своей дочери в школьном бассейне. Я, казалось, начал ощущать, как невидимая петля все туже затягивается вокруг моей шеи.</p> <p>– Совершенно случайно в магазине оказался Ситамура-кун с матерью...</p> <p>Услышав свое имя, я чуть не подавился – казалось, выпитое молоко вот-вот вернется наружу!</p> <p>– Смерть Манами не была случайностью. Ее убили ученики из этого класса.</p>
--	---	---

<p>It was like somebody had pushed me into that cold, dirty pool. I couldn't breathe. I couldn't see. My arms and legs were flailing around, but there was nothing to hang on to.</p> <p>Everything seemed to be going black, but somehow, I knew it wasn't the time to be passing out. How much was she planning to say? I took a deep breath, trying to calm myself down.</p> <p>That's when I was finally able to focus on what was going on in the room—and I realized that everybody was staring at Moriguchi. A minute ago they had all looked bored and were barely listening, but now they were all ears.</p> <p>But instead of getting to the point, she launched into all this stuff about the Juvenile Law and that thing they call the Lunacy Incident. I had no idea what she was trying to say. She paused for a moment, and I was praying she might be finished, but then she went on, talking about her daughter's funeral. The next part was pretty surprising: She said that the girl's father was Sakuranomi-sensei, but that she'd decided not to marry him because he had AIDS.</p> <p>I remember thinking that it was weird that Sakuranomi was going to die soon—because of AIDS—and being surprised that I could think about anything other than what was going to happen to me. I guess that was when I started rubbing my hands on my desk trying to make the feeling go away—the feeling that they were still holding the girl. If she had AIDS, then maybe I'd caught it, too.</p> <p>We could hear chairs scraping on the floor in the next room. They must be done. Moriguchi seemed to have heard them, and I was hoping she'd let us go. And she did. She said anybody who wanted to could leave. My prayers were answered! But no one moved. If anyone—anyone at all—had gotten</p>	<p>Меня будто сбросили в ледяной грязный бассейн. Я не мог дышать. Я ничего не видел. Мои руки и ноги лихорадочно бились, но я не мог ни за что зацепиться.</p> <p>Казалось, всё вокруг потемнело, но каким-то образом я знал, что сейчас мне ещё рано терять сознание. Что ещё она собиралась рассказать? Я глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться.</p> <p>Именно тогда я, наконец, смог сосредоточиться на том, что происходило в комнате, и я понял, что все уставились на Мориугути. Ещё минуту назад им было скучно, и они ничего не слушали, а теперь вдруг притихли.</p> <p>Но вместо того, чтобы перейти к сути дела, она начала рассуждать о законе о несовершеннолетних и о том, что они называют «Инцидентом Лунарии». Я понятия не имел, к чему она вела. Она на мгновение замолчала, и я молился, чтобы она закончила, но она продолжила и рассказала о похоронах своей дочери. Следующая часть была довольно неожиданной: она сказала, что отцом её дочки был учитель Сакураноми, но Мориугути решила не выходить за него замуж, потому что у него был СПИД.</p> <p>Помню, я решил, что это странно, что Сакураноми скоро умрет из-за СПИДа и меня удивило, что я ещё мог думать о том, что не касалось меня. Наверно, именно тогда я начал тереть руки о стол, пытаюсь избавиться от ощущения, что всё ещё держу ту девочку. Если у неё был СПИД, то, возможно, я тоже заразился.</p> <p>Из соседней комнаты послышался скрежет стульев по полу – видимо, урок закончился. Мориугути, явно тоже услышала этот шум, так что я надеялся, что она нас отпустит. Так и случилось – она сказала, что любой, кто хочет, может уйти. Мои молитвы были услышаны! Но никто не двинулся с места. Если бы хоть кто-нибудь встал,</p>	<p>Меня словно толкнули на дно того холодного бассейна. Я не мог дышать. Ничего не видел. Ноги и руки не слушались, да и ухватиться было не за что...</p> <p>В глазах потемнело, но я не мог позволить себе отключиться. Что еще она скажет? Я глубоко вдохнул, стараясь успокоиться.</p> <p>Все вокруг, не отрываясь, смотрели на Мориугути. Минуту назад они скучали, но теперь все обратились в слух.</p> <p>А Мориугути вдруг начала рассказывать о ювенальном праве и «преступлении Лунагички». Не понимая, к чему она ведет, я старался выровнять дыхание, ожидая, что после очередной паузы учительница наконец замолчит. Но она заговорила о похоронах своей дочери. Мы очень удивились узнав, что отцом ее ребенка был Сакураноми-сэнсэй. Он был болен СПИ-Дом, поэтому они приняли решение не заключать официальный брак.</p> <p>Выходит, Сакураноми скоро умрет из-за СПИДа? Было странно думать о чьей-либо еще смерти. Я принялся потирать лежавшие на парте руки, словно пытаюсь прогнать это ощущение, – казалось, я все еще держу тело девочки на руках. Если у нее был СПИД, значит ли это, что я мог его подхватить?</p> <p>Из соседнего класса раздался шум, стулья заскрипели о пол. Должно быть, занятия закончились. Мориугути тоже заметила это и предложила всем желающим уйти.</p> <p>Мои молитвы услышаны, все кончено! Если хоть кто-нибудь встанет с места, то я тоже смогу улизнуть... Но никто не двигался.</p>
--	---	---

<p>up, I could have sneaked out, but you could tell right away that no one was going to leave.</p> <p>She looked at us for a minute, like she was making sure we weren't going anywhere, and then she started in again.</p> <p>She said that she wasn't going to use names—that she was going to call the killers A and B. But that didn't mean anything, because as soon as she started talking about A, you could tell right away that it was Watanabe. I think she meant for everybody to know, to get them interested—and it worked: Everybody started turning around to look at him.</p> <p>Then it was B's turn. The story was pretty much what I'd told her that day she came to the house. She'd sat there listening and not saying anything, but when she repeated back everything I'd said, she added these little comments that made me look stupid. Like I didn't do it because I was smart and wanted to prove something; I did it because I was dumb and couldn't do anything else. But what was the point of getting mad at her now. The game was over.</p> <p>Now they were all looking at me. Some kids were laughing, but some were shooting me looks like they really hated me.</p> <p>I was going to get killed! I knew it.</p> <p>It was all pretty simple: I went off to the game center—first bad move—and got punished; I was convinced my teacher was ignoring me; and so, I became an accomplice to murder. Who wouldn't want to kill me? But it was really Watanabe's fault. I'm actually a victim. He's a murderer; I'm a victim. A = murderer; B = victim. A = murderer; B = victim. I repeated the formula over and over to myself.</p> <p>Ogawa had another question for Moriguchi: "What if Wata...I mean, what if A kills somebody else?" he said. He seemed really into it.</p>	<p>я мог бы улизнуть, но было видно, что никто не собирался уходить.</p> <p>Ещё минуту она молча смотрела на нас, как будто хотела убедиться, что мы никуда не уйдём, а потом продолжила рассказ.</p> <p>Моригути сказала, что не озвучит имена и будет называть убийц А и Б. Но на деле это не имело значения, потому что как только она начала рассказывать про А, все сразу поняли, что это Ватанабэ. Думаю, она и хотела, чтобы все узнали, чтобы им стало интереснее. Это сработало: все обернулись посмотреть на своего одноклассника.</p> <p>Когда учительница дошла до ученика Б, история почти не отличалась от того, что я рассказал ей в день её визита. В тот раз, она просто молча сидела и слушала. Но сейчас, повторяя всё, что я тогда сказал, она добавляла маленькие комментарии, из-за которых я выглядел глупо. Как будто я сделал это не потому, что был умным и хотел что-то доказать, а потому, что был тупым и не мог поступить иначе. Но какой смысл злиться на неё сейчас. Игра окончена.</p> <p>Теперь все смотрят на меня. Одни смеются, а другие глядят с ненавистью.</p> <p>Они убьют меня! Я точно знаю.</p> <p>Всё было довольно просто: мой первый же шаг был неудачным. Я пошёл в игровой центр и был наказан. Я был уверен, что учительница меня игнорирует, и в итоге стал соучастником убийства. Кто бы не захотел убить меня? Но на самом деле это была вина Ватанабэ. На самом деле я жертва. Он убийца – я жертва. А – убийца, Б – жертва. А – убийца, Б – жертва. Я продолжал мысленно повторять эту формулу.</p> <p>Затем Огава задал Моригути вопрос: – Что, если Вата... Я имею в виду, что, если А убьёт ещё кого-нибудь?</p>	<p>Немного подождав, Моригути продолжила свой рассказ:</p> <p>– В этом классе два преступника. Для удобства назовем их А. и Б.</p> <p>Учительница не собиралась называть их имен. Она рассказала об А. Все присутствующие в ту же секунду поняли, что она говорит о Ватанабэ. Одноклассники начали оборачиваться и смотреть на него. Похоже, этого Моригути и хотела. Ей удалось их заинтересовать.</p> <p>Затем она перешла к Б. Ее рассказ напоминал то, что я рассказал ей в гостиной нашего дома. Тогда она сидела там с равнодушным лицом, а теперь повторяла все практически слово в слово, добавляя смешные комментарии, чтобы выставить меня дураком. Это случилось не потому, что Б. не мог поступить иначе, а потому, что был слишком глуп, чтобы найти другой выход. Конец.</p> <p>Теперь все смотрели на меня. Были те, кто бросал насмешливые взгляды; глаза некоторых были наполнены ненавистью и злостью.</p> <p>Мне конец! Меня прикончат!</p> <p>Все из-за того, что я пошел в игровой центр, попал в передрагу и схлопотал наказание, а мой учитель мне не помог, поэтому я стал сообщником убийцы и теперь сам погибну... Но виновен-то Ватанабэ! Я тоже жертва. Виновен Ватанабэ. Я – жертва. Ватанабэ – преступник, я – жертва. Ватанабэ – преступник, я – жертва. Ватанабэ – преступник, я – жертва. Я несколько раз повторил про себя эти слова, будто заклинание.</p> <p>– А если Вата... то есть А., убьет кого-то еще? – неожиданно спросил Огава-кун. Кажется, он искренне хотел знать ответ.</p>
---	--	--

<p>The kid staring out his bedroom window at the sky—just after the revenge.</p> <p>Spring break. I spent my days in my room, staring out at the sky.</p> <p>I wanted to climb out of the swamp and run away somewhere. Somewhere where nobody knows me. Somewhere where I could start all over from the beginning.</p> <p>White jet streams stretch out all the way to the edge of the blue sky. I wonder how far they go. As I'm thinking about this, I remember something I heard once.</p> <p><i>Weak people find even weaker people to be their victims. And the victimized often feel that they have only two choices: put up with the pain or end their suffering in death. But they're wrong. The world you live in is much bigger than that. If the place in which you find yourself is too painful, I say you should be free to seek another, less painful place of refuge. There is no shame in seeking a safe place. I want you to believe that somewhere in this wide world there is a place for you, a safe haven.</i></p> <p>Then I remembered who said it: It was Sakuranomi-sensei. I saw him on TV just a few months ago. Some joke—me remembering this now. He was so sure there was someplace I could go, but how was a middle school kid supposed to survive out in the world all by himself? Where would I sleep? What would I eat? Was anyone going to feed a runaway kid? Or give him a job? You couldn't last long out there without money. It was always the same thing: Adults gave you all this advice, but they could only understand the world on their own terms—they couldn't remember how it is to be a kid.</p> <p><i>...When I was your age, I was always running away from home. My friends and I were always getting into trouble, and getting punished for it. But we never once thought about killing</i></p>	<p>Из окна своей спальни ребёнок смотрит, уставившись на небо – сразу после мести.</p> <p>Начались весенние каникулы. Я сижу в комнате целыми днями и просто пялюсь на небо.</p> <p>Я хотел выбраться из этого болота и убежать куда-нибудь. Куда-нибудь, где меня никто не знает. Куда-нибудь, где я могу начать всё с чистого листа.</p> <p>Белый след от самолёта самолёт рассёк голубое небо. Интересно, как далеко он улетит. Думая об этом, я вспоминаю слова, которые когда-то услышал.</p> <p><i>Слабые люди всегда ищут тех, кто слабее, чтобы сделать их своими жертвами. И жертва часто чувствует, что у неё только два пути: смириться с болью или упокоить свои страдания в смерти. Но они ошибаются. Мир, в котором вы живёте намного больше. Если вам слишком больно находиться в каком-то месте, нужно найти другое, более спокойное пристанище. Искать такое место нормально, не стыдно. Я хочу, чтобы вы знали, что в этом огромном мире есть место для вас, ваша безопасная гавань.</i></p> <p>Потом я вспомнил, что это сказал именно учитель Сакураноми. Пару месяцев назад я увидел его по телевизору. Так забавно, что я вспомнил это именно сейчас. Он был так уверен, что есть какое-то место, куда я могу пойти, но как ученик средней школы должен выживать один в этом мире? Где я буду спать? Что я буду есть? Кто-нибудь будет кормить сбежавшего школьника? Или может даст ему работу? Без денег-то долго не протянешь. Всё всегда сводилось к одному: взрослые давали совет, который распространялся только на их картину мира. Они не помнят, что значит быть ребёнком.</p> <p><i>...В вашем возрасте, я всегда сбегал из дома. Мы с друзьями влипали в неприятности и нас наказывали. Но однажды мы задумались о самоубийстве... Но зачем? Мы ведь были друг у друга.</i></p>	<p>Школьник задумчиво смотрит в небо из окна своей комнаты – сразу после свершения мести.</p> <p>Весенние каникулы. Каждый день я провожу в своей комнате, таращась из окна наружу – на синее небо.</p> <p>Я хочу вырваться из вязкого болота и сбежать. Туда, где меня никто не знает. Туда, где я смогу начать все заново.</p> <p>Белый след от самолета пронзает синее небо над головой. Интересно, куда он летит? Мне в голову вдруг приходят слова, что я слышал когда-то...</p> <p><i>«Слабые люди всегда выбирают жертвой тех, кто еще слабее них. Жертвам только и остается, что искать спасения у смерти. Но это не так. Мир, в котором ты живешь, велик и обширен. Если тебе невыносимо жить здесь и сейчас, то отправься на поиски безопасного места, где сможешь быть счастлив и спокоен. В бегстве нет ничего стыдного. Верь, что где-то в этом мире есть подходящее для тебя место».</i></p> <p>Я вспомнил, что эти слова принадлежали Сакураноми-сэнсэю. Я смотрел его интервью по телевизору несколько месяцев назад. Шутка ли: я вспомнил о нем именно сейчас! Даже если бы для меня в этом мире и нашлось какое-то место, то как я, ученик средней школы, смогу выжить в нем в одиночку? Где я буду спать, что буду есть? Кто позаботится о сбежавшем из дома школьнике? Кто даст ему работу? Всегда так! Взрослые живут по своим правилам, забыв, каково это – быть детьми.</p> <p><i>«В твоём возрасте я частенько сбегал из дома. Мы с друзьями вечно попадали в передраги. Но и думать не смели о смерти! Ведь у нас всегда были настоящие друзья».</i></p>
---	--	--

ourselves....Why would we? When we had each other?

Maybe that's how it worked when he was a kid, but things are different now. Nobody really has any "friends"—I'm not even sure what that means. So if I'm going to go on living, I've got no choice but to do it in this house. My father works, my mother looks after me, and I stay right here. This is the only refuge I've got.

But what would happen if I give the HIV virus to my mother and father? And they get sick and die before I do. What would I do then?

I've got to make sure they don't get it.

That's my final goal as I live my last few days here in this swamp.

I seem to cry a lot in the swamp, but not because I'm sad. When I wake up in the morning and realize I'm still alive, the first thing I do is cry for joy. I pull open the curtains in my room and let the sunlight shine in, and though I know I don't have anything to do, I still cry at the start of a new day.

I cry because the food Mom makes me is so delicious. She fills the table with all my favorites, and I cry even harder when I realize I may not be around much longer to enjoy all this. I even tried those bean cakes I've always hated, thinking I should while I still had the chance, and I cried because I never imagined they would be that good. Why had I never given them a chance before?

They told me my sister's pregnant, and I cried to think about a new life coming into the world. Then I wanted to congratulate her in person because she's always been so good to me, but I couldn't risk infecting the baby, so I was left to cry all by myself.

But I'm not really unhappy. I don't really hate the way I am now. I thought it would be terrifying to live like this, knowing I was going to

Возможно, так это и работало в его детстве, но сейчас всё изменилось. Ни у кого нет «друзей». Я даже не знаю, что это значит. Если я собираюсь продолжать жить, у меня нет другого выбора, кроме как остаться в этом доме. Отец работает, а мама присматривает за мной. Вот и останусь здесь. У меня нет другого пристанища.

Что, если я заражу маму с папой ВИЧ? И что, если они умрут раньше меня? Что я буду делать?

Я *должен* сделать всё, чтобы они не заразились.

Это моя последняя цель на то время, что я живу в этом болоте.

Кажется, в этом болоте, я очень много плачу. Но даже не потому, что мне грустно. Проснувшись этим утром, я понял, что всё ещё жив, так что первым же делом расплакался от счастья. Я открыл шторы и пустил в комнату солнечный свет. Мне нечем заняться, но я всё равно плачу, встретив новый день.

Я плачу, потому что мамина еда очень вкусная. Она накрывает весь стол тем, что мне нравится. От этого я плачу ещё сильнее, потому что понимаю, что скоро не смогу наслаждаться этим. Я даже съел бобовые кексы, которые всегда ненавидел, ведь пока у меня ещё есть шанс, я должен попробовать их. В итоге я заплакал, потому что даже не знал, что они такие вкусные. Почему я не попробовал их раньше?

Мне сказали, что моя сестра беременна, и я заплакал, подумав о том, как новая жизнь приходит в этот мир. Я захотел поздравить её лично, ведь она всегда была добра ко мне, но я не могу так рисковать и заразить малыша, так что просто плакал у себя в комнате.

Не могу сказать, что я действительно несчастен. Я не то, чтобы ненавижу мой нынешний образ жизни. Было бы ужасно жить вот так, зная, что я скоро умру. Но сейчас моя жизнь куда спокойнее, чем раньше.

Так было в твоём детстве. Сейчас все иначе. Ни у кого нет настоящих друзей, да и они не помогут. В конце концов я смогу жить только здесь, в заточении. Отец работает, мама заботится обо мне. Мое безопасное место – мой дом.

Но что, если я случайно передам вирус своим родителям? Если они заболеют, то умрут раньше меня! Я же не выживу без них!

Я сделаю все, чтобы уберечь их обоих.

Теперь это моя единственная цель. Она поможет мне выжить в этом вязком темном болоте.

В этом болоте я постоянно плачу. Не потому, что мне грустно, нет.

Проснувшись с утра, я первым делом осознаю, что все еще жив, и плачу от счастья. Я открываю шторы, впуская в комнату солнечный свет, и пусть мне совсем нечем заняться, я до слез рад началу каждого нового дня!

Я плачу от того, какую вкусную еду готовит мне мама. Стол ломится от моих любимых блюд, и я плачу, понимая, что каждый обед или ужин может быть последним. Я попробовал монака, от которых всегда отказывался, – решил съесть хоть кусочек, пока у меня есть такая возможность. Я и не думал, что они могут быть такими вкусными! И снова плакал...

Услышав, что старшая сестра беременна, я плакал от мысли, что в этот мир скоро придет еще одна новая жизнь. Сестра всегда была так добра ко мне... Я хотел поздравить ее лично, но, опасаясь заразить еще не рожденного ребенка, так и не вышел из комнаты. И снова плакал в одиночестве.

Я не испытываю отвращения к себе или своему новому образу жизни. Мысль о скорой смерти не внушает мне страха. Более того, моя жизнь стала куда приятнее и спокойнее, чем раньше.

<p>die soon, but my life is actually more peaceful than it was before.</p> <p>I thought I wanted things to go on like this forever.</p> <p>But then spring break ended.</p> <p>I was entering eighth grade and I had to go to school. That's why they call it "compulsory education." I knew all that, but somehow, I still couldn't make myself go. I'm a murderer. If I showed up at school, the kids in the class were going to punish me. They were going to hurt me. I was pretty sure they would eventually kill me. So how could I go?</p> <p>But in addition to everything that might happen at school, I had another worry. I wasn't sure that my mother would let me stay home. I've been making up aches and pains every day since the start of school, but that can't work forever. Eventually she's going to get angry, or cry, or tell me how disappointed she is. I hate all of that, but it's not like I can tell her the real reason.</p> <p>What would happen if she knew all the details about Moriguchi's daughter?</p> <p>I threw her body in the pool after Watanabe killed her. That's what she thinks —and even that was a pretty bad shock. But how would she feel if she knew I had actually killed her, and that I had done it intentionally? Or that Moriguchi had taken her revenge by infecting me with the AIDS virus?</p> <p>I'll tell you how she'd feel. She'd go completely crazy. But what would I do if she didn't want me here anymore? The thing I was most afraid of was being thrown out of the house. To me, that was the same as dying.</p> <p>Then all of a sudden, she came up to my room.</p> <p>I was surprised that she didn't really push me to go to school. Instead, she wanted me to go see</p>	<p>Я хотел бы, чтобы и дальше всё так было.</p> <p>Весенние каникулы закончились.</p> <p>Я перешёл в восьмой класс и мне нужно было вернуться в школу. Поэтому это и называется «обязательным образованием». Я знал об этом, но не смог заставить себя пойти. Я убийца. Если я заявлюсь в школу, одноклассники накажут меня. Они причинят мне вред. Я был уверен, что они и убить меня могут. Тогда как мне туда пойти?</p> <p>Ко всему прочему, у меня была другая причина для волнений. Я не был уверен, что мама разрешит мне остаться. С самого начала занятий я говорил, что у меня то одно болит, то другое. Но это ведь не будет работать вечно. В один момент она разозлится или заплачет, ну или скажет, что разочаровалась во мне. Ненавижу это всё, но и настоящую причину ей сказать не могу.</p> <p>Что случится, если она узнает все детали произошедшего?</p> <p>Ватанабэ убил девочку, а потом я бросил её тело в бассейн. Вот, что она думает, и это уже прилично шокировало её. Но что с ней будет, если я расскажу, что на самом деле это я её убил, да ещё и намеренно? Или что Мorigути взяла месть в свои руки и заразила меня ВИЧ?</p> <p>А я скажу, как она будет себя чувствовать. Она сойдёт с ума. Но что я буду делать, если она выгонит меня? Больше всего я боюсь, что меня прогонят из дома. Это будет сродни смерти.</p> <p>Затем, она внезапно зашла в мою комнату.</p> <p>Я был удивлён, что она не отправила меня в школу. Вместо этого, она сказала, что нам нужно съездить к</p>	<p>Я бы хотел, чтобы это продолжалось вечно.</p> <p>Но весенние каникулы быстро подошли к концу.</p> <p>Начался новый учебный год, и я обязательно должен был вернуться в школу. Я прекрасно понимал это, но все равно не мог заставить себя выйти из дома. Я – убийца. Если я вернусь в школу, то одноклассники меня накажут. Они будут мучить меня, издеваться и, уверен, рано или поздно убьют. Я не могу туда вернуться.</p> <p>Меня беспокоило еще кое-что. Мама вряд ли разрешит мне пропускать занятия вечно. Я уже несколько раз прикидывался больным, придумывая все новые и новые симптомы, но... Она будет злиться, кричать, плакать. В конце концов разочаруется во мне. Тошно думать об этом! Но я не смогу рассказать ей настоящую причину, по которой не вернусь в школу.</p> <p>Если она когда-то узнает правду о том, что произошло...</p> <p>Она думает, что Ватанабэ убил дочку Мorigути, а я бросил ее бездыханное тело в бассейн. Уверен, ее это потрясло! А что, если она услышит, как все было на самом деле? Узнает, что ее сын – настоящий убийца? Что он убил ребенка сознательно и хладнокровно? А если мама узнает, что Мorigути отомстила, отравив ее сына кровью, зараженной СПИДом? Она попросту сойдет с ума! Может, никогда больше не захочет видеть меня в своем доме... Я так боюсь оказаться на улице! Для меня это совсем то же, что умереть!</p> <p>Вдруг мама зашла ко мне в комнату.</p> <p>Я ожидал, что она будет уговаривать меня вернуться в школу, но мама предложила сходить к врачу. Я смогу</p>
---	---	---

the doctor. She said I could stay home and take it easy for a while if they diagnosed me with a psychological problem.

Maybe I *was* sick.

But if I went to the doctor, they might find out about the HIV—and then my mother would know. That was a little scary, but I decided I could always run off if it looked like they were going to do any tests. Anyway, pretty much anything was better than being forced to go to school—where the kids were bound to kill me.

In the end, I shouldn't have worried so much. The doctor came up with a name for what ails me. It's called "autonomic ataxia"—whatever that is. But it turns out plenty of kids my age in Japan are staying home from school because they have it. My mother didn't seem particularly upset when she heard this. In fact, she seemed almost happy. At the very least, it meant that I could stay home and rest for a while, and that made me feel a little more relaxed, too.

When we left the clinic, I looked around like I was seeing the world with new eyes. I hadn't realized it that morning because I was so nervous, but this was the first time I'd been out of the house since that day. I was surprised to see that I could breathe the air out here like any normal person. Maybe I couldn't go to school, but I might be able to start going outside again.

I took a deep breath, like I was trying to check whether I really had come up out of the swamp, even a little bit—and that's when I caught sight of the Domino Burger by the station. It wasn't my favorite place—Watanabe and I hung out there during those few days when I thought we were friends—but when my mother asked me whether I wanted to get something to eat before we went home, I told her I could eat a hamburger. For one thing, I

доктору. Мама сказала, что, если мне диагностируют какую-нибудь психическую проблему, я могу спокойно остаться дома.

Может быть, я и был *болен*.

Но врачи могут узнать о ВИЧ и тогда они расскажут маме. Это немного пугало, но я решил, что могу убежать, если они попытаются брать какие-то анализы. В любом случае, это лучше, чем если мне придётся ходить в школу. Там меня точно убьют.

В конце концов, мне не стоило так сильно волноваться. Врач придумал название тому, что меня беспокоит. Это называется «вегетативная атаксия», что бы это ни значило. Но оказалось, что в Японии многие дети моего возраста не ходят в школу и сидят дома как раз по этой причине. Мама, видимо, не особо расстроилась, когда услышала диагноз. Вообще-то, она будто просияла. По крайней мере, это значило, что я мог остаться дома и отдохнуть. Меня этот факт тоже успокоил.

Покинув поликлинику, я огляделся так, будто вокруг был совершенно новый мир. Утром я слишком нервничал и не задумывался о том, что с того дня я впервые вышел из дома. Меня удивило, что я мог дышать, как и любой другой нормальный человек. Может я и не смогу ходить в школу, но я могу снова гулять.

Я глубоко вздохнул, будто пытался проверить, правда ли выбрался из болота. Тогда же я увидел рядом со станцией «Домино Бургерс». Я не любил это место, ведь мы с Ватанабэ пару раз встречались там, когда я думал, что мы друзья. Но когда мама спросила меня, не хочу ли я перекусить, прежде чем мы пойдём домой, я сказал, что не отказался бы от бургера. По крайней мере, я знал, что они используют одноразовую посуду, так что шанс распространения вируса немного меньше. Но больше всего

остаться дома, если мне диагностируют какое-нибудь душевное расстройство.

А что, если я действительно *болен*?

В больнице могут узнать, что я заболел СПИДом. Они сообщат маме. Эта мысль пугала меня. Но, решив, что я смогу сбежать, если они захотят взять какие-то анализы, я согласился – все лучше, чем идти в школу, где одноклассники готовы меня прикончить.

Я переживал зря. Врач быстро поставил диагноз «расстройство вегетативной нервной системы». Понятия не имею, что это значит. Но из-за него школьники моего возраста по всей Японии часто пропускают занятия. Мама тоже не выглядела расстроенной из-за диагноза. Кажется, она наконец была довольна. Теперь я мог спокойно оставаться дома, пропуская занятия в школе. Как гора с плеч!

Выйдя из клиники, я посмотрел на мир по-новому. С утра я был слишком взволнован, чтобы осознать это, но впервые за долгое время оказался на улице. Я удивился тому, что могу дышать как обычно. Я не вернусь в школу, но, возможно, смогу бывать на улице время от времени...

Я осторожно вдохнул еще глубже. Словно проверял, смогу ли хоть немного подняться из того темного болота. Мой взгляд упал на бургерную «Домино» у станции. Ту самую, где мы с Ватанабэ обсуждали наш совместный план.

– Может, перекусим где-нибудь? – спросила мама.

Я ответил, что не против съесть гамбургер. В подобных местах риск заразить маму СПИДом был ниже. Кроме того, я должен был кое-что проверить. Я пока не готов оказаться в универмаге, но если смогу выдержать поход в

<p>knew they used paper plates and plastic forks, so there was less chance of spreading the virus, but the real reason is that I needed to prove something to myself. I knew I wasn't ready to go back to Happy Town, but if I could face a place like Domino Burger, I thought I'd eventually be able to crawl out of the swamp.</p> <p>I'd been so worried about dying that I'd completely forgotten about Watanabe—at least until I saw the Domino Burger sign. I suddenly wondered what he was doing. I was sure he must be locked away in his laboratory in that deserted house, worrying about dying too, and I have to admit the idea made me feel pretty good. He was getting just what he deserved—that's what I thought as I bit into my hamburger.</p> <p>But just then something flew up all over my leg.</p> <p>Milk! Milk! Milk!... They were sitting right next to us...Moriguchi and her daughter!</p> <p>They were coming after me, pushing my head back down just when I'd been able to get it a little bit out of the swamp. Stop! Stop! Stop!... My head was going under the mud again. They were watching me, making sure I'd never get out. The slime was getting in my mouth, running down my throat.</p> <p>I ran to the bathroom and threw up, trying to get the mud out. And the image of Watanabe along with it.</p> <p>The kid peeks through his curtain and looks down at the visitors—about two months after the revenge.</p> <p>I haven't been able to go outside again after the trip to the doctor, but I manage to get by here. It's nice and quiet. My room is the most peaceful, since I don't have to worry about spreading the virus when I'm in here.</p>	<p>я хотел кое-что доказать самому себе. Я знал, что не готов вернуться в торговый центр «Хэппи Таун», но если я могу ходить в кафе вроде «Домино Бургерс», то может однажды и выберусь из этого болота.</p> <p>Я так переживал, что умираю, поэтому совсем забыл о Ватанабэ, хотя бы до тех пор, когда увидел вывеску этого кафе. Внезапно мне стало интересно, чем он сейчас занимается. Я был уверен, что он заперся в своей лаборатории в том пустом доме и тоже не находит себе места из-за смерти. Эта мысль меня немного обрадовала. Он получил то, что заслуживал. Об этом я думал, поедая гамбургер.</p> <p>Но потом что-то разлилось по моей ноге.</p> <p>Молоко! Молоко! Молоко...! Они сидят прямо рядом с нами... Мориугути со своей дочкой!</p> <p>Они пришли за мной, чтобы затолкнуть назад в то болото, из которого я высунулся. Перестаньте! Перестаньте! Перестаньте...! Моя голова снова погрузилась в трясину. Они следили за мной, чтобы убедиться, что я никогда не выберусь. Грязная вода попала мне в горло.</p> <p>Я убежал в туалет и пытался выплевать всю эту грязь. А вместе с ней и образ Ватанабэ.</p> <p>Ребёнок выглядывает из-за шторы, чтобы поглядеть на гостей – спустя два месяца после мести.</p> <p>После посещения врача я так и не выходил на улицу, но мне и тут неплохо. Тут хорошо и тихо. Моя комната – самое спокойное место. Хотя бы здесь я могу не переживать, что заражу кого-нибудь.</p>	<p>«Домино», то мне хватит сил, чтобы выбраться из темного болота.</p> <p>Я так боялся скорой смерти, что и не вспоминал о Ватанабэ. По крайней мере, до того момента, пока не увидел вывеску «Домино». Чем он сейчас занимается? Должно быть, заперся в своей «Лаборатории» в том старом доме на отшибе и тоже напуган. Признаюсь, от этой мысли мне стало веселее.</p> <p>«Каждому по заслугам», – подумал я, откусив кусок от гамбургера.</p> <p>Вдруг что-то упало прямо у моих ног.</p> <p>Молоко! Молоко молоко молоко... девочка за соседним столиком... дочь Мориугути! Они пришли за мной! Пришли, чтобы утянуть обратно в то темное, вязкое болото, из которого я начал выбираться! Хватит! Хватит! Хватит! Прекратите! Мое лицо снова погрузилось в грязную болотную воду! Они будут следить за мной! Они не позволят мне выбраться на поверхность! Вода наполнила мой рот, стекая вниз по горлу...</p> <p>Я рванул в туалет, чтобы вызвать рвоту. Я отчаянно хотел избавиться от болотной воды.</p> <p>И от мыслей о Ватанабэ заодно.</p> <p>Школьник тайком смотрит на пришедших из окна, спрятавшись за шторами, – два месяца после свершения мести.</p> <p>После визита в больницу мне больше не удалось выйти на улицу, но и дома хорошо. Мне спокойнее всего в своей комнате, где я могу не переживать о возможной передаче вируса СПИДа родителям.</p>
---	--	---

<p>I read manga on the Internet almost every day, and then I think up sequels to the stories and write those down in the notebook my mother bought me. I have to do a lot of cleaning, which is a pain, but it feels better than just messing around all day.</p> <p>Then they showed up. Terada, the new homeroom teacher, and Mizuki. They said they'd brought copies of the class notes, and Mother let them in and talked with them in the living room. Which is right below my room. I could hear every word they said. Mother spent a lot of time telling Terada how terrible Moriguchi had been.</p> <p>Then Terada told my mother she should leave all my problems to him. He said it in this really arrogant tone of voice, and I thought I was going to scream right through the floor.</p> <p><i>Leave me alone!</i></p> <p>I managed to keep quiet, but I started to feel really scared.</p> <p>You could never trust teachers. This one was acting all nice and friendly, but he was just trying to lure me back to school so they could kill me. Terada had probably been Moriguchi's student or something. She was probably his guru. He acted like he was worried about me, but he was probably here to check up on us, see what we were doing so he could report back to Moriguchi. I couldn't even trust Mizuki. There was a rumor at school that she was Moriguchi's spy. Maybe Moriguchi still wasn't satisfied; maybe she had decided she wanted to kill me right away, and this was all part of her plan. My mother seemed to like Terada. What would I do if she let him come up here? He was probably coming to kill me. I just realized that Mother had been telling Terada all that bad stuff about Moriguchi. What if he went back and told her?</p> <p>When Mother came up to my room looking all proud of herself, I screamed and threw a</p>	<p>Почти каждый день я просто читаю мангу в интернете, а потом придумываю продолжение историям и записываю в дневнике, который мне купила мама. Мне нужно часто убираться, что меня не радует, но это хоть какое-то занятие.</p> <p>Потом появились они. Тэрада, наш новый классный руководитель, и Мидзуки. Они сказали, что принесли копии конспектов. Мама впустила их, и они поговорили в гостиной, прямо под моей комнатой. Я слышал каждое слово. Мама долго рассказывала учителю о том, какая Мorigути ужасная.</p> <p>Потом он сказал, что сможет решить все мои проблемы. Он сказал это таким высокомерным тоном, что я захотел закричать ему прямо из своей комнаты.</p> <p><i>Оставьте меня в покое!</i></p> <p>Я смог сдержаться, но мне стало очень страшно.</p> <p>Учителям нельзя доверять. Даже этот строил из себя милого и дружелюбного, но на самом деле просто пытался затащить меня обратно в школу, где меня убьют. Тэрада, наверно, был учеником Мorigути. Она точно его духовная наставница. Он делал вид, что волнуется за меня, но на самом деле, скорее всего, пришёл проверить нас, чтобы рассказать обо всём Мorigути. Да я даже Мидзуки не могу доверять. По школе ходил слух, что она шпионка Мorigути. Может, эта женщина ещё не удовлетворена. Может она хочет убить меня прямо сейчас и это всё часть её плана. Маме, кажется, понравился Тэрада. Что я буду делать, если она впустит его сюда? Он же сразу убьёт меня. Я внезапно понял, что она только что наговорила кучу всего про Мorigути. А что, если он пойдёт и расскажет ей об этом?</p> <p>Когда мама гордо зашла ко мне в комнату, я сразу закричал и бросил в неё словарь. Зачем она вообще</p>	<p>Целыми днями я читаю мангу в интернете, а потом придумываю разные истории и их продолжения и записываю в дневник, что мне купила мама. Приходится постоянно за собой убирать, мыть вещи после использования, но мне хотя бы не скучно.</p> <p>Но они все же пришли за мной. Новый учитель Тэрада и Мидзуки-тян. Мама впустила их в дом и усадила в гостиной, ведь они принесли копии школьных конспектов. Они говорили, сидя в комнате прямо подо мной. Я слышал каждое их слово. Мама на чем свет стоит ругала Мorigути.</p> <p>Потом Тэрада невыносимо самодовольным тоном сказал: «Прошу, доверьте Наоки мне!», и мне захотелось кричать, что есть мочи!</p> <p><i>Оставьте меня в покое!</i></p> <p>Мне удалось сдержаться, но я ощутил сильное беспокойство.</p> <p>Нельзя верить учителю! Он прикидывался добряком, чтобы выманить меня в школу, где все готовы меня прикончить! Может, он вообще ученик Мorigути и помогает ей? Он лишь притворяется обеспокоенным, а сам пришел проверить, как я, чтобы потом доложить Мorigути... Я не могу довериться даже Мидзуки-тян. Ходили слухи, что она – любимица учителя. Она тоже шпионка! Это все может быть частью плана: Мorigути хочет, чтобы я страдал, и не готова долго ждать моей смерти. Как же быть? Маме, кажется, понравился Тэрада-сэнсэй. Что будет, если она позволит ему подняться наверх, войти в мою комнату? А если он пришел, чтобы убить меня? Мама же так ругала Мorigути... Он теперь доложит ей обо всем?</p> <p>Трепло! Старая ведьма!</p> <p>Когда она, вся такая довольная, заявила в мою комнату, я швырнул в нее словарем. Она испугалась.</p>
--	--	---

dictionary at her. Why did she have to go shooting her mouth off? She looked really shocked—probably because it was the first time, I'd ever acted like that. As soon as the door was closed, I started to cry again. But I can't think of any other way to protect myself.

Terada and Mizuki come once a week, and every time I feel terrified. Mother doesn't let them into the house anymore, but she hasn't told them to stop coming. How much longer will this go on?

I've been afraid to go out of my room. What if somebody's outside? Moriguchi or Terada or Mizuki—or even that scary Tokura from the Tennis Club? I'm so frightened I can't do anything.

They all want to kill me.

If they find out I'm reading manga on the Internet, they'll kill me for that. I'm pretty sure Moriguchi knows which sites I'm going to almost before I get there. What if Terada left some sort of bug in the living room and Moriguchi's listening to every word I say? If she hears me saying something's delicious or I'm having fun doing something, she'll want to kill me even more.

They're watching me. And I can't do anything. I sit in my room and stare at the white walls, but the image of the pool and the little girl float up in front of me. I want to look away, but somehow, I know I'm not allowed to.

Moriguchi has put a curse on me.

I spend the whole day staring at the wall. I don't know what time it is, what day it is. I can't taste food. I'm afraid of death, but I don't really feel like I'm living anymore. Maybe I'm not.

For the first time in days, I saw myself in the mirror. I looked miserable and filthy, but somehow, I could see signs of life. My hair had

разболталась? Она на самом деле испугалась, возможно, потому, что я раньше так себя не вёл. Как только дверь закрылась, я снова заплакал. Не могу придумать ничего другого, чтобы себя защитить.

Тэрада и Мидзуки приходят каждую неделю, и каждый раз мне ужасно страшно. Мама больше не впускает их в дом, но и перестать приходить не попросила. Как долго это будет продолжаться?

Мне страшно выходить из комнаты. Что если там кто-то будет? Моригути, Тэрада или Мидзуки? Может даже тот пугающий Токура из теннисного клуба? Мне так страшно, я даже не могу ничего делать.

Они все хотят моей смерти.

Если они узнают, что я читаю мангу по интернету, убьют меня за это. Уверен, Моригути знает на каких сайтах я чаще всего бываю. Что, если Тэрада оставил какой-нибудь жучок в гостиной и Моригути слушает всё, что я говорю? Если она услышит, как я называю что-то вкусным или веселюсь, она ведь ещё сильнее захочет убить меня.

Они следят за мной. А я не могу ничего с этим поделать. Я сижу в своей комнате и пялюсь на белые стены, но передо мной только образ бассейна и маленькой девочки, чьё тело безжизненно плавает на поверхности воды. Я хочу отвернуться, но я знаю, что мне нельзя.

Моригути прокляла меня.

Весь день я просто пялился на стену. Не знаю который сейчас час, какой сегодня день. Я не чувствую вкуса еды. Я боюсь смерти, но у меня больше нет ощущения, что я живу. Может я и не жив.

Впервые за много дней я посмотрел в зеркало. Я выглядел ничтожно и грязно, но всё же смог уловить следы

Наверное, я впервые так грубо себя повел. Когда дверь за ней закрылась, я снова заплакал. Я не знаю, как еще смогу защитить себя.

Раз в неделю Тэрада и Мидзуки обязательно возвращаются. Я боюсь их прихода. Мама перестала пускать их в дом, но до сих пор не запретила им приходить. Сколько еще это может продолжаться?

Мне страшно выходить из комнаты. Снаружи меня могут поджидать Моригути, Тэрада, Мидзуки или, например, тот мерзкий Токура из теннисного клуба... Я так напуган, что не могу перебороть себя.

Они все хотят меня убить.

Они убьют меня за то, что я читаю мангу в интернете. Моригути наверняка знает все сайты, на которые я захожу. Интересно, Тэрада мог оставить в гостиной «жучок», чтобы меня подслушивать? Вдруг она услышит, как я хвалю мамину еду, и решит поскорее убить меня, чтобы лишить любой возможности почувствовать себя лучше?

Они следят за мной.

Я не могу ничего с этим поделать.

Я сижу один в своей комнате и смотрю на белые стены. Передо мной застыла одна картина – тело маленькой девочки на поверхности бассейна. Я хотел бы отвести глаза, но, кажется, они мне ни за что не позволят.

Должно быть, Моригути меня прокляла.

Цельми днями я сижу, уставившись в стену. Не знаю, какой сегодня день, который сейчас час. Я больше не чувствую вкуса еды. Я ужасно боюсь смерти, но, кажется, теперь и не живу вовсе.

Может, я уже умер?

Я увидел свое отражение в зеркале. Я выглядел грязным и жалким, но живым! Мои волосы отросли. Мои

breathing. I could still move my arms and legs. I was alive. Or was I?

I left my room and went downstairs. Mother had fallen asleep with her head down on her desk. This was my house all right. I went into the bathroom and looked at myself in the mirror.

Of course. I wasn't dead—how could I be if I still had some hair?

I took the electric clippers out of the drawer. My mother had cut my hair with them until I started going to middle school. When I turned them on, they made a nice, quiet buzzing sound. I put them up to my forehead, and a little greasy clump fell at my feet—and with it, I could feel a little part of me vanish. So that was it? The proof of life was the fear of death. Then there was only one way for me to crawl back out of this swamp....

Pressing harder, I ran the clippers over my head. With the buzzing, I could feel strips of my life being peeled away.

When I was done with my hair, I cut my fingernails. Then I took a shower and washed away all the dirt. I lathered the soap into the washcloth and scrubbed over and over, and I could see the dirt falling off in flakes like the dust from an eraser. The proof of life went spinning down the drain.

So why was I still alive?

I couldn't understand. I'd scrubbed away every last shred of evidence—proof of my existence—and yet I was still breathing. Then I remembered a video I'd seen a few months ago.

Now I understood. I'd turned into a zombie. You could kill me again and again, but I didn't die. But it got better: My blood was actually a biological weapon. Maybe it would be fun to turn everyone else in town into zombies, too.

двигать руками и ногами. Я всё ещё был жив. Хотя так ли это?

Я вышел из комнаты и спустился вниз. Мама уснула, сидя за столом. Хорошо, я у себя дома. Я зашёл в ванную комнату и взглянул в зеркало.

Конечно. Я не был мёртв. Как бы я умер, если у меня всё ещё растут волосы?

Я достал из шкафчика триммер для стрижки. Мама всегда подстригала меня им, пока я не пошёл в среднюю школу. Прибор запустился с приятным, слегка жужжащим звуком. Я приложил его ко лбу и небольшой клочок жирных волос упал у моих ног. Мне показалось, что вместе с ним исчезла и какая-то часть меня. Что это было? Доказательством жизни был мой страх смерти. Тогда у меня был только один способ выбраться из этого болота...

Я провёл триммером по голове, надавив чуть сильнее. Под жужжащий звук я чувствовал, как срезаются целые полосы моей жизни.

Закончив с волосами, я приступил к ногтям. Потом принял душ и смыл с себя всю грязь. Я намазал мочалку мылом и тёр себя снова и снова. Я видел, как вся грязь спадает хлопьями, словно катышки от ластика. Доказательство моей жизни уходило в канализацию.

Почему я всё ещё был жив?

Я не мог понять этого. Я отгёр всё, что доказывало моё существование, и всё равно дышал. Потом я вспомнил фильм, который видел пару месяцев назад.

Теперь я понял. Я стал зомби. Меня можно убивать снова и снова, но я не умру. Стало даже лучше: моя кровь теперь биологическое оружие. Возможно, будет весело превратить и остальных в зомби.

Я сбежал вниз по лестнице и ринулся в ванную. Мама уснула в гостиной, положив голову на журнальный стол. Я посмотрел на себя в большое зеркало на стене.

Ну, конечно. Как я мог умереть, если все еще вижу доказательства жизни?

Открыв выдвижной ящик, я достал электрическую машинку для стрижки. Мама сама стригла меня дома, пока я не перешел в среднюю школу. Я включил машинку – та издавала приятный жужжащий звук. Я поднес ее к голове, приставил ко лбу. К моим ногам тут же упала прядь волос. Казалось, что вместе с ней я избавился от чего-то еще... Вот оно что! Это было не доказательство жизни, а страх смерти! Есть только один способ вырваться из этого темного болота...

Нажимая сильнее, я начал водить машинкой по макушке, вискам и затылку. С каждым движением я понемногу отбрасывал оставшуюся во мне жизнь.

Закончив с волосами, я подстриг ногти. Затем принял душ, чтобы смыть всю накопившуюся грязь. Я сильно тер кожу намыленной мочалкой – грязь, размокнув, отходила хлопьями, словно я стирал ее ластиком. Доказательство жизни медленно утекало в сливное отверстие.

Почему я не умер?

Я избавился от всех доказательств жизни, старательно стер все свои следы, но почему-то продолжал дышать. Вдруг я вспомнил фильм, что смотрел несколько месяцев назад.

Точно. Я превратился в зомби. А зомби нельзя убить, сколько ни пытайся. Выходит, моя кровь теперь – биологическое оружие. Интересно, как много людей я смогу обратить в зомби?

<p>I decided to go out and touch everything on the shelf at the store—and thanks to the razor in my pocket, everything I touched would have a smear of sticky red blood.</p> <p>Mission accomplished! The biological weapon has been detonated.</p> <p>I went around and brushed my hand over every bento and rice ball and juice bottle like I was putting my stamp on them.</p> <p>I wanted everybody to feel the same fear I did.</p> <p>Somebody tapped me on the shoulder—a kid with bleached blond hair who probably worked here part-time. He’s staring at my hand and he’s got this really grossed-out look on his face. Blood’s dripping from my palm where I cut it... drip, drip, drip, running nice and red...</p> <p>It didn’t really hurt before, but now that I’m staring at it I can feel it pulsing and throbbing. So I grab a box of bandages off the shelf and wrap it up.</p> <p>My mother came to get me. She did a lot of bowing and apologizing to the manager and the clerk. Then she bought all the stuff I got bloody.</p> <p>The sun was still low in the sky as we walked home, but it was strong, like it was piercing right into me. As I walked along, squinting and wiping the sweat out of my eyes, I somehow stopped caring anymore about the fear of death or the proof of life. My hand was throbbing, and I was hungry.</p> <p>And really, really tired...</p> <p>I looked over at my mother, who was walking next to me. She hadn’t put on her makeup, and she was wearing the same clothes she had on last night. When she came to Parents’ Day at school, she was always worried that she was older than the other moms, but that never bothered me. She was prettier than all of them. But this was the first time I’d ever seen her out without any makeup, and she couldn’t</p>	<p>Я решил выйти на улицу и потрогать все продукты в магазине, а благодаря лезвию в моём кармане, всё, чего я коснулся, было испачкано липкой красной кровью.</p> <p>Миссия выполнена! Биологическое оружие было приведено в действие.</p> <p>Будто ставя печать, я прошёлся между стеллажей и потрогал каждый бенто, каждый онигири и каждую бутылочку сока.</p> <p>Я хотел, чтобы все почувствовали тот же страх, что и я.</p> <p>Кто-то похлопал меня по плечу – ребёнок с осветлёнными волосами, возможно работник на пол ставки в этом магазине. Он пялился на мою руку, а отвращение на его лице становилось всё очевиднее. С порезанной ладони стекала кровь... Кап, кап, кап. Такая красивая и красная...</p> <p>Раньше я не ранился, но сейчас, глядя на этот порез, я чувствую, как он пульсирует. Поэтому я взял пачку бинтов и перевязал себе руку.</p> <p>Мама пришла забрать меня. Она постоянно кланялась и извинялась перед менеджером и кассиром, а потом купила всё, что я испачкал.</p> <p>Когда мы пошли домой, солнце ещё было низко, но светило так ярко, будто пронзая насквозь. Пока я шёл, щурясь и вытирая пот с глаз, я почему-то перестал беспокоиться о смерти или доказательствах жизни. Моя рука пульсировала, а я хотел есть.</p> <p>И я очень, очень устал...</p> <p>Я посмотрел на идущую рядом маму. Она не накрутила и надела ту же одежду, в которой была прошлым вечером. Когда она приходила в школу на День Родителей, всегда волновалась, что старше других матерей, но меня же это никогда не беспокоило. Она была красивее остальных. Но я впервые увидел её без макияжа, и она даже не могла стереть пот, стекающий по носу, потому что держала пакеты с продуктами, которые я</p>	<p>Я направился в комбини у дома. Порезав ладонь лезвием, я касался всего, до чего смог дотянуться, оставляя за собой длинный красный след.</p> <p>Я применил свое оружие!</p> <p>Словно отмечая их печатью смерти, я коснулся онигири, бэнто и пластиковых бутылок с водой.</p> <p>Все, все вокруг должны ощутить этот страх!</p> <p>Кто-то положил мне руку на плечо. Парень с обесцвеченными волосами, должно быть, подрабатывал здесь. Он с отвращением посмотрел на мою правую ладонь. Из пореза сочилась красная кровь.</p> <p>Кровь, кровь, кровь... красная кровь.</p> <p>Мне совсем не было больно, но теперь, глядя на ладонь, я начал чувствовать жжение в месте пореза. Взяв с прилавка упаковку пластырей, спокойно заклеил руку.</p> <p>За мной пришла мама. Она долго кланялась директору магазина, прося прощения, и выкупила все товары, которых я успел коснуться.</p> <p>Солнце недавно встало, но светило очень ярко – по пути обратно его лучи будто пронзали меня насквозь. Щурясь, я стер пот со лба и понял, что больше не боюсь смерти. Рука болела, я был голоден.</p> <p>Я очень, очень устал...</p> <p>Я взглянул на идущую рядом маму. Она не успела накраситься, на ней была та же одежда, что и вчера. Она всегда переживала, что является старше родителей других учеников в моем классе, но меня это никогда не беспокоило. Она была самой красивой. Я впервые видел маму, вышедшую на улицу без макияжа. Она даже не могла стереть капельки пота, свисавшие с кончика ее носа, – обе ее руки</p>
--	--	--

<p>even wipe away the drop of sweat running down her nose because she was holding the bags full of stuff I'd touched in the store. I had to squint hard to keep from crying.</p> <p>I guess I've been misjudging her. I thought she wouldn't be able to love a kid who didn't live up to her expectations, her high ideals. But I was wrong. She's still here for me, even now that I'm a zombie.</p> <p>I decided to tell her everything—and then get her to take me to the police. If she'd be waiting for me when I got out, I was pretty sure I could put up with my punishment. If she could accept me even though I'm a murderer, then maybe I'd be able to start over again.</p> <p>But I didn't know how to say any of this to her. I knew I should just tell the truth, but somehow I was still just a tiny bit scared she would give up on me if she knew.</p> <p>But who am I kidding?</p> <p>When it came right down to it, I just wanted to leave myself an escape route—which is why I decided to tell her what I'd done, but at the same time to keep pretending to be a zombie while I was telling her. It was while I was explaining to her about what Moriguchi had done to me, about the AIDS milk, that I suddenly realized something really important: I didn't know whether I was infected or not. Or, if I was infected, whether I actually had the disease. What exactly had I been scared of all this time?</p> <p>I could see the water in the swamp clearing up right in front of my eyes.</p> <p>I suddenly felt free, and maybe that's why I could tell my mother that I'd killed Moriguchi's little girl—that I'd meant to do it. The way I'd felt that day by the pool—that feeling that I was better than Watanabe, better than anybody— came back to me as I was talking.</p>	<p>запачкал. Мне приходилось прикрывать глаза, чтобы не заплакать.</p> <p>Наверное, я недооценил её. Я думал, что она не сможет полюбить ребёнка, который не оправдал её ожиданий, её высоких идеалов. Но я ошибался. Она всё ещё здесь со мной, даже сейчас, когда я стал зомби.</p> <p>Я решил всё ей рассказать, а затем уговорить отвести меня в полицию. Если она будет ждать меня из тюрьмы, то, уверен, я смогу смириться со своим наказанием. Если она сможет принять меня несмотря на то, что я убийца, тогда, возможно, я смогу начать всё сначала.</p> <p>Только я не знал, как сказать ей всё это. Я знал, что должен просто сказать правду, но почему-то всё ещё немного боялся, что она откажется от меня, узнав её.</p> <p>Но кого я обманываю?</p> <p>Когда дошло до дела, я просто хотел оставить себе путь к отступлению, поэтому и решил рассказать ей обо всём, продолжая притворяться зомби.</p> <p>Именно когда я рассказывал о том, что со мной сделала Мориугути – о молоке и СПИДе – я внезапно осознал кое-что действительно важное: я не знал, инфицирован я или нет. Или, если я был инфицирован, действительно ли я был болен. Чего именно я боялся всё это время?</p> <p>Прямо у меня на глазах, вода в болоте стала очищаться.</p> <p>Я внезапно почувствовал себя свободным, и, возможно, именно поэтому смог рассказать маме, что это я убил дочку Мориугути, и, что я хотел это сделать. Я смог рассказать, что чувствовал в тот день у бассейна. То чувство, что я лучше Ватанабэ, лучше всех других, снова вернулось ко мне, пока я говорил.</p>	<p>были заняты пакетами с продуктами, которые я отметил кровью. Я еле сдержался, чтобы не расплакаться.</p> <p>Я ошибался на ее счет. Я был уверен, что она никогда не будет любить ребенка, не соответствовавшего ее ожиданиям, не дотягивающего до ее высоких стандартов. Но она все еще здесь, рядом со мной...</p> <p>Я решил признаться ей во всем. Вместе пойти в полицию. Если она будет рядом со мной, то я смогу вынести любое наказание. Если она способна принять меня, то я готов попытаться начать заново.</p> <p>Но я не знал, как рассказать о своих чувствах. Я был напуган. Что, если, услышав правду обо мне, узнав, что я – убийца, она отвергнет меня?</p> <p>Да нет, ерунда. Я решил до конца изображать зомби.</p> <p>Рассказав маме о том, как Мориугути отомстила нам, отравив молоко кровью, я вдруг понял, что до сих пор не уверен в том, что действительно заразился. Чего же я боялся все это время?</p> <p>Темная вода в болоте начала медленно убывать.</p> <p>Я неожиданно ощутил такую свободу, что наконец рассказал маме об убийстве дочери Мориугути. То самое чувство – что я лучше Ватанабэ, что я лучше всех – снова вернулось. Совсем как тогда, у бассейна.</p>
--	--	--

<p>When I finished my confession, I could tell she was pretty shocked. I was hoping she'd agree that I needed to go turn myself in, but she just sat there. On the other hand, she didn't scream and push me away, either. She didn't give up on me, and that made me happier than just about anything.</p> <p>But then she started asking me why I threw the girl in the pool even after she opened her eyes. "It was because you were frightened, wasn't it?" She must have said that ten times. I wanted to tell her it was because I was doing what Watanabe—the kind of kid she'd wanted all along—couldn't do. I was succeeding where he had failed. But I couldn't say it.</p> <p>I didn't want to upset her anymore, so I just kept telling her I was ready to go to the police.</p> <p>They showed up again. Terada and Mizuki. But they don't scare me anymore. Let them come.</p> <p>But then Terada started yelling outside the door. "Naoki! If you're in there, listen to me!" So I sat down next to my window to listen. At that point, I didn't care what he said.</p> <p>"You're not the only one who had a hard time this term! Some of your classmates have been bullying Shūya! It's been pretty bad!" What? Watanabe has been going to school all this time? And he was still alive? Terada was saying that the kids had been punishing him, but they'd stopped.</p> <p>I didn't listen after that. Instead, I remembered what Watanabe had told me by the pool.</p> <p><i>We've never been friends. I can't stand kids like you anyway—completely worthless but full of yourself. Compared to a genius like me, you're pretty much a complete failure.</i></p> <p>And I could just hear him laughing at me now, knowing I'm a <i>hikikomori</i>.</p>	<p>Когда я закончил своё признание, было видно, что мама сильно шокирована. Я надеялся, что она согласится с тем, что мне нужно пойти и сдать властям, но она просто молча сидела. С другой стороны, она не кричала и не отталкивала меня. Она не отказалась от меня, так что я был счастливее некуда.</p> <p>Но потом она начала спрашивать меня, почему я бросил девочку в бассейн несмотря на то, что та открыла глаза. «Ты ведь просто испугался, да?» Она повторила это, наверно, раз десять. Я хотел сказать ей, что это потому, что я хотел сделать то, что не смог сделать Ватанабэ, ребёнок, о котором она могла только мечтать. Я преуспел там, где он потерпел неудачу. Но я не мог этого сказать. Я больше не хотел её расстраивать, поэтому просто продолжал говорить ей, что готов пойти в полицию.</p> <p>Они снова пришли. Тэрада и Мидзуки. Но они меня больше не пугают, пусть приходят.</p> <p>Вот только потом Тэрада начал кричать прямо с улицы.</p> <p>– Наоки! Если ты там, послушай меня!</p> <p>Вот я и сел у окна, чтобы послушать. В тот момент мне было всё равно, что он скажет.</p> <p>– Ты не единственный, кому пришлось нелегко в этом триместре! Кое-кто из твоих одноклассников издевался над Сюей! Это было ужасно!</p> <p>Что? Ватанабэ всё это время ходил в школу? И он всё ещё был жив? Ещё Тэрада сказал, что дети травили его, но потом перестали.</p> <p>После этих слов я перестал слушать. Вместо этого я вспомнил, что Ватанабэ сказал мне тогда у бассейна.</p> <p><i>Мы никогда не были друзьями. Я в любом случае не выношу таких как ты – бесполезные, но такие самодовольные. В сравнении с гениями вроде меня, ты просто неудачник.</i></p> <p>Я будто услышал, как он смеётся сейчас надо мной, зная, что я стал хикикомори.</p>	<p>Мама была шокирована моим признанием, но почему-то не предложила пойти в полицию. Она не считала, что я должен сдать, не отказывалась от меня. Осознав это, я стал счастливее, чем когда-либо.</p> <p>– Ты отпустил ее потому, что испугался? – спросила мама, глядя прямо на меня. Она переспросила еще несколько раз, но я каждый раз отвечал отрицательно.</p> <p>Я гордился собой. Я сделал то, на что Ватанабэ оказался не способен! Я преуспел!</p> <p>Но я не сказал ей об этом. Чтобы больше ее не расстраивать, я повторил, что готов в любой момент сдать полиции.</p> <p>Они снова пришли. Тэрада и Мидзуки-тян. Я больше не боюсь. Пусть приходят.</p> <p>– Наоки, если ты там – послушай!</p> <p>Тэрада, стоя на улице, орал во все горло. Мне было все равно, что он скажет. Я сел на пол у окна и принялся слушать.</p> <p>– Не ты один страдал весь семестр! С тобой страдал Сюя-кун! Над ним жестоко издевались одноклассники! Очень жестоко!</p> <p>Что он только что сказал? Ватанабэ ходил в школу? Все это время? И его до сих пор не прикончили?</p> <p>– ...я убедил их, что так нельзя! Они исправилась!</p> <p>Но я уже перестал слушать. Я наконец вспомнил, что Ватанабэ сказал мне тогда у бассейна.</p> <p><i>Мы никогда не были друзьями. Ненавижу таких, как ты, – самовлюбленных идиотов.</i></p> <p><i>По сравнению с гением вроде меня, ты – сплошное разочарование.</i></p> <p>Я мог поклясться, что слышал, как он смеется надо мной. Теперь-то только я стал хикикомори.</p>
--	--	--

<p>I had burrowed into my bed. The room was dark and I was grinding my teeth. I knew I was really angry, but I didn't know what to do about it. All this was Watanabe's fault, but he's been going to school like nothing happened. I felt like the world's biggest loser.</p> <p>Even if Mother won't go with me, tomorrow I'm going to the police to confess. Everything. He may get off easier than me, but at least he'll know that I was the one who killed her—of my own free will. That'll get him. I'd like to see the look on his face when he finds out. I'd like to be there to have a good laugh.</p> <p>I could hear somebody coming up the stairs. Must be my mother, and she must be coming to tell me she was ready to go to the police tomorrow. I was so happy, I went out to the hallway to wait for her. But....</p> <p>As she got to the top of the steps I could see what she had in her hand. A kitchen knife.</p> <p>What did she want?</p> <p>“What are you doing?” I asked her. “Aren't we going to the police?”</p> <p>“No, Naoki,” she said. “That wouldn't change anything. That wouldn't bring back my sweet Naoki.” She was crying hard.</p> <p>“Are you going to kill me?”</p> <p>“I want you to go with me, to see Grandma and Grandpa.”</p> <p>“You want to send me alone.”</p> <p>“No, I'm going, too.”</p> <p>She hugged me, and I realized for the first time that I was taller than she was. I suddenly felt really peaceful, and I knew it would be okay to die if she would come along with me.</p> <p>Mother was the only one who ever understood.</p>	<p>Я зарылся в одеяло на кровати. В комнате было темно, и я продолжал скрипеть зубами от злости. Я знал, что был ужасно зол, но не знал, что с этим делать. Во всём виноват Ватанабэ, но он ходит в школу как ни в чём не бывало. Я чувствовал себя самым большим неудачником в мире.</p> <p>Даже если мама не пойдёт со мной, завтра я пойду в полицию и признаюсь. Во всём. Возможно, он отделается легче, чем я, но, по крайней мере, он будет знать, что это я убил её – по собственной воле. Это его доконает. Я бы хотел увидеть выражение его лица, когда он обо всём узнает. Я бы хотел быть там, чтобы хорошенько посмеяться.</p> <p>Я услышал, как кто-то поднимается по лестнице. Должно быть, это моя мама, и, скорее всего, она хочет сказать, что готова завтра пойти в полицию. Я был так счастлив, что вышел в коридор, чтобы дождаться её. Но...</p> <p>Когда она поднялась по лестнице, я увидел, что она держала в руке. Кухонный нож.</p> <p>Зачем он ей?</p> <p>– Что ты делаешь? Разве мы не идём в полицию?</p> <p>– Нет, Наоки, это ничего не изменит. Это не вернёт мне моего милого Наоки.</p> <p>Говоря это, она редела навзрыд.</p> <p>– Ты собралась убить меня?</p> <p>– Я хочу, чтобы ты пошёл со мной к бабушке и дедушке.</p> <p>– Ты хочешь отправить меня одного.</p> <p>– Нет, я тоже пойду.</p> <p>Она обняла меня, и я впервые понял, что уже стал выше неё. Внезапно мне стало так спокойно, я знал, что всё будет в порядке, если мы уйдём вместе.</p> <p>Только мама меня понимала.</p>	<p>Я зарылся лицом в подушку. Лежа один в темной комнате, скрежетал зубами. Я был смертельно зол, но не знал, что делать с этой злостью. Это Ватанабэ был во всем виноват, но продолжал ходить в школу, пока я был заточен дома! Меня заполнила горечь разочарования.</p> <p>Даже если мама откажется идти со мной, я завтра же пойду в полицию и обо всем расскажу. Возможно, он легко отделается, но ему явно не понравится то, что на самом деле девочку убил я. Видеть бы его рожу! Вот я посмеюсь!</p> <p>Я услышал, как кто-то поднимается вверх по лестнице на второй этаж. Мама! Наверное, она пришла сказать, что завтра отведет меня в полицию. Я вышел из комнаты ей навстречу. Только вот...</p> <p>В руках у мамы, стоявшей на верхней ступеньке, был большой кухонный нож. Зачем он ей?</p> <p>– Мы разве не пойдём в полицию? – спросил я.</p> <p>– Нет, Нао-кун. Уже ничего не исправить. Ты больше не мой добрый, милый Наоки... – ответила мама; по ее щекам текли слезы.</p> <p>– Ты убьешь меня?</p> <p>– Мы вместе отправимся к бабушке и дедушке.</p> <p>– Нет, ты хочешь убить только <i>меня!</i></p> <p>– Нет, что ты!</p> <p>Мама обняла меня. Я впервые заметил, какая она хрупкая. Я уже стал выше нее. Я почувствовал себя так спокойно – я не против умереть вместе с мамой.</p> <p>Мама, мамочка, только она меня понимает...</p>
---	--	--

<p>“Naoki, my sweet boy. Forgive me. It’s my fault you’re this way. I’m sorry I wasn’t a better mother. I’m sorry I failed you.”</p> <p>Sorry I failed you. Failed you. Failed. Failure! Fail, fail, fail, fail, fail fail fail fail fail fail....</p> <p>She let go of me and rubbed my head. She had always been so good to me, petting me and spoiling me. There was a look of pity on her face.</p> <p>“I’m sorry I failed you,” she said.</p> <p>Stop, stop, stop! I am not a failure! I did not fail!</p> <p>Something hot splashed on my face. Blood, blood, blood. Mother’s blood.... Did I stab her? Her body looked skinny and fragile as she fell down the stairs. Mother, wait! Don’t leave me! Mother! Mother! Mother! ...Take me with you. That’s where the images playing on the wall always end. But who’s the stupid kid who keeps showing up here? And why do I know exactly what he’s thinking? And then there’s that girl who says she’s my sister. She was calling to me from outside the door. “Naoki, you didn’t do anything. It’s all a bad dream,” she said. She called me “Naoki.” I don’t like being called by the same name as that idiot kid in the film on the wall. But if I actually am that kid, then the “bad dream” is that film itself. And if that was a dream, what’s this? If only I could just wake up, have some of Mother’s scrambled eggs with bacon, and go to school.</p>	<p>– Наоки, мой милый мальчик. Прости меня. Это я виновата, что ты стал таким. Мне жаль, что я не была лучшей матерью. Прости, что мне не удалось защитить тебя.</p> <p>Прости, что мне не удалось защитить тебя. Не удалось защитить. Не удалось. Неудачник! Неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник, неудачник....</p> <p>Она отпустила меня и погладила по голове. Мама всегда была такой доброй ко мне, любила меня, баловала. На её лице было сожаление.</p> <p>– Прости, что мне не удалось защитить тебя,» сказала она.</p> <p>Перестань, перестань, перестань! Я не неудачник! Я не облажался!</p> <p>Что-то плеснуло мне на лицо. Кровь, кровь, кровь. Мамина кровь... Я ударил её ножом? Её тело выглядело таким худым и хрупким, когда она падала с лестницы. Мама, подожди! Не бросай меня! Мама! Мама! Мама! ...Забери меня с собой. На этом образы, всплывающие передо мной на стене, всегда заканчиваются. Но кто этот глупый ребёнок, постоянно появляющийся в них? И почему я точно знаю, о чём он думает? И есть ещё та девушка, которая говорит, что она моя сестра. Она звала меня из-за двери. – Наоки, ты ничего не сделал. Это всё дурной сон, – кричала девушка по ту сторону двери. Она назвала меня «Наоки». Мне не нравится, когда меня зовут тем же именем, что у того придурка из фильма на стене. Но на самом деле я и есть тот ребёнок, тогда весь этот фильм и есть «дурной сон». Но если это был сон, то что происходит сейчас? Вот бы мне проснуться, поесть мамину яичницу с беконом и уйти в школу.</p>	<p>– Нао-кун, мое сокровище... прости меня. Это я виновата, что ты такой. Прости, что не воспитала лучше. Прости... что разочаровала.</p> <p>Прости, что разочаровала. Разочаровала! Разочарование! Разочарование, разочарование, разочарование разочарование разочарование разочарование разочарование разочарование... Она выпустила меня из объятий и погладила по голове. Моя ласковая мама. Ее лицо исказила гримаса жалости.</p> <p>– Прости, что разочаровала...</p> <p>Прекрати, прекрати, прекрати! Я – не разочарование! Не разочарование! Не... Что-то горячее брызнуло мне в лицо. Кровь. Кровь, кровь. Мамина кровь... Я что... ударил ее ножом? Мамино хрупкое тело покачнулось и упало с лестницы. Мама, подожди! Не оставляй меня! Мама! Мама! Мама! Мама! ... забери меня с собой. Каждый раз фильм на стене заканчивается одним и тем же. Кто этот глупый мальчишка? И откуда мне так хорошо известно, о чем он думает?</p> <p>Кстати, недавно заходил кто-то, представившийся моей старшей сестрой. Она все звала меня из-за двери. – Нао-кун, ты ничего плохого не сделал! Это все – просто страшный сон! Она все звала меня «Нао-кун». Но если я и есть тот самый Нао-кун из фильма на стене, выходит, что это все – совсем не сон...</p> <p>Будь это сном, я бы... и так хотел поскорее проснуться, съесть приготовленную мамой яичницу с беконом и пойти в школу.</p>
--	---	--

СОГЛАСИЕ
на размещение текста выпускной квалификационной работы обучающегося
в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева

Я, Сазончик Елизавета Сергеевна
(фамилия, имя, отчество)

разрешаю КГПУ им. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до всеобщего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной профессиональной образовательной программы выпускную квалификационную работу бакалавра / специалиста / магистра / аспиранта

на тему: Проблематика перевода криминальной прозы на материале собственного и опубликованного перевода психологического романа-детектива Канаэ Минато «Признания»

(название работы)

(далее – ВКР) в сети Интернет в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева, расположенной по адресу [http:// elib.kspu.ru](http://elib.kspu.ru), таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на ВКР.

Я подтверждаю, что ВКР написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает интеллектуальных прав иных лиц.

«14» мая 2024 г.
(дата)

(подпись)

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНА В СИСТЕМЕ АНТИПЛАГИАТ.ВУЗ

Автор работы: Сазончик Елизавета Сергеевна
Самоцитирование
рассчитано для: Сазончик Елизавета Сергеевна
Название работы: ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА КРИМИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ НА МАТЕРИАЛЕ СОБСТВЕННОГО И
ОПУБЛИКОВАННОГО ПЕРЕВОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА-ДЕТЕКТИВА КАНАЭ МИНАТО
«ПРИЗНАНИЯ»
Тип работы: Выпускная квалификационная работа
Подразделение: Кафедра английской филологии КГПУ им. В.П. Астафьева

РЕЗУЛЬТАТЫ

СОВПАДЕНИЯ	3.65%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	95.14%
ЦИТИРОВАНИЯ	1.21%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%

ДАТА ПОСЛЕДНЕЙ ПРОВЕРКИ: 13.05.2024

Структура
документа:
Модули поиска:

Проверенные разделы: основная часть с.3-49

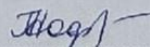
Интернет Плюс*; Переводные заимствования по коллекции Гарант; аналитика; Кольцо вузов (переводы и перефразирования); Переводные заимствования*; СПС ГАРАНТ: нормативно-правовая документация; Публикации РГБ; Шаблонные фразы; Коллекция НБУ; Издательство Wiley, IEEE; СПС ГАРАНТ: аналитика; Диссертации НББ; Сводная коллекция ЭБС; Цитирование; Публикации eLIBRARY; Кольцо вузов; ИПС Адилет; Библиография; СМИ России и СНГ; Патенты СССР, РФ, СНГ; Медицина; Перефразирования по Интернету (EN); Перефразирования по Интернету; Переводные заимствования по Интернету (EnRu); Переводные заимствования по коллекции Интернет в русском сегменте; Перефразирования по коллекции IEEE; Перефразирования по коллекции издательства Wiley; Публикации eLIBRARY (переводы и

Работу проверил: Софронова Татьяна Марковна

ФИО проверяющего

Дата подписи:

13.05.2024

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте QR-код,
который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

ОТЗЫВ

научного руководителя к.филол.н., доц. Т.М. Софроновой на выпускную квалификационную работу Сазончик Елизаветы Сергеевны «Проблематика перевода криминальной прозы на материале собственного и опубликованного перевода психологического романа-детektива Канаэ Минато «Признания»

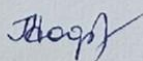
Исследованием проблем перевода криминальной прозы Елизавета Сергеевна занялась еще в рамках своего курсового проекта. Это помогло ей определиться с дальнейшим направлением собственных исследований, освоить теорию прозаического художественного перевода и приступить к сравнительно-сопоставительному исследованию выявленных контекстуальных несоответствий при собственном переводе с их передачей в опубликованном переводе. Специфика исследования заключается в том, что Елизавета Сергеевна выполняла не прямой перевод с японского оригинала произведения К. Минато «Признания», а косвенный перевод – с англоязычного перевода данного романа, который был удостоен всяческих литературных премий. Официальный перевод с японского на русский этой книги появился лишь в конце 2023 года, поэтому был задействован для сопоставления со своим независимым переводом в исследовательской работе Е.С. Сазончик.

Несомненной заслугой Е.С. Сазончик является проработка имеющихся научных источников по специфике перевода криминальной прозы, проблемам межъязыковой передачи стилистики оригинала. Характеризуя работу в целом необходимо отметить, что избранная автором логика исследования, последовательность и содержание глав и разделов позволяет в полной мере раскрыть тему исследования. Практическая часть исследования представляет собой, по сути, критический анализ Елизаветой не только опубликованного перевода, но и своего собственного.

Результаты исследования были доложены Е.С. Сазончик на Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» (9 апреля 2024 г., КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск) и была удостоена диплома второй степени, а также оформлена статья для публикации в материалах XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики» (21 мая 2024 г., СибГУ им. М.Ф. Решетнева, г. Красноярск) и подана в печать статья в Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева.

Выпускная квалификационная работа Е.С. Сазончик позволяет сделать вывод о сформированности у ее автора высокого уровня компетенций в области перевода и переводоведения. Работа выполнена в соответствии с требованиями ГИА и может быть допущена к участию во II Региональном конкурсе студенческих научных работ КГПУ им. В.П. Астафьева.

к.филол.н., доцент

Т.М. Софронова